

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

191

ПАМЯТНИКИ
АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

191

ПАМЯТНИКИ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
И. Т. КРУГЛИКОВА

МОСКВА «НАУКА» 1987

Выпуск посвящен античным памятникам Северного Причерноморья. Публикуются новые материалы из раскопок античных городов и поселений. Рассматриваются проблемы торговых связей, ремесел, культуры.

Редакционная коллегия:

О. С. ГАДЗЯЦКАЯ (ответственный секретарь),
Н. Н. ГУРИНА, А. Н. КИРПИЧНИКОВ (зам. ответственного редактора),
Ю. А. КРАСНОВ, В. В. КРОПОТКИН,
И. Т. КРУГЛИКОВА (ответственный редактор),
В. П. ЛЮБИН, В. М. МАССОН, Н. Я. МЕРПЕРТ, Р. М. МУНЧАЕВ,
В. В. СЕДОВ (зам. ответственного редактора),
Д. Б. ШЕЛОВ

Рецензенты:

Э. Я. НИКОЛАЕВА, В. Д. КУЗНЕЦОВ

СТАТЬИ

М. В. АГБУНОВ

АНТИЧНАЯ АРХЕОЛОГИЯ
И ПАЛЕОГЕОГРАФИЯ

Первые попытки привлечения палеогеографических данных в решении историко-археологических вопросов относятся еще к началу XIX в. Так, при локализации упоминаемых античными авторами городов и поселений И. А. Стемповский, П. В. Беккер, А. А. Скальковский и другие исследователи отмечали, что в устьях причерноморских лиманов произошли определенные изменения, хотя в те годы еще не было необходимых географических данных¹. Позднее появились сведения о затопленных археологических объектах, начались целенаправленные подводные археологические исследования, особенно развернувшиеся под руководством В. Д. Блаватского². Постепенно накопились материалы и геолого-географических исследований, которые стали привлекаться археологами³. Дальнейшие работы показали, что комплексный подход дает существенные результаты в решении многих историко-археологических вопросов, и предопределили широкое привлечение палеогеографических данных в античной археологии Северного Причерноморья. В предлагаемой статье предпринята попытка охарактеризовать основные аспекты и перспективы комплексных исследований.

Основной круг рассматриваемых вопросов связан с изменениями береговой линии, вызванными повышением уровня Черного моря. В античное время уровень моря был ниже современного, по мнению разных исследователей, от 4—5 до 10 м⁴. Но для отметки 10 м пока нет достаточно убедительных данных. В последней, обобщающей работе П. В. Федоров — основоположник учения об изменении уровня моря — останавливается на отметке 5—7 м⁵. Поэтому для получения достоверных и бесспорных реконструкций следует исходить из 5-метровой изобаты. Эта цифра признается всеми исследователями и не вызывает сомнений ни у археологов, ни у палеогеографов. Однако мы не всегда представляем себе, что кроется за этим выводом. А между тем новейшие исследования показывают, что в результате повышения уровня моря практически на всем побережье произошли довольно существенные изменения, с которыми нельзя не считаться⁶.

В античное время береговая линия моря в деталях выглядела иначе. Ни один метр побережья не сохранил своего древнего облика. Эти изменения, как правило, заключаются в наступлении моря на сушу. За прошедшие 2,5 тыс. лет берег отступил от нескольких десятков метров до километра и более. А в некоторых местах, например, в дельтах рек, наблюдается обратное явление — суша вытесняет море. В результате трансгрессии уже в средневековье появился целый ряд мелководных лиманов, заливов, бухт, которые ранее не существовали. Особенно серьезные изменения произошли в древних дельтах. Здесь еще в древнегреческий период перемещались устья рек, мелели и исчезали одни рукава, появлялись другие и т. д. Происшедшие изменения берегов повлекли за собой значительные последствия.

В первую очередь следует подчеркнуть, что в результате трансгрессии прибрежные районы многих античных городов и поселений, таких, например, как Тира, Никоний, Ольвия, Херсонес, Нимфей, Фанагория, Гермонасса и другие, оказались на дне моря, образовавшихся лиманов, заливов. Эти факты общеизвестны и видны, как говорится, воочию, и не о них речь. Эти города расположены не непосредственно на берегу моря, а в лиманах, бухтах, проливе, где разрушительная сила волн меньше и поэтому уничтожены и затоплены лишь гавани, портовые сооружения и прибрежные районы. А населенные пункты, располагавшиеся ближе к морю, в более открытых местах, где скорость разрушения берегов значительно больше, были уничтожены и затоплены полностью. Такова судьба, надо полагать, города Кремниски, башни Неоптолема, города Одессы⁷, а также городов Пирры и Антиссы, которые, как прямо указывает Плиний (II, 206), были поглощены Понтом. Такая участь постигла и десятки безымянных поселений. Поэтому наши представления о заселенности того или иного региона оказываются неполными. А это может привести к некоторому недопониманию и не совсем правильному освещению основных этапов исторического развития античных центров, в особенности — процесса греческой колонизации Причерноморья.

Поэтому представляется, что одна из первоочередных задач античной археологии должна быть связана с составлением полной карты затопленных городов, поселений и других археологических объектов. Только после получения такой карты можно будет с бесспорной достоверностью детально проследить последовательность освоения греческими колонистами Черноморского побережья и дальнейшую историю региона, а также окончательно решить ряд конкретных историко-археологических вопросов. Для примера можно привести спор о возможном существовании хоры Березанского поселения, якобы ныне затопленной морем⁸. Разрешить этот спор можно только путем целенаправленных подводных разведок в прилегающей к Березани прибрежной зоне моря. Таким образом, перед подводной археологией стоит важная задача — составить гидро-археологическую карту Северного и Восточного Причерноморья, работу над которой начал еще в предвоенные годы Р. А. Орбели⁹. Эта карта существенным образом поможет также в построении отдельных палеогеографических реконструкций, а в конечном счете — палеогеографической карты всего региона, которая крайне необходима для дальнейших историко-археологических исследований.

Географические изменения во многих случаях стали основной причиной целого ряда противоречий, неясностей, несоответствий между сведениями древних авторов и современными данными. Эти расхождения долгое время объясняли, как правило, ошибками античных писателей. Такие объяснения подрывают авторитет древних историков и географов и вызывают недоверие к их сведениям. В результате значительно осложнилась работа по локализации указанных античными авторами городов, поселений, гаваней, островов и других объектов. И сегодня приходится констатировать, что до настоящего времени остается спорным или неизвестным вообще местоположение нескольких десятков населенных пунктов. Локализовать их и отождествить с конкретными городищами можно только при комплексном изучении письменных, археологических и палеогеографических источников. Исследования последних лет показывают, что описания античных авторов в большинстве своем абсолютно достоверны, но мы, как правило, недопонимаем их в силу происшедших географических изменений и принимаем кажущиеся противоречия за действительные. Эти изменения порой настолько значительны, что сегодня практически для любого участка Черноморского побережья требуются палеогеографические реконструкции. Без них невозможно до конца полное и правильное понимание процесса исторического развития античных городов и окончательное решение многих конкретных историко-археологических вопросов.

Для примера можно привести район Нижнего Поднестровья. Он про-

шел мимо внимания первых греческих колонистов и был освоен уже позже Нижнего Побужья. Представляется, что одной из основных причин этого были различия в физико-географических условиях. В древности Днестровского лимана не существовало, на его месте была дельта реки из двух рукавов, и условия судоходства здесь были хуже, чем в Днепро-Бугском лимане. Физико-географические особенности наложили отпечаток и на процесс внутреннего освоения греками низовьев Тиря. Представляется, что первоначально колонисты поселились на острове в дельте реки, а затем уже перебрались на коренной берег. Здесь обращает на себя внимание следующее обстоятельство. Все архаические поселения, известные в этом районе, расположены на левобережье¹⁰. На правом берегу поселения VI в. до н. э. не зафиксированы. Греки появились здесь, видимо, в конце V в. до н. э. Это своеобразие объясняется, по всей вероятности, различием гидрологических условий в дельте Тиря. В первую очередь эллины заселили коренной берег более спокойного левого рукава реки, где условия судоходства были лучше. Лишь после этого они стали осваивать коренной берег правого, основного рукава, где быстрое течение затрудняло плавание. Позже гидрологический режим в дельте изменился. Левый рукав реки постепенно обмелел и к III в. до н. э. стал несудоходен. Это послужило, надо полагать, одной из главных причин упадка Никония и выдвижения на передний план соседней Тиря¹¹. Высказанные положения, разумеется, гипотетичны и требуют дальнейшего изучения. Но приведенные примеры заставляют внимательнее присмотреться к истории других районов Причерноморья. Уже сейчас можно предполагать, что такие случаи были далеко не единственными. Географические изменения, бесспорно, повлияли на процесс исторического развития античных центров в Нижнем Подунавье, Нижнем Побужье, на Боспоре и в других местах.

Работа по выявлению таких влияний перспективна и в более широком плане. Соответствующие исследования физико-географических условий, экономического потенциала того или иного района и сопоставление их с ходом исторического развития позволяют предполагать гораздо более тесную взаимосвязь между ними, чем принято обычно считать. Ведь греки активно эксплуатировали природные ресурсы на протяжении многих столетий и в той или иной мере исчерпывали их. Кроме того, происходила и естественное природно-географические изменения. Эти обстоятельства, безусловно, влияли на экономику античных городов. В каждом отдельном случае экономикта того или иного города, как единый хозяйственный организм, чутко реагировала на такого рода изменения.

Как же конкретно привлекать данные палеогеографии в историко-археологических исследованиях? Вопросы о характеристике климата, флоры, фауны, полезных ископаемых античного Причерноморья в общих чертах разработаны специалистами, и использование этих данных особых затруднений не вызывает. Сложнее обстоит вопрос с реконструкцией береговой линии. Эти проблемы разработаны палеогеографами, к сожалению, в самых общих чертах. А конкретные реконструкции археологам приходится строить самим. Для этого имеются все необходимые, как правило, опубликованные материалы геолого-географических исследований: данные о строении берега, дна моря, лиманов, заливов, о скорости абразии, тектоники, осадконакопления, о геологической истории лиманов, дельт рек, о гидрологических особенностях и других геологических процессах.

Во многих случаях полученные палеогеографические реконструкции могут быть подтверждены результатами подводных археологических разведок. Здесь речь идет не о традиционных дорогостоящих исследованиях затопленного района того или иного античного города. В данном случае имеется в виду целенаправленное обследование с помощью аквалангистов (а при необходимости — и специальной аппаратуры) ныне затопленной древней береговой полосы. Такое прочесывание в соответствии с полученными палеогеографическими реконструкциями наиболее необхо-

димых районов позволит отыскать существовавшие там в древности населенные пункты, вернее, их остатки.

Комплексные исследования дают новые результаты, весьма важные для геологов и палеогеографов. Они помогут уточнить положение древней береговой линии, время существования островов, перемещения устьев рек, образования лиманов, заливов, бухт, скорость трансгрессии, тектоники, абразии, осадконакопления и других геологических процессов.

Метод комплексного изучения письменных, археологических и палеогеографических данных широко применен, как уже говорилось, в основном, в Северо-Западном Причерноморье. И здесь, и в других районах историко-географические исследования приносят существенные результаты. Они наглядно подтверждают классическое выражение знаменитого фламандского географа XVI в. А. Ортелиа: «География — глаза истории». Учитывая успешные результаты проводимых работ, можно предложить программу исследований для всего Черноморского побережья нашей страны. Предполагаемая программа включает в себя: 1) анализ сведений античных авторов о Черноморском побережье; выявление противоречий и расхождений в физико-географическом описании; 2) сопоставление античных сведений с письменными и картографическими материалами средневековья; 3) изучение геолого-географических данных, построение палеогеографических реконструкций; 4) проведение подводных археологических разведок, выявление затопленных объектов; 5) локализация указываемых в письменных источниках античных городов и поселений; 6) объяснение противоречивых сведений древних авторов, их дальнейший источниковедческий анализ; 7) изучение историко-археологических материалов в свете палеогеографических реконструкций; 8) подборка данных, необходимых для геолого-географических наук.

- ¹ *Стемковский И. А.* Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Эвксинского между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 г. остатков древностей в Одессе. СПб., 1826. С. 48; *Беккер П. В.* Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена в отношении к древним его колониям// *ЗООИД.* 1853. Т. 3. С. 166—168; *Скальковский А. А.* Опыт статического описания Новороссийского края. Одесса, 1850. Ч. 1. С. 153 и др.
- ² Краткую характеристику подводных работ см.: *Петерс Б. Г.* Морское дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1982. С. 15—17.
- ³ *Щеглов А. Н.* Заметки по древней географии и топографии Сарматии и Тавриды. I. Остров Березань// *ВДИ.* 1965. № 2. С. 107—110; *Шилик К. К.* К палеогеографии Ольвии// *Ольвия.* Киев, 1974. С. 70 сл. и др.
- ⁴ Сводку основных мнений см.: *Щеглов А. Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 15—17.
- ⁵ *Федоров П. В.* Последледниковая трансгрессия Черного моря и проблема изменений уровня океана за последние 15 тыс. лет// *Колебания уровня морей и океанов за 15 000 лет.* М., 1982. С. 154.
- ⁶ В последние годы мною проводились комплексные историко-археологические и палеогеографические исследования в Северо-Западном Причерноморье. Эти работы помогли сделать ряд наблюдений о палеогеографических изменениях, которые в той или иной степени присущи для всего Черноморского побережья. Основные результаты работ см.: *Агбунов М. В.* К вопросу о локализации башни Неоптолема и Германактовой деревни// *ВДИ.* 1978. № 1. С. 112—123; *Он же.* Заметки по античной географии Нижнего Поднестровья// *ВДИ.* 1979. № 2. С. 118—138; *Он же.* Материалы по античной географии Северо-Западного Причерноморья// *ВДИ.* 1981. № 1. С. 124—143.
- ⁷ *Агбунов М. В.* К вопросу... С. 123; *Он же.* Материалы... С. 134, 135, 142, 143.
- ⁸ Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 361—362.
- ⁹ *Орбели Р. А.* Исследования и изыскания. М.; Л., 1947. С. 273—274.
- ¹⁰ *Охотников С. Б.* Поселения VI—V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье// *Исследования по античной археологии Юго-Запада Украинской ССР.* Киев, 1980. С. 84—96.
- ¹¹ *Агбунов М. В.* Давньогрецький Ніконій// *Археологія.* 1979. 32. С. 17, 18.

БРОНЗОЛИТЕЙНОЕ РЕМЕСЛО БОСПОРА

IV в. до н. э.

Археологическое изучение Пантикапея за последние десятилетия дало возможность в общих чертах представить историю металлообработки столицы Боспора. К середине 70-х годов раскопками были открыты остатки трех мастерских VI—V вв. до н. э., а также сбросы металлообрабатывающих мастерских II — первой половины III в. н. э. (рис. 1)¹. Обращает на себя внимание тот факт, что остатки мастерских по обработке металла периода со второй половины V в. до н. э. по конец II в. н. э. известны не были. Может быть, в это время на Боспоре не занимались обработкой металла? Но именно для периода IV—III вв. до н. э. характерны великолепные изделия боспорской торевтики, прежде всего золотые статеры Пантикапея, ничем в художественном отношении не уступавшие средиземноморским образцам. Именно в это время в курганы скифской знати попадают шедевры торевтики, которые, по мнению большинства исследователей, изготавливались на Боспоре. Итак, на данный момент остатки металлообрабатывающих мастерских эллинистического времени на Боспоре не засвидетельствованы. Однако даже в сравнительно хорошо изученных античных городах Греции, известных как центры металлообрабатывающего ремесла, далеко не все исторические периоды освещены одинаково. Так, в Коринфе неизвестны остатки бронзолитейных мастерских именно с V в. до н. э. по раннеримское время², т. е. точно такого же времени, как и на Боспоре. В районе афинской агоры зафиксированы остатки двадцати бронзолитейных мастерских и кузниц VI в. до н. э.—VI в. н. э., но при этом совершенно неизвестны производственные комплексы II в. до н. э.—III в. н. э.³ Возможно, отмеченные нами явления отражают общегреческие тенденции размещения металлообрабатывающих мастерских в разные периоды, и лакуны рано или поздно должны заполняться. Это подтверждают находки на Центральном раскопе Пантикапея, сделанные в сезонах 1978—1982 гг.

В восточной части раскопа были найдены предметы, по всем признакам связанные с отливкой бронзовой статуи: глиняная воронка для литья, обломок тигля, несколько десятков фрагментов литейных форм из обожженной глины и каменный вставной глаз. Данные стратиграфии и аналогии из городов Греции позволили датировать остатки производства бронзовой статуи в Пантикапее второй половины IV в. до н. э.⁴ В древнегреческих центрах мастерские по отливке крупных бронзовых статуй располагались в непосредственной близости от храмов или общественных зданий⁵. Пантикапейская статуя могла быть отлита для храма Аполлона, построенного на вершине г. Митридат в первой половине V в. до н. э., но существовавшего и позднее, о чем говорят надписи IV—III вв. до н. э.⁶

В 1982 г. на площади 114 Центрального раскопа было проведено исследование слоя сброса металлообрабатывающего производства, открытого в 1978 г. Слой мощностью до 60 см перекрыл помещение VI—V вв. до н. э. Были найдены сотни кусочков пемзы со стертymi гранями, на которых сохранились окислы железа, бронзы; десятки рогов со стертой поверхностью. Они залегали в линзах и горизонтальных прослойках рыжего и зеленого порошка (окислы железа и бронзы). Здесь же были обнаружены многочисленные фрагменты железных изделий, железные крицы, железоделательные и бронзолитейные шлаки, обрезки листовой бронзы со следами вырезов (рис. 2, 1—13), фрагменты бронзовой проволоки (рис. 2, 14—15), свыше десятка бронзовых обойных гвоздиков (рис. 3, 14—17), бронзовые скрепы (рис. 3, 10—13, 18, 19), бронзовые пластинки прямоугольной формы с отверстиями (рис. 3, 4—5), круглые

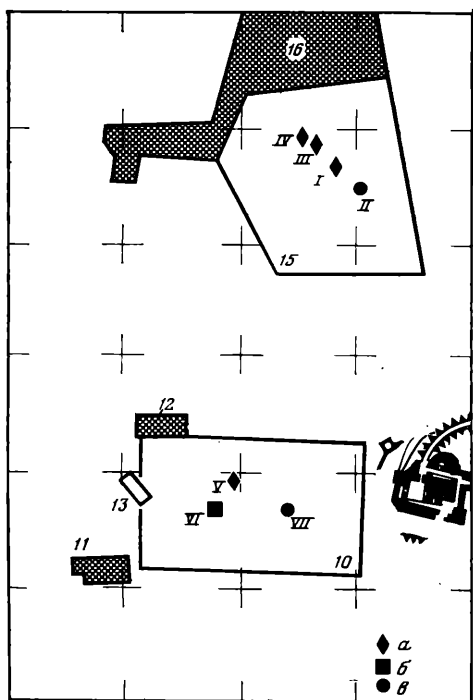

Рис. 1. План раскопок 1-го Кресла, г. Митридат. Составлен В. П. Толстиком

10—16 — раскопки; I—VII — остатки металлообрабатывающих мастерских; а — VI—V вв. до н. э.; б — IV в. до н. э.; в — II—VII—III вв. н. э.

риод, хотя были и мастерские, в которых, например, занимались только обработкой железа⁹.

Итак, в IV в. до н. э. в Пантикапее работала кузнечно-литейная мастерская, существовали и специальные мастерские для отливки бронзовой скульптуры. Судя по мощности сброса кузнечно-литейной мастерской, она работала довольно длительное время. Мастерские же, в которых отливались крупные бронзовые статуи, как показывают средиземноморские аналоги, каждый раз сооружались заново. Вероятно, так было и на Боспоре. В. Ростокер и Э. Гебхард полагают, что нужды панэллинских святилищ в Олимпии, Немее, Истмии, Дельфах удовлетворяли одни и те же мастера. Перед крупными праздниками и после них странствующие мастера, носящие с собой свои простые орудия, могли работать при святилищах, снабжая храмы вотивными фигурками и статуями. Авторы основывают свое предположение на близком характере остатков бронзолитейного производства, найденных в греческих городах¹⁰. Мы обратили внимание на близость некоторых технологических приемов бронзолитейщиков Греции и Северного Причерноморья, и Боспора в частности¹¹. Таким образом, есть основания предполагать эфемерный характер мастерской, в которой была отлита бронзовая статуя в Пантикапее. Вероятно, специальных мастеров, отливавших только крупные бронзовые статуи, на Боспоре не было, и подобные заказы могли выполнять ремесленники, работавшие в пантикапейских кузнечно-литейных мастерских. А. Барфорд, специально исследовавшая состав и положение ремесленников, занятых на строительстве храма Асклепия в Эпидавре, пришла к выводу, что если мастера каменщики и плотники прибыли в Эпидавр из Афин, Коринфа, Аргоса, то ремесленники-металлисты постоянно работали в Эпидавре, были самыми влиятельными среди других мастеров и не только изготовляли в своих мастерских необходимые для строительства храма металлические детали, но и поставляли их¹². Вероятно, восковая

бляшки (рис. 3, 6—8), три трехлопастных наконечника стрел IV в. до н. э. (рис. 3, 1—3), колечко (рис. 3, 9), обрывок тонкой свинцовой пластины с отверстиями (рис. 2, 17), костяная накладочка с отверстиями, покрытая зеленой окисью бронзы (рис. 2, 16). Керамика из слоя относится к VI—IV вв. до н. э. Слой перекрыт сбросом сыровых кирпичей, печины, черепицы, разбитой посуды, образовавшимся, судя по фрагментам краснофигурной керамики и клеймам на ручке синопской амфоры и пантикапейском солене, в последней четверти IV в. до н. э. Металлообрабатывающая мастерская, сброс которой открыт на площади 114, работала, вероятно, в первой-второй третях IV в. до н. э.⁷

Исследователи уже неоднократно отмечали недифференцированный характер производства в боспорской металлургии и металлообработке раннего времени⁸. Судя по раскопкам афинской агоры, недифференцированное производство существовало и в эллинистический и в римский пе-

модель статуи делалась скульптором, а формой и отливкой занимались мастера-литейщики. Анализ изображений на стороне Б чаши с изображением литейной мастерской, хранящейся в Берлине (инв. № 2294) и относящейся к началу V в. до н. э., дает возможность предположить, что две фигуры, стоящие с двух сторон от статуи воина,— собственники мастерской. К. Маттуш предполагает, что фигура справа — вероятно, скульптор, оценивающий бронзовое воспроизведение его оригинала, а его жестикулирующий компаньон — мастер-литейщик, руководящий рабочими, ведущими холодную обработку статуи. Появление крупных бронзовых статуй, как известно, связано с двумя именами — Ройка и Теодора. Критий и Несиот, делавшие бронзовые статуи в начале V в. до н. э., также работали вместе: их имена значатся на многих базах статуй с Акрополя, называются они в паре и в различных более поздних литературных источниках. На базах статуй III—I вв. до н. э., найденных на Родосе, называется по два мастера, причем объясняется, что один из них скульптор, а другой — литейщик. Вероятно, это разделение труда в пределах одной мастерской было связано с усложнением процесса литья, появлением метода отливки статуй по частям, при котором роли скульптора и мастера-литейщика были самостоятельные и равнозначные¹³.

В литейной яме IV в. до н. э. для отливки статуй, раскопанной на афинской агоре, были найдены фрагменты рога и четыре куска пемзы мелосского происхождения (по определению Дж. Раппа), с которыми К. Маттуш связывает холодную обработку статуй¹⁴. Кусок пемзы был обнаружен в Афинах и в комплексе, связанном с отливкой крупной бронзовой статуи, расположенном на западном склоне Ареопага. Остатки мастерской относятся ко второй половине II в. до н. э.¹⁵ Пемза была найдена и в сбросе мастерской, в которой отливались бронзовые статуи, датирующемся концом I в. н. э. и обнаруженном при раскопках района гимнасия¹⁶. В работах, посвященных исследованию технологии изготовления бронзовых статуй, не говорится об обработке их поверхности пемзой, хотя Г. Блюмнер отмечал использование пемзы при обработке поверхности мраморных статуй, особенно с IV—III вв. до н. э.¹⁷ К. Маттуш предполагает, что поверхность статуй полировалась пемзой, основываясь на археологических данных, а также привлекая изображение на ноланской амфоре из Бостона (инв. № 13188), на которой изображен Гефест, полирующий бронзовый щит предметом, по форме и размеру близким куску пемзы. Предположение К. Маттуш поддерживают и другие исследователи¹⁸. Интересно, что самая ранняя находка кусочков пемзы в комплексах, связанных с отливкой статуй, относится к IV в. до н. э., точнее — к третьей четверти столетия (именно этим временем датируется литейная яма на афинской агоре). Примерно в это же время или даже немного ранее пемзой обрабатывают металлические изделия в пантикапейской мастерской, причем в сбросе ее было найдено в сотни раз большее количество кусков пемзы разной степени сработанности. Пемза использовалась здесь в большей степени, чем рога¹⁹, хотя, как известно, пемза — продукт вулканического происхождения и месторождения ее встречаются в областях проявления вулканизма. Как показали анализы пяти образцов пемзы из Пантикапея, проведенные в лаборатории оптических методов исследования Всесоюзного научно-исследовательского института минерального сырья, они, вероятно, были привезены с островов Мелос и Фера. Итак, не приходится сомневаться в том, что обработка поверхности металлических изделий в пантикапейской мастерской — постоянно выполняющаяся, характерная технологическая операция, а между кузнецами-литейщиками и мастерами по отливке статуй, если это и были разные люди, существовал тесный контакт и обмен профессиональными навыками.

Каким образом передовой в IV в. до н. э. технический прием — использование пемзы для холодной обработки металла — распространился из Афин на Боспор? В 405 г. до н. э. Афины потерпели поражение в затяжной многолетней Пелопоннесской войне. Тяжелые условия войны,

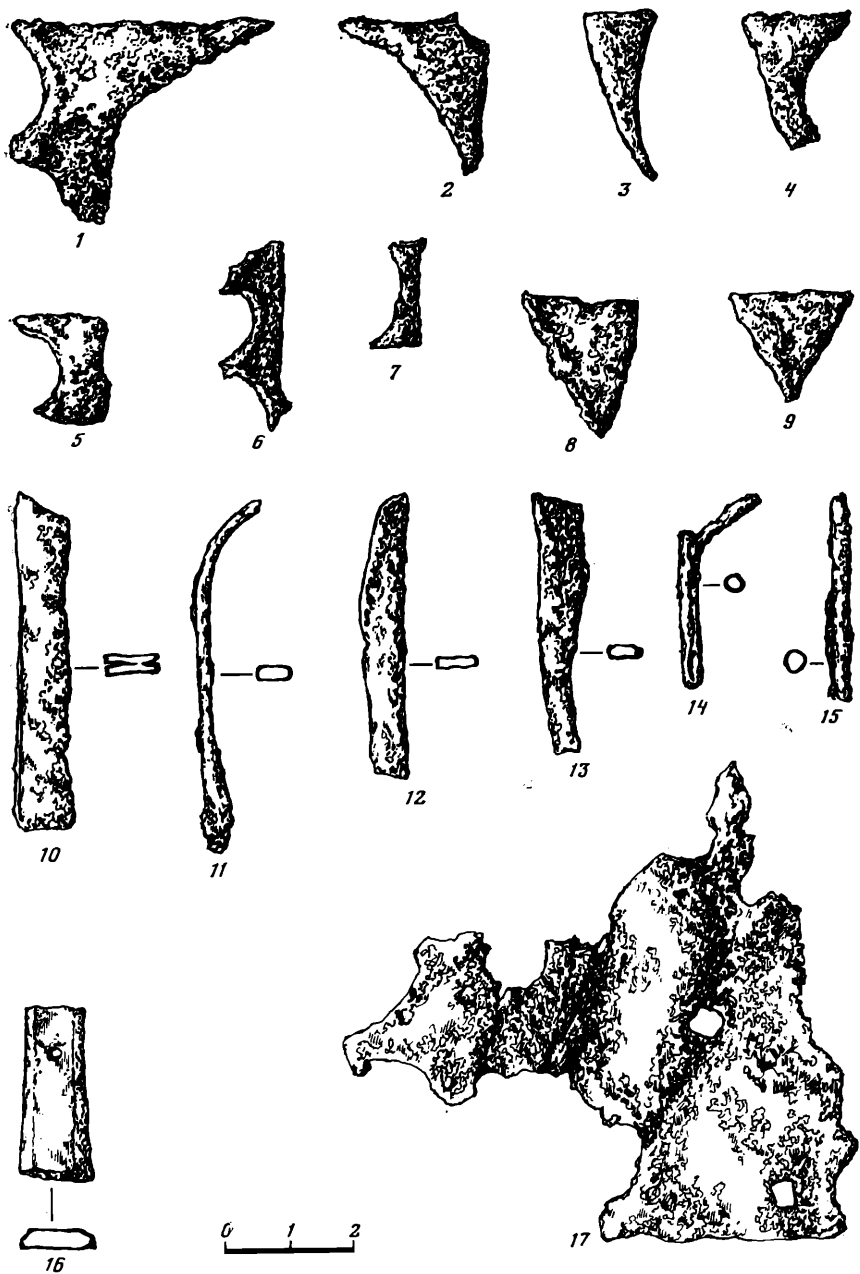

Рис. 2. Отходы производства из сброса металлообрабатывающей мастерской. Пантикапей. Центральный раскоп, пл. 114 (1—17)

эпидемия чумы заставили многих афинских мастеров — а значительную их часть, как показали исследования надписей, составляли рабы и мэтеки²⁰ — покинуть город, о чем сохранилось свидетельство Фукидида (VII.27, 5). Начиная со второй половины V в. до н. э., в городах Великой Греции, Олимпии, Коринфе, Смирне, Олинфе возникают керамические мастерские, по мнению исследователей, основанные обученными в Аттике гончарами, которые решили во время Пелопоннесской войны покинуть Афины²¹. Не исключено, что очевидное сокращение деятельности в рудниках Лавриона в начале IV в. до н. э. в какой-то степени было связано с сокращением количества рабочей силы²². Можно предполагать, что Боспор, с которым Афины связывали прочные торговые связи, мог привлекать ремесленников-эмигрантов. В. Д. Блаватский отмечал, что в

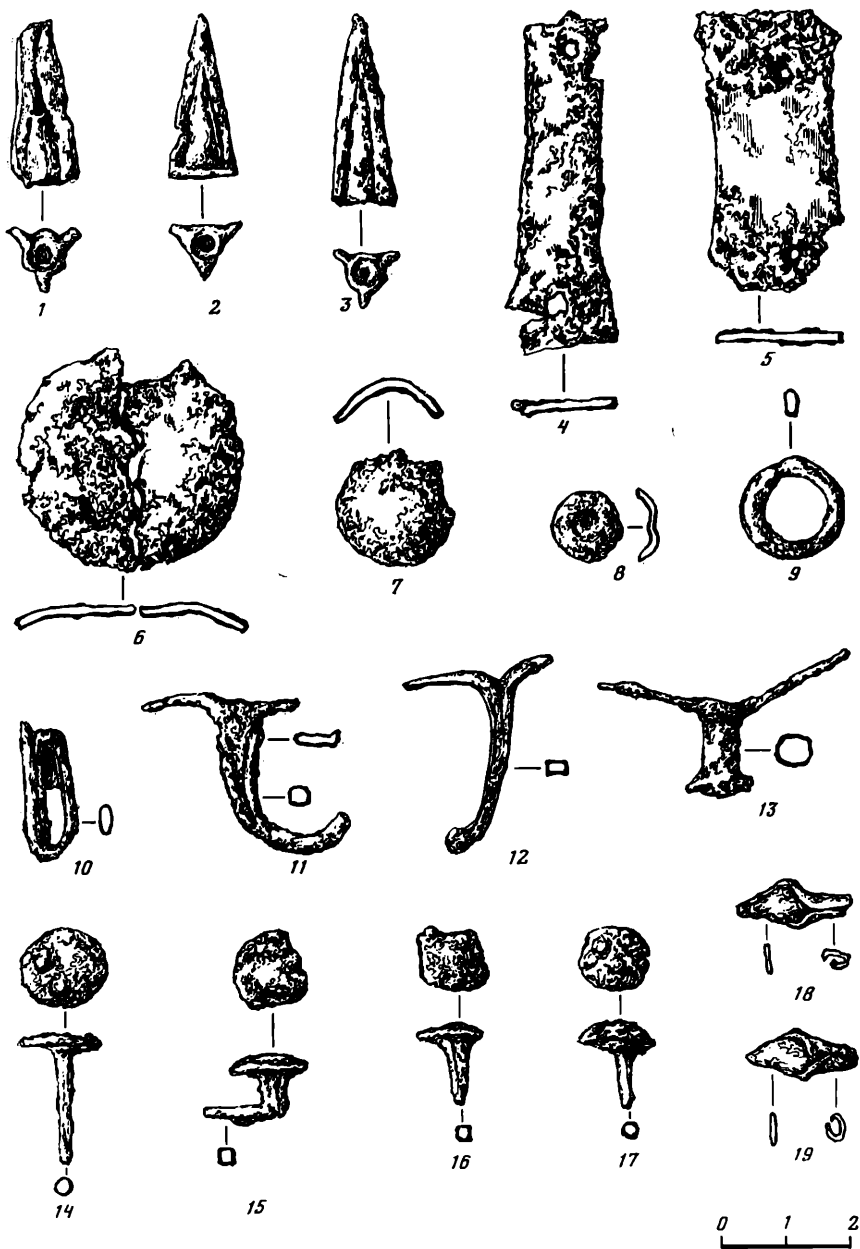

Рис. 3. Бронзовые предметы из сброса металлообрабатывающей мастерской. Пантикапей. Центральный раскоп, пл. 114 (1—19)

IV в. до н. э. на Боспоре обреталось немало афинян, а в Пантикапей из Афин могли переселяться не только матросы, что следует из афинского декрета 346 г. до н. э., но также и ремесленники²³. Последнее предположение базируется на факте находки в Пантикапее двух краснофигурных лекифов с надписью «Ксенофант, афинянин, выполнил». Автор отмечает, что обозначение этникона совершенно необычно для надписей афинских вазописцев и гончаров, дошедших в большом количестве. Подчеркивать свою принадлежность к афинянам Ксенофант скорее всего мог вне Афин, переселившись на житье в иное место, вероятнее всего, — в Пантикапей. Мы не беремся здесь решать вопрос о том, работал ли Ксенофант в Аттике или на Боспоре²⁴, однако небезынтересно отметить, что во второй половине V в. до н. э. на Боспоре, по мнению О. Я. Неверова, работала камнерезная мастерская Дексамена, на некоторых геммах ставившего

свою подпись «хиосец»²⁵. Вероятно, работали на Боспоре и афинские скульпторы, судя по надгробию из Пантикапея²⁶. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что в конце V — начале IV в. до н. э. из Афин в Пантикапей мог переселиться и мастер-бронзолитейщик, благодаря которому на Боспоре распространились новые приемы холодной обработки металлических изделий.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что в IV в. до н. э. на Боспоре, как и в более ранний период, существовали мастерские по обработке металлов. Это были как стационарные мастерские с недифференцированным производством, выпускавшие изделия из железа, бронзы, свинца, ремонтировавшие художественную керамику, так и временные — типа литейных ям для бронзовых статуй, изготовлявшихся по заказам царского двора, для храмов и общественных зданий. Такие литейные ямы, вероятно, предназначались для одной отливки, а после завершения работ засыпались. Использование в боспорской мастерской метода холодной обработки металла пемзой возможно говорит о том, что на Боспор переселялись и афинские бронзолитейщики. В целом мы можем охарактеризовать металлообработку Боспора IV в. до н. э. как развивающуюся в русле средиземноморских традиций.

- 1 *Блаватский В. Д.* О боспорском ремесле IV—I вв. до н. э.//СА. 1959. Т. XXIX—XXX. С. 50; *Блаватский В. Д.* Раскопки Пантикапея в 1954—1958 гг.//СА. 1960. № 2. С. 179; *Марченко И. Д.* О художественной обработке металла на Боспоре//Памятники искусства ГМИИ. М., 1947. Вып. 2; *Она же.* Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея//МИА. 1957. № 56; *Она же.* Литейная форма конца VI в. до н. э. из Пантикапея//КСИА. 1962. Вып. № 89; *Она же.* Позднеархаическая мастерская оружейника в Пантикапее//СА. 1971. № 2; *Она же.* К изучению металлообработки в раннем Пантикапее//Памятники культуры: Новые открытия: Ежегодник: 1978 г. М., 1979.
- 2 *Mattusch C. C.* Corinthian metalworking//The forum area//Hesperia. 1977. Vol. 46, N 4. P. 380.
- 3 *Mattusch C. C.* Bronze and ironworking in the area of the Athenian agora//Hesperia. 1977. Vol. 46, N 4. P. 340, 341.
- 4 *Трейстер М. Ю.* Новые данные о художественной обработке металла на Боспоре//ВДИ. 1984. № 1.
- 5 Там же. Табл. 2.
- 6 Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965. № 6, 10, 25.
- 7 *Трейстер М. Ю.* Новые данные о художественной обработке...
- 8 *Марченко И. Д.* К изучению металлообработки... С. 453; *Она же.* Раскопки Пантикапея в 1959—1964 гг.//СГМИИ. 1968. Вып. 4. С. 33; *Шелов Д. Б.* Железодельное производство в Северном Причерноморье в раннеантичное время//КСИА. 1979. Вып. 159. С. 5.
- 9 *Mattusch C. C.* Bronze and ironworking... P. 341.
- 10 *Rostoker W., Gebhard E. R.* The sanctuary of Poseidon at Isthmia: Techniques of metal manufacture//Hesperia. 1980. Vol. 49, N 4. P. 352.
- 11 *Трейстер М. Ю.* Новые данные о художественной обработке...
- 12 *Burford A.* Craftsmen in Greek and Roman society. L., 1972. P. 63; *Burford A.* The greek temple builders at Epidaurus: A social and economic study of building in the Asklepien sanctuary during the fourth and early third century B. C. Liverpool, 1969.
- 13 *Mattusch C. C.* The Berlin foundry cup: The casting of greek bronze statuary in the early fifth century B. C.//AJA. 1980. Vol. 84, N 4. P. 441, 442.
- 14 *Mattusch C. C.* Bronze and ironworking... P. 353.
- 15 *Ibid.* P. 366.
- 16 *Wiseman J.* Excavations in Corinth//Hesperia. 1969. Vol. 38, N 1. P. 68.
- 17 *Blümner H.* Technologie und Terminologie der Gewerbe und Kunst bei Griechen und Römern. Leipzig, 1884. Bd. 3. S. 198.
- 18 *Rostoker W., Gebhard E. R.* The sanctuary of Poseidon... P. 351.
- 19 Кости еще в VI—V вв. до н. э. использовались в Пантикапее для обработки металла. В 1975 г. на Центральном раскопе был найден «напильник», сделанный из астрагала крупного животного. По мнению И. Д. Марченко, им обрабатывали металлические предметы с помощью песка, застревавшего в срезах «напильника». См.: *Марченко И. Д.* К изучению металлообработки... С. 457. Примеч. 9.
- 20 *Randall R. H.* The Erechtem workmen//AJA. 1953. Vol. 57, N 3. P. 201; *Finley M. I.* The ancient economy. Berkeley; Los Angeles, 1973. P. 79, 80.
- 21 *Macdonald B. R.* The emigration of potters from Athen in the late fifth century B. C. and its effect on the attic pottery industry//AJA. 1981. Vol. 85, N 2. P. 166—168.
- 22 *Hopper R. J.* The attic silver mines in the fourth century B. C.//BSA. 1953. Vol. 48.
- 23 *Блаватский В. Д.* Об этническом составе населения Пантикапея в IV—III вв. до н. э.//СА. 1958. Т. XXVIII. С. 100, 101, 104.
- 24 *Передольская А. А.* Вазы Ксенофанта//ТОАМГЭ. 1945. Т. 1. С. 58. Примеч. 1; *Брашинский И. Б.* Афины и Северное

Причерноморье... С. 118; ср. *Блаватский В. Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. М., 1947. С. 34, 65.

²⁵ *Неверов О. Я.* Дексамен хиосский и его мастерская//Памятники античного прикладного искусства. Л., 1973. С. 59.

²⁶ *Молок Д. Ю.* Одно надгробие из коллекции Керченского историко-археологического музея//Тез. докл. науч. сесий, посвященных итогам работы ГМИИ им. А. С. Пушкина за 1982 г. М., 1983.

Е. А. САВОСТИНА

ОПЫТ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА ПОГРЕБАЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ: БОСПОРСКИЕ СКЛЕПЫ И НАДГРОБИЯ

Особенностью археологического источника (в отличие, например, от литературного) является его вещественность, материальность, непосредственное «прихождение» его из изучаемой эпохи. Эти качества нашего источника часто приводят к тому, что его исследуют и интерпретируют именно как материальный предмет, и только с этой стороны. Достаточно определенно выработалась и методика исследования археологического источника, целью которой стала систематизация материала — она состоит в основном в детальной обработке (классификации, периодизации, картографировании) представительной серии памятников одной категории. Несмотря на необходимость и важность такой работы в целом, этот метод всё же обладает и недостатком, поскольку представляет группу памятников изолированно, как самостоятельное явление.

Недостаточность такого метода особенно проявляется в тех случаях, когда речь идет о таких важных объектах археологического исследования, как памятники архитектуры и изобразительного искусства, поскольку они, кроме чисто внешней информации, дающей представление о развитии конструкции, формы, иконографии и стиля, несут и внутреннюю нагрузку, являясь отражением внутренних процессов жизни общества. В этом случае, как представляется, следует рассматривать группу материальных источников не изолированно, а в комплексе с памятниками параллельных категорий, происходящих, например, из той же сферы жизни изучаемого общества.

В настоящей статье предлагается сопоставить две категории памятников, относящихся к области погребального культа: склепы и надгробия Боспора первых веков нашей эры.

Особенностью погребальной практики этого периода является широкое распространение земляных склепов с нишами-лежанками¹, вырезанными в торцевой и боковых стенах склепа таким образом, что над ними образуются как бы навесы. Факт появления земляных склепов вообще иногда объясняется требованиями погребения всех членов одной семьи в одной могиле². Однако многочисленность захоронений в одном склепе сама по себе не может говорить о принадлежности всех погребенных одной семье: ведь можно принять за родственные и погребения чужих людей. Множественные захоронения в земляных склепах известны и в эпоху эллинизма (например, пантикапейские трапезиевидные склепы III—II вв. до н. э.³), склепы же с лежанками встречаются только с первых веков нашей эры.

Здесь кажется очень важным появление именно ниш-лежанок, ставших органической принадлежностью, одной из характерных особенностей камеры. Наличие нескольких ниш-лежанок в одном склепе доказывает, что множественные погребения в камере планировались. Немаловажной кажется и в общем-то стабильность числа лежанок: в раннее время (с I—II вв. и далее) преобладают две-три, причем три — в подавляющем ко-

личестве гробниц⁴. Только позже встречены склепы и с четырьмя, и с шестью лежанками в одной камере⁵ (Китай, II—IV вв.)⁶.

Можно думать, что преобладание в боспорских склепах трех лежанок связано с выделением трех (в основном, как принцип) особ в семье или роде боспорца. Однако несомненно, что это количество не может говорить о том, что вся семья и каждая семья состояла только из трех человек (или трех пар, если предположить парные захоронения на каждой лежанке), иначе как же и где же погребались многочисленные семейства? Ограниченное число лежанок, можно думать, именно выделяло некоторое количество членов семьи. Это делает вероятным предположение, что такая особенность, появившаяся в погребальной практике, отражает некие социальные процессы, связанные с семейно-родственными отношениями у боспорцев.

Известно, что до появления такого типа земляных склепов обычным для всех погребальных памятников было продольное положение умершего*. И хотя были известны и диагональное⁷, и поперечное положение⁸, они не были правилом. Теперь же одно из погребений практически всегда расположено поперек камеры, против входной стены, занимая, таким образом, центральное место в склепе⁹. Значение этого погребения акцентируется и с помощью художественных средств в том случае, когда склепы с лежанками имеют роспись (как примеры могут быть указаны склеп, открытый Ашиком—1841 г.¹⁰, Стасовский склеп¹¹ (рис. 1) и т. п.): вокруг центральной лежанки концентрируется роспись камеры, здесь же помещается основная сюжетная композиция. Таким образом, это погребение в склепе считается главным.

Необходимо отметить, что это явление для Боспора ново. Ранее и в каменных, и в земляных склепах в одной и той же камере не существовало главных и второстепенных погребений: в уступчатых склепах преобладал вообще индивидуальный принцип погребения¹², в полуциркулярных—парный (но равноправный — главное погребение не подчеркнуто)¹³. Таким образом, возникновение нового явления — установления иерархии в расположении и значимости погребений — по всей вероятности, можно оценивать только с позиций социальных изменений.

В связи с этим крайне интересным становится тот факт, что в это же время, т. е. в I—II вв. н. э., на Боспоре появляются многоярусные надгробные стелы¹⁴ (рис. 2). К настоящему времени их известно несколько десятков; в данной работе учтено 35**, 26 из них имеют надписи.

Отдельные «кадры», или регистры, многоярусного надгробия расположены по вертикали, число их обычно 2—3. Такая множественность традиционно интерпретируется как «собрание» различных сцен из жизни одного человека: вот он на пиру, вот он же — воин, вот он — ученый¹⁵. Вероятно, в ряде случаев такое утверждение и было бы возможно, но как быть, если всадник изображен на стеле два раза?¹⁶ Или на надгробии мужчины помещено изображение женщины, под которым нет надписи о том, что это родственница погребенного?¹⁷

Видимо, следует еще раз обратиться к самому источнику. Половина всех известных сейчас боспорских стел (18) имеет рельефы с изображением загробной трапезы, которые в 16 случаях помещаются в верхнем регистре надгробия, хотя на Боспоре известны два примера размещения их и внизу¹⁸. В одном случае верхний ярус стелы занимает изображение сидящей женщины, обычно же женщины изображаются в нижнем (KW, № 422, 614 и т. д.) или среднем ярусе. В семи стелах верхнее положение занимает изображение всадников — одного или двух.

Сопоставление этих рельефов с содержанием надписей выявляет следующую картину.

* Исключения редки и объясняются чисто конструктивными причинами. Так, в склепе Ашика 1841 г. главное погребение первой камеры, проходной, помещено у боковой стены.

** Один из рельефов найден в районе Ольвии, хранится в Одессе (KW 688), остальные — боспорские.

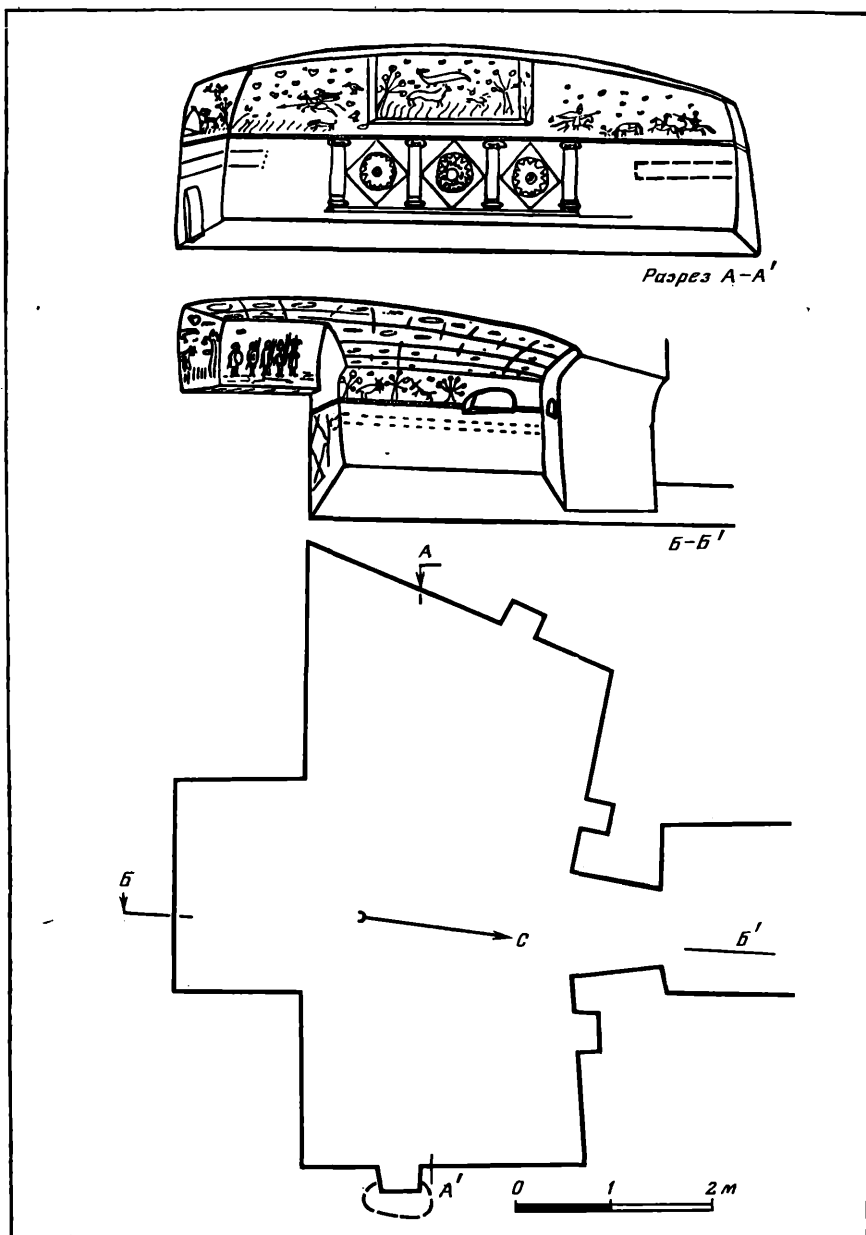

Рис. 1. Стасовский склеп. План и разрезы

В том случае, когда надписи располагаются под каждым рельефом, получается, что первая надпись упоминает отца, вторая — сына¹⁹, следовательно, первый рельеф относится к отцу, второй — к его сыну²⁰. Примечательно, что в большинстве случаев сюжетом, относящимся к отцу, является загробная трапеца, к сыновьям относятся изображения всадников или пеших воинов. Исходя из этого, можно предположить, что и в тех случаях, когда имеется одна общая надпись, в ней подразумевается, что верхний рельеф — загробная трапеца — относится к отцу (иногда и к его жене — матери его сына или сыновей, более общо — к родителям), нижний — к сыну (и иногда к его матери). Надгробие Афения — классический пример. Такое же предположение можно высказать и в отношении стелы Птоллы (КВН, № 501), где явно то же разделение на зоны, только в верхней помещено не изображение за-

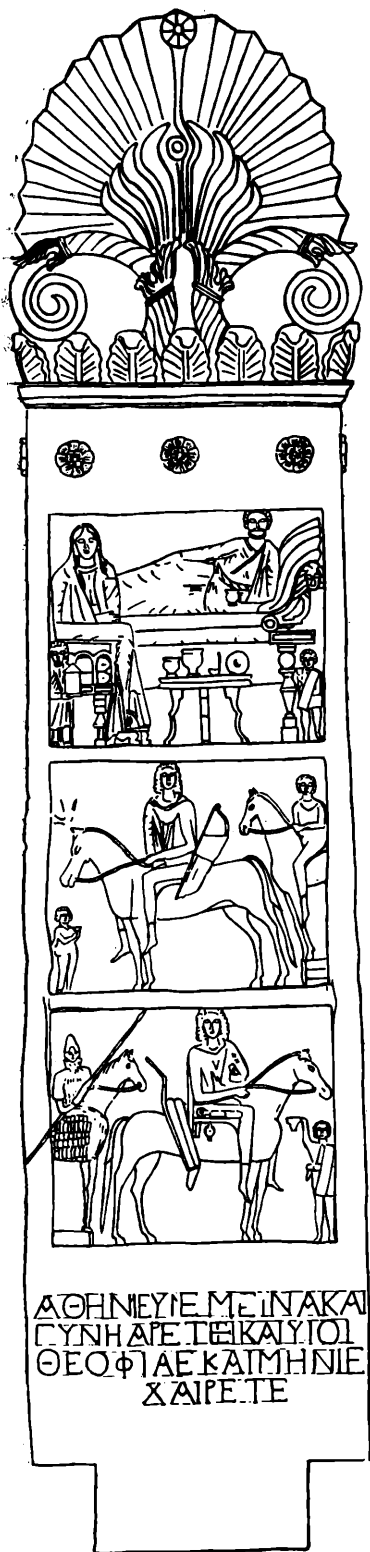

Рис. 2. Реконструкция многоярусной стелы. Надгробие Афе-
ния

гробной трапезы, а фигура сидящей в кресле женщины; надпись на стеле свидетельствует, что эта верхняя ее часть также относится к родительской паре: Птолла и Эвкратия, а внизу представлены их сыновья.

В большинстве тех случаев, когда в верхнем регистре надгробия отсутствует изображение загробной трапезы, в надписи отсутствует и указание на то, что здесь погребен (или предполагается быть погребенным) и отец данного человека. В этом смысле показательны стелы Деметрия и особенно Севера Сократова, которая поставлена не отцом, а воспитателем²¹, и, как аналогия ей — стела Диогена²². К ним можно добавить и стелу Стратоника²³.

Итак, надписи, помещенные под изображением, в противовес приводимой ранее традиционной трактовке изображения как нескольких эпизодов из жизни одного умершего указывают на то, что на стеле изображено не одно, а разные лица. В большинстве случаев один из них отец, другой — сын. Третьим лицом, упомянутым в надписи, иногда оказывается мать, хотя чаще женщина только изображается.

Таким образом, можно думать, что многочастное надгробие поставлено не одному, а нескольким умершим, причем все они, как правило, — члены одной семьи²⁴. Правда, из этого правила существуют и исключения, например, стела Стратоника, из чего можно заключить, что многоярусность сама по себе не всегда является доказательством семейного характера какой-либо стелы.

Стелы, относящиеся ко всей семье, известны на Боспоре еще с IV в. до н. э.²⁵ С появлением традиции помещать на надгробиях рельефы (I в. до н. э.)²⁶ изложение на стелах могил, содержащих несколько погребений²⁷, развивается сначала в горизонтальном направлении, появляется несколько стоящих в один ряд фигур²⁸. И только в I в. н. э. эти изображения разделяются, «раскадрируются» и выстраиваются по вертикали. Можно думать, что традиция складывалась постепенно. Скорее всего, трехчастная стела с помещенной в верхнем регистре сценой загробной трапезы является заключительным этапом развития, достигнутым к концу I — началу II в. Об этом же говорят и более поздние даты стел этого типа.

Сцена загробной трапезы — апофеоза героя-умершего — относящаяся к «родителю», определяет и акцентирует его по-

ложение в семье как главы. Это же подчеркивается и отсутствием такого изображения на стеле, под которой погребение главы семьи не предполагалось. Легко заметить, что это явление — особое выделение одного члена семьи — есть полная аналогия тому, что мы наблюдали и в развитии склепов*.

Возвращаясь к семье, над которой главенствует родитель, нужно отметить, что ее численность, судя по надписям, никогда не превышает 3—4 человек. Следовательно, речь идет только о двух поколениях родственников (отцы — дети), а не о роде, продолжателями которого обычно считаются старшие сыновья. Исходя из этого, можно предположить, что речь в надгробиях идет о младших сыновьях. Следовательно, представляемая этими надгробиями семья относится к тому типу, который принято называть малой нуклеарной или малой обособленной семьей (родители и младшие дети). Таким образом, можно говорить, что новые явления, замеченные и в памятниках погребальной архитектуры, и в стелах, отражают реально существующий счет родства (во всяком случае, у какой-то группы боспорского населения).

Одним из возможных косвенных²⁹ доказательств этого может служить история со склепами Алкима и Анфестерия. Если принять версию М. И. Ростовцева об их родстве³⁰, имеющую достаточно прочные основания: одно время, одно отчество, один социальный слой, один способ обозначения своей собственности — надпись в камере склепа³¹, то получается, что два брата — Алким и Анфестерий — не были похоронены ни вместе со своим отцом (неким Гегесиппом), ни тем более с дедом и прочими дальними поколениями родственников. Не были они похоронены и друг с другом, а приобрели два разных склепа, каждый для себя и, видимо, для своей семьи.

Интересно также, что и Алким, и Анфестерий не строят новых склепов, а приобретают уже готовые и, вероятно, послужившие в свое время местом погребения других людей: об этом говорят даты росписей склепов, более ранние, чем процарапанные на них надписи новых владельцев³². Возможно, склепы освобождались чаще, чем если бы они были родовыми усыпальницами³³. Можно думать, что здесь как раз случай отделения от семьи старших сыновей (в данном варианте, возможно, двух), становящихся, в свою очередь, главами новых семей.

Конечно, здесь не все еще ясно и в определении состава семей, и в интерпретации расположения погребений в склепах. Хотелось бы только подчеркнуть основное — семейственный принцип построения надгробного и погребального сооружений. Боспор в этом смысле не является оригинальным явлением. То же наблюдалось в это время и во всем античном мире, хотя выражался этот процесс в несколько иной форме: надгробия-эдикулы, гробницы-мавзолеи, над которыми поставлен саркофаг (например, Гиераполис), склепы-колумбарии (где речь идет, конечно, не о малой, а о расширенной семье)³⁴.

Итак, приведенные здесь данные сравнительного анализа погребальных памятников более четко определили их общие черты. На основании этого можно говорить уже и о существовании общности их структур — одинаковом строении и внутренней форме организации их систем. Причем социальный аспект этой общности будет лишь одним из многих. На базе сравнительного анализа можно перейти от описания памятника к его объяснению. Этот процесс является как бы переходом от изучения материала с одних структурных уровней (описание, анализ) к другим, более глубоким.

* Не исключено, что между этими памятниками существовала и более прямая связь, т. е. многоярусные надгробия ставились над семейными земляными склепами. Известны случаи, когда многоярусные стелы употреблялись в качестве дополнительного строительного материала для таких гробниц (порог, заклад — КБН № 307, 400). Может быть, именно потому, что оказывались под рукой последующих владельцев склепа?

На следующем структурном уровне изучения этих памятников возникают проблемы иного порядка, среди которых хотелось бы привести две, как представляется, наиболее интересные.

1. Разделительный характер, «раскадрированность» изобразительного искусства этого времени, свойственные боспорскому искусству. В архитектуре ярким примером этого является Стасовский склеп, где роспись распределена по лежанкам. Она, таким образом, представляет каждый раз отдельный мирок, у каждого свой «элизий». Обобщающий же мотив росписи отсутствует, следовательно, нет общего восприятия и архитектурного объема склепа.

То же и в надгробиях: одна монолитная стела не охвачена единым сюжетом, находящиеся на ней изображения изолированы и прямо не связаны друг с другом³⁵. По существу, это уже изобразительные формулы, составляющие обязательный набор каждой семьи, осознание которой (ее семантический фон) является единственно целостным образом в этой категории памятников боспорского искусства.

2. Интересно, что и в этих изобразительных формулах, означающих героизацию, можно наметить некоторую иерархию. Главной здесь можно считать сцену загробной трапезы³⁶, потому что она, как правило, относится к отцу семейства и по ее расположению на рельефе. Остальные формулы — всадники³⁷, пешие фигуры с луком и щитом³⁸, также относящиеся к героизированным покойникам, — как бы ниже рангом.

Конечно, приведенные наблюдения являются только первым опытом сравнительного анализа погребальных памятников и никоим образом не претендуют на окончательное решение всех поднятых проблем. Однако этот метод все же представляется правомерным, поскольку, выявляя общие звенья структур сопоставляемых памятников, он вскрывает закономерности развития и их самих, и отраженных ими внутренних пластов изучаемой культуры.

¹ Основная территория распространения — Европейский Боспор. См.: *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и ее окрестностях в 1903 г.//ИАК. 1905. Вып. 17. С. 1—76. № 36, 55; *Бич О. И.* Первые раскопки некрополя Пантикапея: Дневник раскопок П. Дюбрюкса в 1816—1817 гг.//МИА. 1959. № 69. С. 298. № 1, 5, 7, 16, 17, 23, 8—10, 22; рис. 1—вклейка с. 298, 299; *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь Пантикапея//МИА. 1951. № 19. С. 63, 86.

² *Сорокина Н. П.* Тузлинский некрополь. М., 1957. С. 30.

³ *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1908 г.//ИАК. 1911. Вып. 40. С. 70. № 8. Рис. 9; *Цветаева Г. А.* Грунтовой некрополь... С. 70.

⁴ Например, при раскопках пантикапейского некрополя в 1904 г. таких склепов было найдено 31 из 37 земляных склепов, исследованных в этом году. См.: *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г.//ИАК. 1907. Вып. 25. С. 1—66. № 145—215; *Соколовский Н. И.* Земляной склеп на горе Митридат//СА. 1959. № 3. С. 223.

⁵ *Гайдукевич В. Ф.* Некрополи некоторых боспорских городов//МИА. 1959. № 69. С. 225. № 1; С. 229. № 2, 3; С. 235. № 5.

⁶ Необходимо отметить, что вырубные склепы Херсона показывают существование другого принципа размещения: лежанки здесь занимают всю повер-

ность стен, располагаясь в несколько ярусов. См.: *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982. С. 25 и сл. С. 24. Рис. 13. С. 25. Рис. 14.

⁷ *Блаватский В. Д.* Раскопки некрополя Фанагории в 1938, 1939 и 1940 годах//МИА. 1951. № 19. С. 189—226. Некрополь «В». № 97; *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1911 г.//ИАК. 1914. Вып. 56. С. 72; ИАК. Вып. 25. № 165, 171, 176, 180.

⁸ *Шкорпил В. В.* Отчет о раскопках в г. Керчи в 1905 г.//ИАК. 1909. Вып. 30. С. 16. Рис. 11; ИАК. 1905. Вып. 17. № 340 (217).

⁹ Даже в том случае, если в группе склепов с лежанками встречаются и склепы без центральной лежанки, ее место занимает саркофаг, поставленный поперек камеры у торцевой стены. См.: *Грач Н. Л.* К характеристике катакомбного некрополя Нимфея первых веков нашей эры//Проблемы античной истории и культуры: Докл. на XIV конференции «Эйрене». Ереван., 1979. Т. II. С. 281.

¹⁰ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1914. С. 346. Табл. LXXXVII—XCI. Рис. 65, 66.

¹¹ *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... С. 293. Табл. LXXVI. Рис. 58—64.

¹² Например, склеп кургана в Баксах и

- Юз-Обе № 48. См.: ОАК за 1881—1888 гг. СПб., 1891. С. IV—VIII; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... Табл. XXXIV.
- ¹³ Например, Керченский склеп 1902 г. (*Шкорпил В. В.* Отчет об археологических раскопках в г. Керчи и ее окрестностях в 1902 г.//ИАК. 1904. Вып. 9. С. 150—152. № 427 (239)), а также склеп Деметры 1895 г. (*Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись... С. 199. Табл. LVI—LXII. Рис. 35—37).
- ¹⁴ *Kiezeritzky G., Watzinger S.* Griechische Grabrelief aus Südrussland. В., 1909 (далее — KW); *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические памятники Боспора//ИГАИМК. 1934. Вып. 104. С. 57—89; *Болунова А. И.* Надписи Боспора: (Заметки и публикации)//ВДИ. 1959. № 4. С. 92—110 (публикуется надгробие из Горгиппии — КБН, № 1197); *Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий на надгробии Афения//СА. 1972. № 4. С. 70. Рис. 2 — реконструкция. По КБН, № 332; KW, № 650.
- ¹⁵ *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические... С. 86, 88.
- ¹⁶ KW, № 619в, 639, 692; *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические... С. 88. Рис. 24 и т. д.
- ¹⁷ Например: *Марти Ю. Ю.* Новые эпиграфические... С. 87. Рис. 23.
- ¹⁸ KW, № 763 = КБН, № 496; KW № 404 = КБН, № 509. *Иванова А. П.* Боспорские антропоморфные надгробия//СА. 1950. XIII. С. 251. Рис. 14. Помимо боспорских, известно многоярусное надгробие II в., хранящееся в Одессе (KW, № 668). Представленная на нем загробная трапеза также размещена в нижнем регистре.
- ¹⁹ КБН, № 667, 400, 393.
- ²⁰ В некоторых случаях это совпадает и с датами надписей: одна вырезана раньше, другая — позже.
- ²¹ КБН, № 384, 705. См. также КБН, № 660.
- ²² КБН, № 386.
- ²³ КБН, № 145.
- ²⁴ Ср.: *Десятчиков Ю. М.* Катафрактарий... С. 70.
- ²⁵ КБН, № 209, 193, 244, 256, 265.
- ²⁶ КБН, № 269.
- ²⁷ Для множественных погребений хотелось бы найти более подходящее определение, чем «коллективные» — последнее предполагает все-таки одновременность всех захоронений в данной могиле.
- ²⁸ КБН, № 327.
- ²⁹ «Косвенных» потому, что нет документальных подтверждений родства Алкима и Анфестерия.
- ³⁰ *Ростовцев М. И.* Античная... С. 181.
- ³¹ КБН, № 574 и 302.
- ³² *Ростовцев М. И.* Античная... С. 161. Примеч. 1.
- ³³ Ср. ступчатые склепы, где, скорее всего, счет родства сильнее по роду, чем здесь. Там практически нет случаев подзахоронения. Можно думать, что это погребение охранялось долго — возможно, в течение существования рода. А семья охраняет памятник в течение 2—3-х поколений.
- ³⁴ *Kurtz D. C., Boardman J.* Greek Burial Customs. L., 1971. P. 287. Fig. 69; *Toynbee J. M. C.* Death and Burial in the Roman World. N. Y., 1971. P. 237; *Mano-Zisi D.* Antika. Beograd, 1982. S. 72. Fig. 63. S. 88. Fig. 80.
- ³⁵ *Матковская Т. А.* Особенности композиционного решения боспорских надгробных рельефов первых веков н. э.//Население и культура Крыма в первые века н. э. Киев, 1983. С. 135.
- ³⁶ О загробной трапезе — значение: *Метакса В. П.* Идеализация земной жизни на древнегреческих надгробных барельефах//ВАИ. 1902. XIX. С. 24; *Фрейдберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 65 сл.; *Она же.* Миф и литература древности. М., 1978. С. 125. Иконография: *Alexandrescu-Vianu M.* La banquet funéraire sur les stèles de la Mésie inférieure: Schémas et modèles//Dacia. București. 1977. XXI. P. 139—166.
- ³⁷ О связи изображения всадника с героизированным умершим на Боспоре см.: *Бригова Н. Н.* Образ всадника на рельефах Фракии и Боспора//КСИИМК. М., 1948. Вып. XXII. С. 53—56.
- ³⁸ О связи мотива воина-лучника с изобразительной формулой героизации см.: *Савостина Е. А.* К символике изображения лука на Боспоре//СА. 1983. № 4. С. 45—56.

Е. М. АЛЕКСЕЕВА

К ИЗУЧЕНИЮ КОРОПЛАСТИКИ ГОРГИППИИ

Как во всех центрах античной культуры, в Горгиппии были популярны терракотовые фигурки. Статуэтками бытового жанра украшали жилища, глиняные фигурки богов клали в могилы умершим и приносили в дар божествам в местах поклонений, терракотовые изображения богов использовали для совершения соответствующих обрядов.

В сравнении с другими городами Северного Причерноморья, например, Ольвией, где только из цистерны-фависсы Теменоса извлечено свыше 2000 фигурок и их обломков¹, горгиппийская коллекция терракот

невелика. Однако она является важным источником для рассмотрения ряда вопросов, связанных с изучением жизни города: истории культов, быта, ремесел. В Анапском историко-археологическом музее хранятся 70 терракот, преимущественно женских протом, из раскопанной в 1965 г. Г. А. Цветаевой части сброса святилища богини плодородия, существовавшего за городской чертой Горгиппии в IV—III вв. до н. э.² И. Т. Кругликовой опубликованы 64 терракотовые фигурки, найденные с конца прошлого века до 1970 г., среди них 6 из указанного святилища³. Изданы также 11 терракот из усадьбы I в. до н. э.— I в. н. э. у хутора Рассвет в окрестностях Горгиппии⁴. В 1973—1985 гг. при раскопках Горгиппии и ее округи найдены еще 132 терракотовые фигурки, многие из которых фрагментарны. Около 30 случайно встреченных в эти годы терракот поступило от населения непосредственно в Анапский музей. Общее количество связанных с Горгиппией терракот приближается к 300; кроме случайно найденных в конце прошлого века все они хранятся в Анапском музее.

В Горгиппии, площадь которой на последнем этапе ее существования приближалась к 40 га, раскопано не более 1/10 части городища. На исследованных площадях найдено около 140 терракотовых фигурок и их обломков, все они происходят из рядовых жилых кварталов города. Свыше 70 протом извлечены из небольшой исследованной части загородного святилища. На территории некрополя, где сейчас исследовано не менее 300 могил, найдено около 40 фигурок; из ближайшей сельской округи города происходят не более 20 терракот.

Сюжеты горгиппийских терракот разнообразны, но почти не выделяются из общей массы северопричерноморских. Найденные за последние годы и ранее изданные изображения распределяются следующим образом:

протомы Деметры и Кору — 12 вновь найдены (кроме того, ранее изданы: № 5, 6, 7⁵ и 62 экз. из указанного святилища хранятся в Анапском музее);

Деметра с Корой на плече — 1; Деметра Куротрофос — 3 (кроме того, изданы № 26, 27, 29); Кибела — 3; Аттис — 2; Тюхэ — 2; богиня в кресле с чашей в руке — 4 (кроме того, издана форма № 21). Одно из найденных в 1978 г. изображений (рис. 1, 5) повторяет оттиск из этой формы⁶, оттиск и форма найдены в разных помещениях одного эллинистического дома;

фигурки с подвесными членами — 2 (кроме них, изданы № 46, 48); фигурки, связанные с культом плодородия, — 1 женская, 1 мужская (кроме нее, издана № 32);

Афродита — 1 сидящая на скале с Эротом около гермы Приапа⁷, 1 укрывающаяся в раковине (кроме того, изданы № 30 — возлежащая в диадеме, № 51 — с Потосом у алтаря, № 53 и 55 — с дельфином);

Пан, Сатир, Силен — 3 маски и форма для оттиска сидящей фигурки (кроме того, изданы № 17 — фигурка в венке с коримбами, № 20 — голова);

актеры — изданы № 2, 4; гермы — 14, из которых четыре Гермеса и форма для оттиска изображения с кадуцеем (кроме того, изданы № 34 — Геракл, 56, 57, 59);

Геракл — 1 голова, 3 фигурки в львиной шкуре с луком (кроме них, издана № 19), форма для оттиска рельефа с изображением Геракла и лани, часть рельефа с фигуркой борющегося Геракла;

Мен на петухе — 1; Афина — 2 головы; Эрот и Психея — 2 (кроме них, издана № 28); крылатые фигуры — изданы № 49, 58; женские головки — 10 (кроме них, изданы № 23, 39 и головы богинь № 39, 54); головы юношей — издана № 37 с отверстием для подвешивания; задрапированные женские фигуры — 15 стоящих (кроме них, № 11, 13, 14 — 2 экз., 16, 33), 4 сидящих (кроме того, изданы № 1, 24, 25); задрапированные мужские фигуры — 3 (кроме них, издана № 31); юноши: со щитом — 1, с конем — 1, на коне — изданы № 38, около герма — 1, ря-

Рис. 1. Гориппия

1-7 — части терракотовых фигурок и глиняные формы для оттиска рельефа

дом с колонкой — 6 (кроме них, изданы № 42, 43, 44), стоит обнаженный — 1, сидит с поднятым коленом — издан № 3; тучная фигура — 2; мальчик с гусем — издана № 41; мальчик с петухом — 1 (кроме нее, издана № 45); девушка с кифарой — издана № 36; девочки: с птицей и виноградом — 1, с собачкой — издана № 40, мальчик и девочка с виноградом — издана № 15; сражающиеся воины — издана № 18; конная группа — издана № 47; стоящий мужчина в кафтане — 1; фигурки животных: нога быка (кроме того, издан бык № 52), голова льва — 1, лепная лошадка — 1; фигурки птиц: гуси или лебеди — 4, петух — 2, орел — 1, голуби — 2 (кроме того, издан № 50); отдельные детали (руки, ноги, подставки, розетки) — 24.

Таким образом, на происходящих из Горгииппии терракотах представлено около 60 сюжетов с участием не менее 20 мифологических персонажей, многие исполнены в нескольких вариантах.

Среди найденных в последние годы особенно примечательны три фигурки. Одна изображает стоящего на плоской подставке мужчину в коротком кафтане с оторочкой и поясом (рис. 1, 7). Туловище у фигурки покое, отсиснуто в двух половинках формы. Ноги и подставка моделированы от руки. Пояс и оторочка кафтана в форме не отсиснуты, а прорезаны по сырой глине острым инструментом и оставлены рельефными. Спереди на кафтане сохранились следы черной краски, грудь в треугольном вырезе верхнего платья окрашена в красный цвет. Терракота сделана из местной тонкой бежевой глины с мельчайшими блестками, белыми и красными включениями. Высота фигуры без головы 21,5 см. Она найдена в 1983 г. в заповеднике «Горгииппия» при расчистке тонкого слоя пожара на полу погибшего в середине III в. н. э. помещения 81. Описываемое изображение не имеет аналогий среди терракот, опубликованных по Северному Причерноморью. Оно воспроизводит жителя города в одежде местного образца, скорее всего, воина. Для легковооруженных воинов в Северном Причерноморье вошло в обиход ношение подобного короткого подпоясанного кафтана с рукавами до запястий, с треугольным вырезом на груди, отороченного, а возможно, и подбитого изнутри мехом. Вместе с ним надевали мягкие шерстяные штаны, заправлявшиеся в сапоги различной высоты. Эта одежда особенно удобна для конной езды в холодную и ветреную погоду. Подобным образом одеты еще в V—IV вв. до н. э. легковооруженные скифские воины, изображенные, например, на золотом гробнице и серебряном золоченом сосуде из кургана Солохи, на серебряном сосуде из Частых курганов и золотой бляшке из Куль-Обы⁸. Этот костюм продолжали носить в Северном Причерноморье и в сарматскую эпоху: в него одеты легковооруженные боспорские воины, изображенные, например, в III в. н. э. на фресках пантикапейского склепа 1872 г.⁹ Подобную одежду воспроизводят и некоторые стелы боспорских надгробий¹⁰.

В 1982 г. в раскопе на строительстве пансионата «Океан» в слое пожара горгииппийского дома, погибшего в середине III в. н. э., найдена часть фигуры, сидящей верхом на петухе (рис. 1, 1). Туловище птицы отсиснуто в двух половинках формы, соединяющий шов проходит вдоль груди к лапам. Хвост наклеплен сверху, конец его утрачен. Оперение передано грубым рельефом, оттиск не доработан. Человеческая фигура внутри полая, туловище отсиснуто в двух половинках формы. Низ одежды наклеплен в виде оборки. Ноги утрачены, они были наложены на крылья сверху. Глина этого изображения подобна глине предыдущей фигуры, но серая в изломе от условий обжига. Сохранившаяся высота — 9,5 см. Вероятно, глиняная фигурка воспроизводила сидящего на петухе бога Мена — лунное фригийское божество, связанное с культом плодородия; Мен охранял могилы умерших, здоровье и семейный очаг живых¹¹. Иконография издаваемой горгииппийской фигурки своеобразна, в ней читается местная трактовка распространенного в античном мире образа. Колоколовидное платье персонажа переключи-

жается с одеждой культовых распространенных на Боспоре фигурок с подвесными членами, имеющих отношение к культуре плодородия.

Примечательны также найденные в 1984 г. в перемещенном грунте на городище Горгиппия два обломка, вероятно, одной фигуры (рис. 1, 2). Они сделаны из тончайшей, очень светлой и слегка желтоватой глины, с мельчайшими блестками, а также редкими белыми и железистыми вкраплениями. Визуально включения в глину этого изделия подобны содержащимся в тесте круговой посуды и прочих терракот из Горгиппии, но особая мягкость и цвет глины описываемых обломков выделяют их из общей массы керамических находок, условно относимых к местной продукции. Обломки принадлежат, скорее всего, фигуре стоящего орла, зажавшего в лапах пучок молний (последний изображен стилизованно на верхнем краю высокой подставки). Найденные обломки относятся к лицевой стороне фигуры или одностороннему оттиснутому в форме рельефу. Уцелевшие участки краев крыльев птицы обработаны аккуратно, на них не заметно следов прикрепления ко второй половине изображения (задней). Оперение крыла передано в стилизованной манере и исполнено четко. С четким оперением на раскинутых крыльях найден стоящий на подставке терракотовый орел в Ольвии¹². Более смазанное глиняное изображение орла найдено в Танаисе¹³. Подобные фигурки орлов из глины повторяют бронзовые изображения¹⁴.

Вероятно, горгиппийскую фигурку орла можно объяснить проникновением в город в первые века н. э. некоторых элементов римской культуры, что подтверждается также находками бронзовых италийских светильников, резных камней, отдельных монет римских императоров, поступлением из рейнских областей стеклянных и бронзовых сосудов.

Примечательно, что новые находки подтверждают отмеченную И. Т. Кругликовой для группы исследованных ею горгиппийских терракот ту особенность, что большинство найденных в городе фигурок сделаны из одинаковой глины¹⁵. Это обстоятельство можно рассматривать как косвенное доказательство развития в нем собственной коропластики. Из 110 фигурок, найденных в последние годы, 75 сделаны из тонкой мягкой глины светлого бежевого оттенка (излом изделий часто бывает оранжевым, иногда серым). Тесто содержит мельчайшие темные включения и блестки, а также некоторое количество красноватых железистых и белых (толченые раковины, известь) вкраплений. 25 фигурок сделаны из тонкой оранжевой глины, шероховатой на ощупь (изделия часто оставляют след при соприкосновении). Помимо компонентов, характерных для бежевой глины, в тесто этих терракот добавлялись какие-то органические примеси (быть может, солома). Они выгорали при обжиге и образовывали небольшие пустоты. Плавно переходящие друг в друга оттенки в изломах изделий и визуально одинаковый характер примесей позволяют считать единой группу отмеченных глин. На одной сырьевой базе в городе работали коропласты с различными производственными традициями. Указанные варианты глин являются также наиболее характерными для найденных в Горгиппии круговых сосудов малых форм. Число терракотовых фигурок из средиземноморских глин в Горгиппии ничтожно мало. Немного найдено и сделанных из красной боспорской глины с лиловатым оттенком. Плотное тесто этих изделий содержит мельчайшие блестки и небольшие железистые вкрапления, излом и поверхность покрыты разномасштабными желтоватыми крапинками, которые имеют либо пустоту в центре, либо растянуты в волокна. Из подобной глины на Боспоре выпускались известные и в Горгиппии большие амфоры.

Развитие собственной коропластики в городе подтверждают находки глиняных форм для оттиска различных изображений. Одна из таких форм для оттиска фигурки сидящей богини издана И. Т. Кругликовой¹⁶. В последние годы найдены еще семь форм.

Часть формы для оттиска одностороннего изображения фаллического герма Гермеса, дополненного кадудеем, найдена в слое интенсив-

ного пожара, в котором погиб дом IV — середины III в. до н. э. (рис. 2, 6)¹⁷. Верх формы утрачен. Форма сделана из прекрасно отмученной оранжевой глины, насыщенной мельчайшими блестками, содержащей белые, красноватые и желтые слюдяные вкрапления. Обратная сторона матрицы не моделирована, с поверхности не удалены налипшие комочки глины и не заглажены отпечатки пальцев. Рабочая поверхность формы также имела неровности. В изломе различимо до трех слоев глины. Ширина формы — 5,5 см, уцелевшая высота — 9,7 см, толщина стенок — 2 см, глубина отпечатка до 1,3 см. В Горгиипии найдены три герма Гермеса, они сделаны из той глины, которую мы считаем местной. Судя по характеру вкраплений, глину формы также можно отнести к разновидностям местной.

Форма для оттиска изображения Силена, сидящего перед большим сосудом, найдена внутри дома конца III — начала I в. до н. э. (рис. 2, 1)¹⁸. Фигурка Силена фаллическая, помещена на округлую профилированную подставку, рельеф изображения невысокий. Форма сделана из тончайшей бежевой глины, насыщенной мелкими блестками, содержащей черные, красноватые и белые вкрапления. В изломе прослеживается до шести слоев глины. Обратная сторона формы аккуратно заглажена, она испещрена бессистемно нанесенными линиями. Высота формы — 8 см, ширина — 5—4 см, толщина стенок — 0,5—0,9 см, максимальная глубина — 2,2 см. Описываемая форма, вероятно, служила для оттиска лицевой стороны изделия, обратная сторона которого оттискивалась в другой половине.

В осыпи одного из бортов заповедника обнаружена форма для оттиска низкого рельефа, изображавшего Геракла с ланью (рис. 1, 6)¹⁹. Она сделана из очень тонкой местной глины бежевого цвета, насыщенной мельчайшими блестками, содержащей немного мелких красных и белых вкраплений. Обратная сторона не заглажена, на ней сохранились отпечатки пяти пальцев руки, прижимавшей комок сырой глины к матрице. Размер матрицы 10,5 см × 9 см при максимальной толщине 1,4 см. Обнаженный Геракл изображен схвагившим лань за ветвистые рога, ногой он прижимает к земле круп животного. Снизу композицию ограничивает двойная выпуклая полоса. Рельеф мог украшать глиняный алтарик типа бытовавших в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма²⁰. Низкий рельеф и плоскостность довольно крупного изображения позволяют отнести штамп скорее к первым векам новой эры. Во II в. н. э. в Горгиипии был сооружен склеп с живописным повествованием о двенадцати подвигах Геракла²¹. Описываемый рельеф почти полностью повторяет фреску этого склепа, изображавшую Геракла с ланью. На фреске и оттиске с описываемой формы фигуры героя и зверя повернуты влево. Разница состоит лишь в том, что на фреске Геракл держит лань за рога обеими руками и не попирает ногой ее крупа. В целом композиция восходит к лисиповскому прототипу.

Форма для оттиска руки (кисть) найдена в культурном слое Горгиипии IV—III вв. до н. э. (рис. 2, 4)²². Она сделана из тончайшей плотной коричневато-бежевой глины с блестками. Поверхность обратной стороны обрезана по сырой глине. Размер формы 2,3—1,8 см. Эта маленькая формочка с глубоко впущенным штампом свидетельствует о применении местными коропластами сложной техники изготовления изображений в нескольких формах, требовавшей последующего умелого соединения оттисков.

Нижняя часть формы для оттиска стоящей фигуры (ноги) найдена в культурном слое Горгиипии с разновременными находками античной эпохи (рис. 2, 3)²³. Она сделана из плотной бежевой глины (излом серый), содержащей характерные для горгиипийской глины компоненты: множество мельчайших блесток и некоторое количество бурых и белых вкраплений. Поверхность обратной стороны слегка обрезана по сырой глине. Ширина формы 4,4 см, глубина рельефа 1 см.

Часть формы для оттиска задрапированной женской фигуры найде-

Рис. 2. Горгиппия.

Глиняные формы для оттиска терракотовых фигурок и штамп (1а — в; 2а — в; 3а, б; 4а, б; 5а — в; 6а — в; 7а, б)

на в осыпи одного из бортов заповедника (рис. 2, 2)²⁴. Она сделана из плотной оранжевой глины, содержащей характерные для горгиппийских глин включения. Снаружи форма слеплена очень грубо и не подправлена. Сохранившаяся высота — 8 см, ширина — 7,7 см.

В 1985 г. в заповеднике Горгиппия в одной из земляных хозяйственных ям с керамическими находками преимущественно II — середины III в. н. э., но содержащей также некоторое количество обломков чернолаковых сосудов найдена форма для оттиска стоящей фигурки обнаженного юноши (рис. 2, 5)²⁵. Левым локтем он опирается о колонку, верх которой, возможно, был профилирован. Ладонь правой руки распластана по бедру, через эту руку перекинут край плаща. Лицо юноши с тонкими чертами обращено вправо, на плечи спускаются длинные волосы. Обычная под ногами фигуры подставка в форме не изображена.

Форма сделана из местной оранжевой снаружи и бежевой в изломе тонкой глины с блестками, белыми и красноватыми вкраплениями. Снаружи поверхность формы не заглажена, на ней сохранились отпечатки пальцев, прижимавших комков глины к матрице. Внутренняя поверхность формы выглядит также грубой, имеет щербинки. Изображение в форме пересечено поперек трещиной, образовавшейся в процессе высыхания глины и обжига матрицы. Высота формы 13 см, ширина 6,3 см, толщина стенок 2 см, максимальная глубина изображения 1,7 см. Описываемая форма предназначалась для оттиска одностороннего изображения, края ее не обработаны, они не могли стыковаться с другой половиной.

Подобные терракотовые фигурки юношей были популярны в Горгиппии, особенно в первые века нашей эры. В последнее время таких изображений в городе найдено не менее 10. Однако все они отличаются от оттиска, полученного из данной формы. Обычно на статуэтках ноги юношей перекрещены и колено одной из них согнуто. Оттиск из описанной формы отличается от прочих известных и тонкие черты лица юноши.

Кроме найденных в городе перечисленных форм и общности глин различных изображений, о развитии в Горгиппии собственной коропластики свидетельствуют повторяемость отдельных сюжетов на происходящих из этого центра различных терракотовых фигурках.

Из местной глины сделаны несколько раз встреченные в комплексах эллинистического времени фигурки Деметры Куротрефы и сидящая в кресле богиня из дома II в. до н. э., аналогичная оттиску из найденной в том же доме формы (рис. 1, 5), а также и распространенные женские полуфигуры в подпоясанном под грудью хитоне с короткими рукавами (рис. 1, 3, 4 — обе, вероятно, вышли из одной формы).

Дополнительно к описанным формам можно указать на круглый штамп с ручкой-отростком из горгиппийского дома IV—III вв. до н. э. (рис. 2, 7)²⁶. Он сделан из местной бежевой глины, потемневшей от обжига. Диаметр штампа достигает 7,2 см. В обрамлении спиралевидного завитка в центре диска помещена женская голова в высоком уборе. Подобные штампы известны на Боспоре; исследователи полагают, что они служили для изготовления ритуальных хлебцев (глиняных и мучных), употреблявшихся при отправлении культа плодородия²⁷.

В заключение отметим, что в некоторых городских домах найдены своеобразные наборы терракот, свидетельствующие об их культовом использовании. Так, в одном из домов II в. до н. э. в 1962 и 1978 гг. обнаружены терракотовые фигурки: стоящей беременной женщины, сидящей в высоком кресле богини, форма для оттиска изображений такой же богини, несколько фаллических гермов, лепная культового назначения фигура мужчины²⁸ и четыре гуся или лебедя (птицы подвешивались за специальные отверстия и помещались на конических подставках). Вместе с терракотами найдена мраморная фигура Тьюхэ. Рядом с помещением в яме того же дома найдена женская фигурка, несомненно имевшая отношение к отправлению культа плодородия.

В другом горгиппийском доме IV—II вв. до н. э. вместе с описанным

круглым штампом найдены части большой фигуры сидящей в кресле богини, окрашенные в красный цвет более мелкие статуэтки сидящих богинь и Кибелы со львенком, голова девушки (Коры?); заготовленные комки отмученной глины. Все перечисленные находки свидетельствуют о развитии в городе собственной коропластики и об использовании терракот главным образом в культовых целях.

- ¹ Русяева А. С. Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—I в. до н. э.). Киев, 1982. С. 5.
- ² Цветаева Г. А. Новые данные об античном святилище в Горгиппии//ВДИ. 1968. № 1. С. 138 и сл.
- ³ Кругликова И. Т. Терракоты из Горгиппии: Терракотовые статуэтки: Придонье и Таманский полуостров//САИ. 1974. Вып. Г1—11. С. 43 и сл.
- ⁴ Крушкол Ю. С. Терракоты из античного сооружения близ Горгиппии (хутор Рассвет)//Там же. С. 50 и сл.
- ⁵ Номера здесь и далее указаны по работе И. Т. Кругликовой, названной в сноске 3.
- ⁶ Кругликова И. Т. О гончарной мастерской Горгиппии//СА. 1962. № 2. С. 222—223. Рис. 1.
- ⁷ Алексеева Е. М. Юго-восточная часть некрополя Горгиппии//«Горгиппия II». Краснодар, 1982. С. 78. Рис. 44.
- ⁸ Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Л., 1966. Рис. 147, 154, 198, 224.
- ⁹ Ростовцев М. И. Античная декоративная живопись на юге России//СПб., 1914. С. 308, 326—328. Атлас. Табл. LXXXI, 2.
- ¹⁰ Kieseritzky G., Watzinger C. Griechische Grabreliefs aus Sudrussland. В 1909. N 450, 494, 529.
- ¹¹ Кобылина М. М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М., 1978. С. 16.
- ¹² Леви Е. И. Терракоты из Ольвии: Терракоты Северного Причерноморья//САИ. М., 1970. Вып. Г1—11. С. 55. Табл. 37, 4 (II—III вв. н. э.).
- ¹³ Шелов Д. Б. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 291.
- ¹⁴ Menzel H. Die römischen Bronzen aus Deutschland. Mainz, 1960. Bd. I. Taf. 58. N 95.
- ¹⁵ Кругликова И. Т. Терракоты из Горгиппии... С. 44, 45.
- ¹⁶ Кругликова И. Т. О гончарной мастерской Горгиппии. С. 222, 223. Рис. 1.
- ¹⁷ Заповедник «Горгиппия», 1980 г., пожар под турецким помещением 70, оп. 285.
- ¹⁸ Заповедник «Горгиппия», 1978 г., рядом с помещением 2, опись случайных находок, № 55.
- ¹⁹ Заповедник, 1983 г., площадь 366, завал у северного борта, оп. 456.
- ²⁰ См., например: Белов Г. Д. Терракоты из Херсонеса//САИ. М., 1970. Вып. Г1—11. Табл. 13, 4 (III в. до н. э.).
- ²¹ Алексеева Е. М. Горгиппия и ее окрестности//АО 1975 г. М., 1976. С. 105 и сл.
- ²² Анапа, 1982 г., раскоп на строительстве пансионата «Океан», к югу от помещения 3, глубина 260.
- ²³ Заповедник, 1981 г., зачистка двора 371, оп. 41.
- ²⁴ Заповедник, 1981 г., осыпь борта под зданием музея, опись случайных находок, № 54.
- ²⁵ Заповедник, 1985 г., яма 327, оп. 330.
- ²⁶ Заповедник, 1981 г., помещение 72, оп. 153.
- ²⁷ Кругликова И. Т. Глиняный штамп из Киммерика//КСИИМК. М., 1952. Вып. 43. С. 119—125; Цехмистренко В. И. Глиняный штамп из Пантикапея//СА. 1962. № 1. С. 279—282.
- ²⁸ Кругликова И. Т. О гончарной мастерской Горгиппии. С. 222. Рис. 4.

И. Ю. ШАУБ

ПОГРЕБЕНИЯ КУРГАНА БОЛЬШАЯ БЛИЗНИЦА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЖИТЕЛЕЙ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Раскопки кургана Большая Близница — одного из крупнейших на Таманском п-ве, проводившиеся с перерывами с 1864 по 1885 г., дали богатейший материал по истории культов и религиозных представлений жителей Боспорского царства¹.

Под насыпью кургана было открыто 6 погребений²: 3 каменных склепа с характерными для IV в. до н. э. уступчатыми перекрытиями, 2 гробницы в виде каменных ящиков (один с плитовым перекрытием,

другой покрыт деревянными брусьями) и могила с трупосожжением³. Кроме того, обнаружены следы четырех тризн. Все погребения кургана относятся ко 2-й половине IV в.⁴

В склепе 1 в полуразрушенном деревянном саркофаге находилось погребение женщины в роскошном уборе, состоявшем из калафа и стленгиды, имитирующей пряди волос. Среди украшений были височные подвески, серьги, 2 ожерелья, 2 браслета, 4 перстня, множество бляшек от одежды. Все эти вещи были выполнены из золота и украшены разнообразными изображениями.

Кроме того, здесь же были найдены бронзовый футляр для зеркала, части четырех богатых конских уборов и краснофигурная пелика.

Второй склеп оказался начисто разграбленным, но на плите, замыкающей пирамидальное перекрытие камеры, сохранилось изображение выходящей из земли богини.

Склеп 3 содержал погребение воина в бронзовом позолоченном шлеме в виде фригийской шапки. При скелете также были найдены золотой оливковый веночек, 2 золотых перстня, множество золотых бляшек, части панциря, меча и наконечники стрел и копий. От саркофага, в котором находились останки воина, сохранились многочисленные фрагменты инкрустаций из слоновой кости, по технике аналогичные найденным в Куль-Обе.

Все вышеупомянутые склепы расположены в западной части кургана, с запада находились и входы в них.

Неподалеку от склепа 1 встречены следы костра, на котором была произведена кремация, судя по вещам, женщины. Здесь найдены части золотого лаврового венка, золотой перстень со скарабеем, височная подвеска в виде танцующей женщины, большое количество золотых бляшек и бус, а также бронзовое зеркало, бронзовая ложечка, множество бронзовых гвоздей и мелких костяных украшений.

В плитовой гробнице 4 в юго-восточной части кургана было обнаружено захоронение женщины, которая по богатству своего убора немногим уступала погребенной в склепе 1. Голову ее украшал калаф с золотыми рельефными фигурками менад и сатиров, золотая стленгида, имитирующая завитки волос, и серьги филигранной работы. На шее — 3 ожерелья, в том числе монисто из бус, чередующихся с амулетами и пектораль с ажурным фризом животных; на одежду во множестве были нашиты разнообразные бляшки. В состав инвентаря этого погребения входили перстни, кольца, браслет, аналогичный браслетам из склепа 1, бронзовое зеркало, несколько миниатюрных бронзовых и глиняных вотивных сосудиков, 2 костяные женские статуэтки, головка статуэтки египетского бога Бэса, краснофигурная пелика и 32 терракотовые статуэтки. Это погребение было совершено в саркофаге.

Близ центра кургана в склепе 5 в виде каменного ящика с перекрытием из деревянных брусьев было обнаружено погребение женщины. В остатках деревянного гроба, украшенного костяными вставками, здесь найдены роскошный золотой оливковый веночек, пара золотых серег, ожерелье, 2 браслета, 7 терракотовых статуэток, несколько лекифов, чашечек, алабастров, костяное веретено и бронзовое зеркало. У ног скелета стояла краснофигурная пелика, а к правой стороне гроба была прислонена каменная овальная погребальная плитка.

Л. Стефани высказал предположение, что курган служил общей усыпальницей знатного греческого семейства, члены которого исполняли жреческие функции в культе Деметры и других элевсинских богов⁵.

М. И. Ростовцев считал, что погребенные женщины были жрицами Великой богини, которая могла идентифицироваться то с Деметрой, то с Афродитой⁶. По мнению В. Ф. Гайдукевича, в склепах покоился прах жриц богини Афродиты⁷.

Для доказательства своей гипотезы Л. Стефани ссылается на живописное изображение богини на плите, замыкающей свод разграбленного склепа 2⁸. Однако как Деметра, так и Кора-Персефона в конце IV в.

до н. э. уже могли рассматриваться как защитницы умерших в загробном мире⁹. Кроме того, особенно если учитывать сильную тенденцию к героизации покойника в это время, анодос богини, который скорее всего изображен на потолке склепа, должен был восприниматься как надежда и намек на воскресение погребенного.

Спорным является и целый ряд других аргументов Л. Стефани. Калаф употреблялся не только в культе Деметры, о чем говорит и сам Стефани¹⁰, то же относится и к бляшкам с изображениями пляшущих фигур.

Изображение борьбы амазонок с грифонами на калафе связано с погребальным культом и не имеет никакого отношения к Деметре, так же как и уздечные уборы. Однако находка в гробнице однотипных бляшек с изображением Деметры, Кору и Геракла является несомненным свидетельством того, что в культе, жрицей которого была погребенная, наличествовали элевсинские элементы.

Женщину, захороненную в склепе 4, Л. Стефани также считал жрицей Деметры и других элевсинских божеств, хотя и отмечал, что она отдавала предпочтение «вакхическо-чувственной стороне этого культа»¹¹.

Ни М. И. Ростовцев, ни принявший его точку зрения М. И. Артамонов¹² не приводили детально обоснованных аргументов в пользу своего мнения о принадлежности погребений Большие Близницы жрицам Великого местного женского божества.

В. Ф. Гайдукевич в доказательство своей гипотезы о жрицах Афродиты Апатуры, захороненных в Большой Близнице, кроме предположения о соседстве этого кургана со святилищем Апатур и указания на вещи с изображением Афродиты и Эротов (футляры зеркал и перстни) в инвентаре погребений, привел изображение на краснофигурной пелике из склепа 1, на которой представлен Геракл, спасающий девушку от нападения кентавра. Исследователь связывает это изображение с местным мифом, в котором рассказывалось, как Геракл спас Афродиту от напавших на нее гигантов¹³.

Справедливо считая, что невозможно объяснять состав погребального инвентаря только примитивными религиозными представлениями древнего человека о загробном мире как о простом продолжении земной жизни (например, необходимостью обеспечить едой, питьем и одеждой покойника, желанием окружить его любимыми при жизни вещами), А. А. Передольская предположила, что «предметы, входящие в погребальный инвентарь, были связаны между собой по содержанию и объединены какой-то единой идеей, т. е. были специально, с определенной тенденцией, подобраны, исходя из общественного положения умершего, его мировоззрения, а следовательно, и мировоззрения того общества, в котором он жил»¹⁴. Рассмотрев терракоты из гробницы 4, она пришла к выводу, что эти терракоты представляют собою единый комплекс, относящийся к великим элевсинским мистериям в честь Деметры и Кору. А. А. Передольская считает, что все статуэтки изображают персонажей гомеровского гимна к Деметре¹⁵.

Гипотеза А. А. Передольской вызвала справедливую критику ряда исследователей¹⁶. Особенно обстоятельно рассмотрел ее положения П. Александреску¹⁷, по мнению которого только 2 статуэтки могут быть связаны с культом Деметры: фигурка кабана и полуфигурка Кору (предположительно, так как не меньше оснований видеть в этой терракоте Афродиту)¹⁸. Соглашаясь с А. А. Передольской, что терракоты Б. Близницы являются не просто карикатурами, а, несомненно, имеют символическое значение, румынский ученый связывает большую их часть (статуэтки, изображающие силенов, пьяного Геракла, иерогамии, комических актеров) с хтоническим культом Диониса. В полуфигуре юной богини он видит символическое изображение анода Великой богини, а во всем комплексе терракот из погребения 4 «синкретизм греческой религии и древних автохтонных традиций... дионисийского течения

с древним культом Великой богини растительности»¹⁹. Несмотря на спорность отдельных толкований терракот, в целом точка зрения П. Александреску представляется весьма убедительной.

Наличие столь разнообразных суждений относительно культа, служителями которого были погребенные в кургане, объясняется тем, что исследователи никогда не рассматривали погребения Б. Близницы как комплекс под углом зрения религиозной истории Боспора, а строили свои выводы либо на основании общего обзора вещей, либо разбирали только отдельные группы материала.

Сопоставив предметы погребального инвентаря и представленные на них сюжеты из всех пяти погребений, обнаруженных в кургане, мы пришли к следующим выводам.

Два погребения (в склепе 1 и 4) являются безусловно жреческими. На это прежде всего указывает присутствие в обоих священного головного убора, состоящего из калафа и стленгиды²⁰. Сюжет на первом калафе традиционно считается изображением борьбы аримаспов с грифонами.

Однако иногда различимые под одеждой, при всей уплощенности рельефа, женские формы, а главное — характерное для амазонок оружие (боевой топор) позволяют предполагать здесь в борьбе с грифонами именно этих персонажей²¹. Борьба амазонок с грифонами или просто изображение рядом протом грифона, амазонки и коня — наиболее распространенные сюжеты на боспорских пеликах, которые входили в состав погребального инвентаря многих боспорских могил 2-й половины IV в. до н. э.

На наш взгляд, амазонки в борьбе с грифонами воплощали те же идеи бессмертия, что и аримаспы (их поражение в борьбе с грифонами являлось символом пути через смерть к бессмертию, таким образом, символика этого сюжета может быть близка к значению сцен терзания грифонами животных). Амазонки — это служительницы Великой богини в ее загробном аспекте (этот аспект вообще силен в мифологических представлениях об амазонках, о чем говорит их постоянная ассоциация с могилами)²².

Амазонки, но уже в борьбе с греками, представлены и на 20 фаларах от конской упряжи, положенной в этом же склепе.

По остроумному предположению Д. А. Мачинского, к «амазонской» теме относятся еще золотые браслеты с изображением полульва-полульвицы на концах. Они найдены в обоих погребениях жриц. Эти монстры — «своеобразное воплощение греческим мастером в традициях „звериных“ образов варварского Причерноморья представления об „амазоническом“, андрогинном начале, видимо присущем культу женского божества Б. Близницы, как и ряду великих малоазийских богинь»²³.

Быть может, связью с представлениями об амазонках вызвано появление головы Афины на многочисленных бляшках из склепов 1, 3 и 4 Б. Близницы и из других курганов как Боспора, так и Скифии²⁴.

К калафу из погребения 4 прикреплены рельефные фигурки танцующих сатиров и менад, а также менад, едущих на грифоне и барсе. Эта композиция, так же как и вышеупомянутые терракоты из того же склепа, связана с культом хтонического Диониса. Подобные же менады, но в более варваризованном виде служили украшением головных уборов, схожих с калафами, скифских жриц, погребенных в курганах Приднепровья (а именно — в Деевом и Рыжановском)²⁵. Здесь же были найдены и изображения бородатых сатиров (или силенов)²⁶, о которых речь пойдет ниже.

Входившая в состав украшения рассматриваемого калафа крылатая женская фигурка с теньями является, судя по всему, не Никой, как обычно считают исследователи, а гением смерти, мужским аналогом которого является Эрот-Танатос, преследующий девушку на краснофигурной пелике из погребения 5 (он же, вероятно, представлен и на серьгах

из того же склепа) ²⁷. Подобная «Ника» изображена на стленгиде из склепа 1, а также на височных подвесках из Павловского кургана, где, судя по находке стленгиды, вероятно, также была погребена жрица ²⁸.

В склепах 3 и 5, а также на месте сожжения были найдены золотые венки (в склепах — оливковые, в сожжении — лавровый). Они являются свидетельством героизации покойных ²⁹.

В погребениях 1, 3 и 4 обнаружены золотые бляшки в виде крылатой женщины в калафе с завитками вместо ног (в склепе 4 подобные изображения из слоновой кости служили украшением саркофага). Этот персонаж, на наш взгляд, является упрощенным вариантом змееногой богини — местного Великого женского божества в его хтоническом аспекте.

Змееногая богиня на бляшках из Куль-Обы связана с грифонами и сатиropодобным персонажем, голову которого она держит в руках. Можно предполагать подобную же связь и на материале Б. Близины, поскольку грифон фигурирует на калафе, ожерелье, саркофаге и бляшках из склепа 1 и на украшении калафа и саркофага из склепа 4, а сатиropодобное божество представлено в погребениях 3 (бляшки), 4 (монисто) и 5 (серьги) ³⁰. Тот факт, что грифон на бляшке от калафа из склепа 4 везет на себе менаду и участвует в вакхической композиции, приобщает его к кругу хтонического Диониса, к которому несомненно относится и изображение бородатого сатира.

Если изображения девушек в калафах (бляшки из склепа 1 и височная подвеска из сожжения), пляшущих *καλαθίσκος*, относятся скорее всего к ритуалу женского божества ³¹, то танец *ὄκλασμα*, характеризующийся прыжками с прихлопыванием руками над головой, который исполняют юноши в варварских одеждах (на бляшках из склепа 1 ³²; этот же танец запечатлен в терракоте ³³ и, вероятно, на серьгах ³⁴ из погребения 5), связан скорее всего с культом Сабазия ³⁵.

Заменой конских погребений в склепе 1 является помещение туда четырех уздечных уборов. Интересно, что на надгробном рельефе из Трехбратного кургана ³⁶, современного Б. Близины, героизированная умершая (или жрица) представлена в повозке, запряженной четверкой коней. Если фалары уздечных уборов выполнены в греческом вкусе, то псалии — хотя и в смягченном, но варварском. На одном конце каждого псалия — скульптурное конское копыто, на другом — стилизованная голова оленя. Эти изображения несомненно связаны с синкретическим образом коня-оленя, который в скифском мире являлся символом солнца и плодородия, ассоциировался с деревом жизни и тем самым — с культом богини-матери ³⁷.

Вероятно, близок к образу коня-оленя и распространенный у скифов крылатый конь ³⁸, который, будучи трактован в греческой манере и приобретая стилистические черты Пегаса, представлен на бляшках из погребений обеих жриц.

Еще одним сюжетом, связанным со скифским миром, является грифогиппокамп, терзающий барса, на золотой бляшке, найденной в сожжении.

Изображение в традициях звериного стиля создал, скорее всего, боспорский мастер-грек; аналогичный сюжет, но уже явно выполненный мастерами, встречается на навесных из Краснокутского кургана и ажурной пластинке из Александропольского кургана ³⁹.

Все тризны были обнаружены к западу и юго-западу от склепов. Место первой тризны, которая, вероятно, относилась к погребению 1, было обложено сырцовым кирпичом. Здесь вместе с пережженными костями животных было найдено множество черепков расписных сосудов, в том числе рыбного блюда ⁴⁰, а также две терракотовые статуэтки. С южной стороны у этой кирпичной ограды находился жертвенник в виде большой прямоугольной плиты с квадратным отверстием посередине и воронкообразной ямкой под ним для стока жертвенной крови.

Вторая тризна была зафиксирована плохо, однако известно, что здесь были найдены обломки расписных ваз, в том числе рыбных блюд⁴¹.

В третьей тризне также были использованы 2 рыбных блюда⁴². С юга к месту этой тризны примыкал алтарь, схожий с вышеупомянутым, но более монументальный.

Место четвертой тризны, как и первой, было обложено кирпичом и также содержало в себе куски расписного блюда⁴³.

Обращает на себя внимание тот факт, что во всех тризнах были употреблены рыбные блюда, причем в тризнах 1 и 3 с сюжетом путешествия Европы на быке по морю. Тот же мотив представлен и на рельефном сосуде из тризны 3⁴⁴.

В связи с использованием в тризнах рыбных блюд (а следовательно, и рыбной пищи) приходит на память сообщение Николая Дамасского о том, что «синды бросают на могилы столько рыб, сколько врагов убил погребаемый»⁴⁵. Таким образом, здесь налицо связь рыб с представлениями о загробном мире.

Что касается сюжета, представленного на рыбных блюдах и рельефном сосуде из третьей тризны, то, сопоставляя его с изображениями не-реид на гиппокампах на височных подвесках и бляшках из погребений обеих жриц, а также на деревянных украшениях анапского саркофага⁴⁶, можно предположить семантическую связь этих украшений с представлениями о морском путешествии умершего в страну блаженных.

Жертвенники, открытые около кострищ, служили для возлияний подземным богам. То же назначение имели, вероятно, и плиты с отверстием или углублением, встреченные в кубанских курганах (Келермесском, Ульском, Костромском)⁴⁷. Таким образом, здесь может идти речь о местной традиции.

¹ ОАК за 1864 г. СПб., 18. С. IV—X; ОАК за 1865 г. СПб., 1866. С. III. Прилож. С. 5 и сл. Табл. I—VI; ОАК за 1866 г. СПб., 1867. Прилож. С. 5. Сл. табл. I—II; ОАК за 1868 г. СПб., 1870. С. V и сл.; ОАК за 1869 г. СПб., 1871. Прилож. С. 5 и сл. Табл. I—III; ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891. С. XXXVIII, XXXIX; *Ростовцев М. И.* Античная декоративная живопись на Юге России. СПб., 1913. С. 10 и сл.; *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов. Прага; Л., 1966. С. 68 и сл. Табл. 279—315; *Грач Ч. Л.* Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница//САИ. 1974. Вып. Г1—11, ч. IV. С. 36 и сл. Табл. 42—45.

² Была вскрыта и еще одна гробница, о которой известно только то, что она «самого малого размера, перекрытая доскою, с двумя простой глины горшочками» (д. 3, 1883, лл. 21, 23; здесь и далее даны ссылки на дела Императорской археологической комиссии, хранящиеся в архиве ЛОИА АН СССР, ф. 1).

³ О том, что «основное погребение этого кургана или не было найдено, или не было должным образом наблюденно» (*Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 371), свидетельствуют отчеты о раскопках Б. Близницы.

⁴ О датировке погребений кургана см.: *Пругло В. И.* К вопросу о дате кургана Большая Близница//СА. 1974. № 3. С. 64—77.

⁵ ОАК за 1865 г. СПб., 1866. С. 15 и сл.

⁶ *Rostovtzeff M. I.* Iranians and Greeks. Oxford, 1922. P. 73.

⁷ *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische Reich. B.—Amsterdam, 1971. S. 228.

⁸ ОАК за 1865 г. С. 5 и сл.

⁹ Ср.: *Rostovtzeff M. I.* Iranians... S. 179.

¹⁰ ОАК за 1865 г. С. 27.

¹¹ ОАК за 1869 г. С. 12.

¹² *Артамонов М. И.* Сокровища... С. 69 и сл.

¹³ *Gajdukevič V. F.* Das Bosporanische... S. 179.

¹⁴ *Передольская А. А.* Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре//ТГЭ. 1962. Т. 2. С. 52. Там же. С. 55 сл.

¹⁵ *Денисова В. И.* Корoplastика Боспора. Л., 1981. С. 10 и сл.

¹⁷ *Alexandrescu P.* Le symbolisme funéraire dans une tombe de Taman//St. Clas. VIII. 1966. S. 75 и сл.

¹⁸ ОАК за 1869 г. С. 164.

¹⁹ *Alexandrescu P.* Le symbolisme... S. 86.

²⁰ Ср.: *Мирошина Т. В.* Греческие головные украшения Северного Причерноморья//КСИА. 1983. Вып. 174. С. 16.

²¹ Это предположение высказал еще граф С. Строганов (ОАК за 1864 г. С. VI). Ср.: *Мачинский Д. А.* Пектораль из Толстой Могилы и великие женские божества Скифии//Культура Востока. Л., 1978. С. 137.

²² Подробнее см.: *Шауб И. Ю.* Религиозно-мифологические представления жителей Боспорского царства: (Некоторые сюжеты боспорских пелик)//Consilium Eirene XVI. Prahae, 1983. Vol. 2. С. 73.

- ²³ *Мачинский Д. А.* Пектораль ... С. 138.
- ²⁴ Ср.: *Бессонова С. С.* *Зображення Афіни за матеріалами Північного Причорномор'я*//Археологія. 1975. 17. С. 23 и сл.
- ²⁵ *Бессонова С. С.* *Религиозные представления скифов.* Киев, 1983. С. 74. Рис. 6.
- ²⁶ *Ростовцев М. И.* *Скифия и Боспор.* С. 443, 444.
- ²⁷ Архив ЛОИА АН СССР. Д. 3. 1883. Л. 3.
- ²⁸ ОАК за 1859 г. С. 30.
- ²⁹ О значении золотого венка в погребальном культе см.: *Lullies R.* *Zur Bedeutung des Kranzes von Armento*//JdI. 1982. 97. S. 114, 115.
- ³⁰ Архив ЛОИА. д. 3. 1883. Л. 3.
- ³¹ ОАК за 1865. С. ³² и сл.
- ³² Там же. С. 56. и сл.
- ³³ *Грач Н. Л.* *Терракотные статуэтки...* Табл. 45, 4.
- ³⁴ *Артамонов М. И.* *Сокровища...* С. 119. Табл. 309.
- ³⁵ *Curtius L.* *Sardanapal*//JdI. 1928. 43. С. 281 и сл.
- ³⁶ *Бессонова С. С., Кириллин Д. С.* *Надгробный рельеф из Трехбратнего кургана*//Скифы и сарматы. Киев, 1977. С. 128 и сл.
- ³⁷ *Кузьмина Е. Е.* *Конь в религии и искусстве саков и скифов*//Скифы и сарматы. С. 104 и сл.
- ³⁸ Там же. С. 100.
- ³⁹ *Мелюкова А. И.* *Краснокутский курган.* М., 1981. С. 42 и сл. Рис. 9 и 12.
- ⁴⁰ ОАК за 1866 г. С. 79 и сл. Табл. III.
- ⁴¹ Архив ЛОИА. Д. 9. 1864. Л. 29.
- ⁴² ОАК за 1866 г. С. 81 и сл.
- ⁴³ ОАК за 1865 г. С. IV.
- ⁴⁴ ОАК за 1868 г. С. VIII.
- ⁴⁵ *Nic.* *Dam.* 49.
- ⁴⁶ *Иванова А. П.* *Анапский саркофаг и деревянная резьба на Боспоре в эпоху эллинизма*//ТГЭ. 1958. 1. Рис. 1—7.
- ⁴⁷ *Артамонов М. И.* *Сокровища...* С. 74.

ПУБЛИКАЦИИ

В. М. ЗУБАРЬ, С. Б. ЛАНЦОВ

НОВЫЙ УЧАСТОК
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО НЕКРОПОЛЯ ХЕРСОНЕСА

В 1983 г. Античный отряд Херсонесской экспедиции Института археологии АН УССР совместно с Херсонесским историко-археологическим заповедником продолжал исследования западного некрополя Херсонеса¹. Работы проводились к западу от башни V на третьей террасе скалы восточного склона Песочной балки. Там в ходе раскопок была вскрыта площадь около 170 кв. м, на которой открыто 24 могилы эллинистического и римского времени и два склепа, интенсивно использовавшихся на протяжении V—VII вв. христианским населением города. Настоящая публикация посвящена новой группе погребений эллинистической эпохи (могилы 2—4, 6, 16, 18, 21—24).

Могильная яма обычно выкапывалась в грунте, а затем для ее углубления в скале делался выруб глубиной от 0,2 до 0,6 м, в котором и совершалось захоронение (рис. 1, I—IV). Могильная яма, как правило, прямоугольная в плане, иногда суживающаяся к ногам. Ее глубина 0,46—1,10 м от современной поверхности. Только в могиле 2 в заполнении могильной ямы обнаружена фрагментированная известняковая плита, которая могла служить частью плитового перекрытия могилы.

В углах трех могильных ям зафиксированы четырехугольные ямки глубиной 0,08—0,14 м, вырубленные в скале (могилы 2, 4, 6) (рис. 1, II). Очевидно, в этих могилах захоронения производились в деревянных гробах с ножками. Углубления для ножек деревянных гробов в могилах Херсонесского некрополя открыты впервые. Однако в боспорских некрополях они встречались неоднократно, начиная с VI в. до н. э.

Могилы, вырубленные в скале, в ряде случаев рассматривались как семейные усыпальницы. Об этом свидетельствуют последовательно совершенные захоронения в могилах 22 и 24, а также значительная ширина могилы 16, которая, скорее всего, предназначалась для парного захоронения (рис. 1, IV)².

Умерших хоронили в подавляющем большинстве случаев на спине с вытянутыми вдоль туловища руками. Лишь в могиле 22 ноги погребенного были сведены в щиколотках, а в могиле 24 — перекрещены в голенях (рис. 1, III). Обычно такое положение умерших в могиле связывается с сарматскими нормами погребального ритуала³. Однако наличие захоронений в таком положении в типично греческих погребальных комплексах эллинистического некрополя Херсонеса ставит под сомнение безоговорочное отнесение таких погребений к сарматскому этносу.

Исходя из ориентировки, все могилы можно разделить на две группы. Три ориентированы по линии восток — запад с незначительными отклонениями к югу и северу (могилы 3, 4, 6). Остальные семь могил ориентированы по линии север — юг с отклонениями к востоку и западу. Очевидно, такая разница в ориентировке могил на раскопанном участке объясняется наличием здесь дороги, вдоль которой и были ориенти-

рованы могилы⁴. Могилы, ориентированные по линии восток — запад, вероятно, были сооружены еще до строительства дороги.

Погребальный инвентарь в могилах располагался у головы, пояса или ног погребенного (рис. 1, *а—ж*). В могиле 24 чернолаковая тарелка прислонена к стенке могильной ямы (рис. 1, *а*). Такое размещение тарелок в могилах эллинистической эпохи было зафиксировано при раскопках некрополя в периболе у гончарных печей⁵. По аналогии с жилища помещениями, стены которых иногда украшались чернолаковыми тарелками⁶, такое размещение тарелок в могилах может рассматриваться как часть декора погребального сооружения, которое считали новым жилищем умершего⁷.

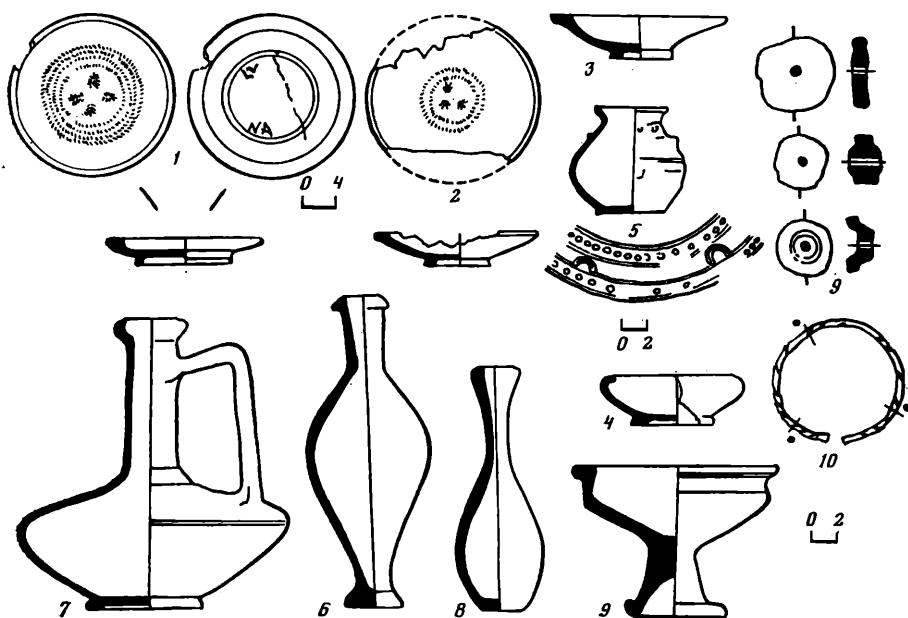
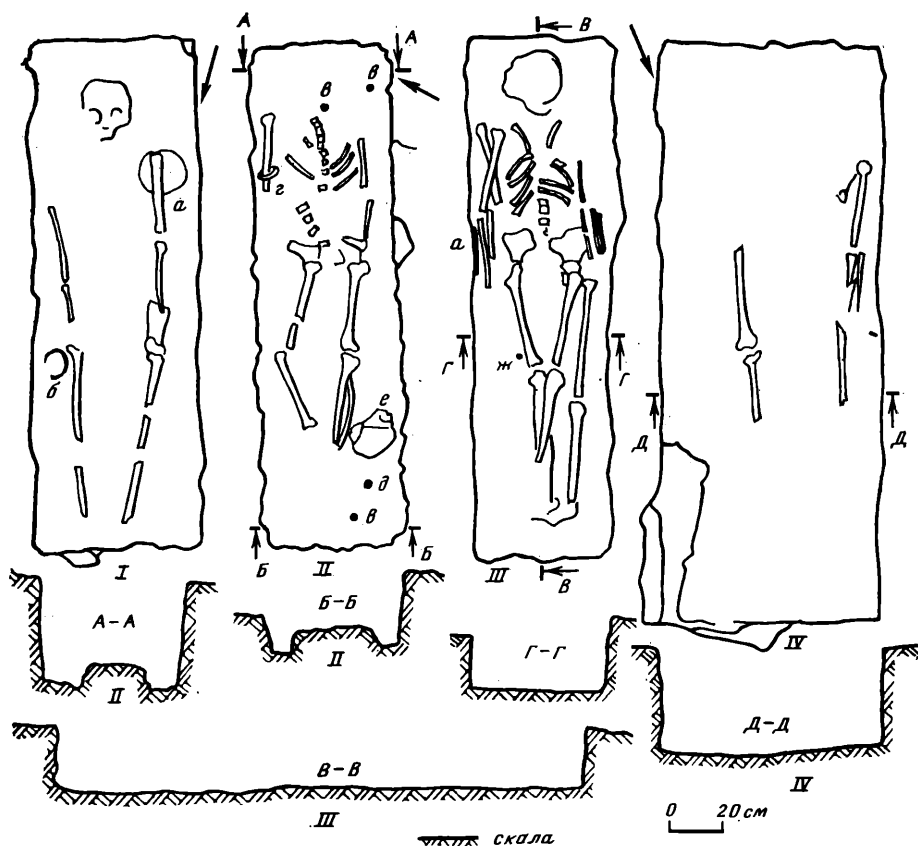
Среди погребального инвентаря преобладают целые и фрагментированные чернолаковые тарелки со штампованным орнаментом в виде насечек и пальметт (рис. 1, *1—2*) конца IV — первой половины III в. до н. э.⁸ Эту датировку подтверждает и херсонесский дихалк с изображением квадриги на лицевой стороне и коленопреклоненного воина на обороте⁹, положенный в могилу 24 вместе с чернолаковой тарелкой. Монета сильно стертая и, очевидно, попала в могилу в качестве «обола Харона» уже после того, как вышла из обращения. Тарелка находилась в длительном употреблении, о чем свидетельствуют насечки от ножа на ее поверхности и сношенность поддона. Таким образом, рассмотренная тарелка и монета могли быть положены в могилу не ранее первой половины III в. до н. э. К этому же времени относится и небольшая чернолаковая солонка, найденная в могиле 2 вместе с тарелкой, украшенной штампованным орнаментом (рис. 1, *4*)¹⁰.

На тарелке из могилы 24 снаружи имелось два граффити: NA и $\Sigma\Omega$ (рис. 1, *1*). Граффити NA уже дважды встречалось в Херсонесе на чернолаковой посуде IV—III вв. до н. э. Издатели каталога херсонесских граффити считают, что NA могла быть началом имени Нанон или Нана, хорошо известных в лапидарной и керамической эпиграфике, а также в надписях на монетах¹¹. Граффити $\Sigma\Omega$ также уже встречалось в Херсонесе и, вероятно, означало сокращенное посвящение Сотеру или Сотейре. В качестве ближайшей аналогии, где имеется сочетание обоих граффити, можно привести чернолаковую тарелку, на дне которой небрежно было процарапано $\text{NAP}\Delta\text{A}\Sigma$ и отдельно $\Sigma\Omega$ ¹². Здесь, как и на тарелке из раскопок 1983 г., имелось имя дедиканта и божества.

Среди инвентаря могил особый интерес представляет красноглиняный плоскодонный сосуд с шаровидным туловом, коротким горлом и двумя псевдоручками (могила 6) (рис. 1, *5*). Его поверхность ангобирована светло-желтой хорошо отмученной глиной и заглажена. Тулово украшено полихромной росписью в виде двух поясков. На белом фоне между темно-красными линиями поочередно нанесены темно-красные и ярко-красные точки. Форма сосуда, техника исполнения и характер росписи сближают его с керамикой Гадра, которая ввозилась в Северное Причерноморье в III в. до н. э. и была тесно связана с погребальным ритуалом. При раскопках участка херсонесского некрополя, расположенного в верховьях Песочной бухты, обнаружены три гидрии, изготовленные из херсонесской глины, сходные с полихромными гидриями Гадра¹³.

В погребении 22 обнаружен светлоглиняный лагинос с высоким цилиндрическим горлом, приземистым биконическим туловом и плоской профилированной ручкой на четко выделенном кольцевом поддоне (рис. 1, *7*). В античном мире лагиносы известны с V в. до н. э. и сравнительно часто встречаются в некрополях боспорских городов, Ольвии и Херсонеса¹⁴. По форме лагиносу из раскопок 1983 г. наиболее близки сосуды начала I в. до н. э., обнаруженные при исследовании кораблекрушения в Эгейском море, и лагиносы из слоя Афинской агоры, датированного 86 г. до н. э.¹⁵ Вместе с лагиносом найден красноглиняный бальзамарий с округло-вытянутым туловом, цилиндрическим горлом, на плоском дне (рис. 1, *8*). Такие флаконы делались по типу стеклянных бальзамариев. Они появляются в I в. до н. э. и доживают до первой половины I в. н. э.¹⁶

Рис. 1. Планы, разрезы могил и погребальный инвентарь

I — могила 2; II — могила 6; III — могила 24; IV — могила 16; а — чернолаковая тарелка; б — солонка; в — пряслица; г — железный гвоздь; е — расписной сосуд; ж — херсонесский дихалк

1 — чернолаковая тарелка из могилы 24; 2 — чернолаковая тарелка из могилы 18; 3 — чернолаковая тарелка из могилы 2; 4 — солонка; 5 — расписной сосуд; 6 — буролаковый бальзамарий; 7 — лагинос; 8 — красноглиняный бальзамарий; 9 — пряслица; 10 — бронзовый браслет; 11 — сероглиняная чаша

Из могилы 18 происходит бальзамарий веретенообразной формы, покрытый бурым лаком (рис. 1, 6). Аналогичные флаконы М. Парович-Пешикан относит к III типу бальзамариев и датирует первой половиной III в. до н. э.¹⁷

Помимо рассмотренных предметов, в погребении 6 обнаружены три глиняных пряслица (рис. 1, 9), бронзовый витой браслет с несомкнутыми концами (рис. 1, 10) и железный гвоздь. В могиле 18 найдены разнообразные бусы¹⁸. Рядом с этой могилой лежали три прямоугольные известняковые подставки под антропоморфные надгробия, размеры которых колеблются в пределах: длина 0,32—0,39 м, ширина 0,26—0,28 м, толщина 0,05—0,06 м. В каждой подставке имелось отверстие для шипа надгробия размерами: длина 0,08—0,09 м, ширина 0,03 м, глубина 0,03 м. В насыпи обнаружена также нижняя часть красноглиняной амфоры IV—III вв. до н. э. типа Солоха II¹⁹, которая, вероятно, служила вместилищем для разрушенного детского захоронения, и сероглиняная чашка на высокой ножке, датирующаяся эллинистической эпохой (рис. 1, 11).

Материалы раскопок 1983 г. позволяют предполагать, что на территории некрополя Херсонеса существовали семейные участки, где совершались захоронения членов одной семьи. Во всяком случае только этим можно объяснить сооружение рядом друг с другом четырех могил, одинаково ориентированных по линии север—юг (могилы 21—24). Судя по вещам, найденным в этих могилах, этот участок использовался с первой половины III в. до н. э. до первой половины I в. до н. э. Вполне возможно, что над этими могилами был сооружен общий надгробный памятник, как это имело место в некоторых центрах Греции²⁰.

Некрополь эллинистического времени уже в первой половине III в. до н. э. был расположен за западными оборонительными стенами города²¹. Это позволяет предполагать, что небольшой участок некрополя эллинистической эпохи, открытый А. Н. Щегловым и Л. Г. Колесниковой в верховьях Песочной балки²², не был обособленным и, по всей вероятности, смыкался с западным некрополем города. Рост городской территории в западном направлении и застройку некрополя городскими кварталами, очевидно, следует относить к IV в. до н. э.²³ На рубеже IV—III вв. до н. э. на восточном склоне Песочной балки уже существовала западная линия обороны города²⁴, а территория за пределами оборонительных стен, как показали раскопки 1983 г., была занята некрополем, где население Херсонеса хоронило своих умерших с эллинистической эпохи вплоть до периода раннего средневековья²⁵.

¹ *Зубарь В. М., Рыжов С. Г.* Раскопки некрополя Херсонеса//АО 1975 г. М., 1976. С. 327, 328; *Зубарь В. М.* Раскопки западного некрополя Херсонеса//АО 1981 г. М., 1983. С. 261, 262; *Зубарь В. М., Магомедов Б. В.* Нові дослідження середньовічних поховань Херсонеса//Археологія. 1981. Вип. 36. С. 71—77; *Зубарь В. М., Рыжов С. Г.* Розкопки західного некрополя Херсонеса//Археологія. 1982. 39. С. 77—87.

² Аналогичное явление наблюдается и в могилах римской эпохи, где были зафиксированы последовательно совершенные захоронения по обряду трупоположения и подзахороненные урны с остатками кремации (могилы 17, 19, 20).

³ *Зубарь В. М.* Некрополь Херсонеса Таврического I—IV вв. н. э. Киев, 1982. С. 41.

⁴ *Гриневич К. Э.* Стены Херсонеса Таврического//Хсб. Симферополь. 1959. Вып. V. Ч. III. С. 99; *Щеглов А. Н.*

Некрополь у Песочной бухты близ Херсонеса//КСИА. 1975. Вып. 143. С. 109.

⁵ *Борисова В. В.* Отчет о раскопках гончарных мастерских и некрополя древнего Херсонеса//Архив ГХЗ. Д. 730. С. 13. № 1, 5.

⁶ Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 13.

⁷ *Зубарь В. М.* Некрополь... С. 11.

⁸ *Белов Г. Д.* Некрополь Херсонеса эллинистической эпохи//Археологический сборник. Л., 1978. Вып. 19. С. 53. Рис. 5, 2; *Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 93. Рис. 85; *Sparkes V. A., Talkott L.* Black and Plain Pottery of the 6th, 5th and 4th centuries B. C.//The Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1970. Vol. XII. P. 147. N 1059—1060.

⁹ *Анохин В. А.* Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э.—XII в. н. э.). Киев, 1977. С. 136—138. № 35—59.

- ¹⁰ Sparkes B. A., Talkott L. Black... Pl. 33. Fig. 8.
- ¹¹ IPE, 1², № 363, 403, 713; Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев, 1973. № 112, 168, 175; Анохин В. А. Монетное дело... С. 27, 140, 142; Граффити... С. 96. № 1261—1262; Михлин Б. Ю. К изучению херсонесских керамических клейм//ВДИ. 1979. № 2. С. 148. Табл. 1, 20. С. 153. Табл. II, 29; Кац В. И. Уточненный список магистратов, контролировавших керамическое производство в Херсонесе Таврическом//ВДИ. 1969. № 3. С. 144. № 77.
- ¹² Граффити... С. 114, 115, № 1534—1538; С. 96, № 1265.
- ¹³ Шургая И. Г. Импорт Александрии в Северное Причерноморье//ВДИ. 1965. № 4. С. 128, 131, 134. Рис. 6. С. 138, 139. Примеч. 72; Щеглов А. Н. Некрополь... С. 115.
- ¹⁴ Максимова М. И. Артюховский курган. Л., 1979. С. 106; Парович-Пешикан М. Некрополь... С. 98. Рис. 88; Белов Г. Д. Некрополь... С. 47. Рис 3, 3.
- ¹⁵ Edwards G. R. The Hellenistic Pottery from the shipwreck of Antikythera//Transactions of the American Philosophical Society. New Series. Philadelphia, 1965. Vol. 55. Part 3. P. 24. Fig. 20, 21.
- ¹⁶ Гайдукевич В. Ф. Некрополи некоторых боспорских городов//МИА. 1959. № 69. С. 216, 217. Могила 4(5); Бабенчиков В. П. Чорноріченський могильник//АН УРСР. Київ, 1963. Т. XIII. С. 107. Мог. 25. Табл. 1, 14; Максимова М. И. Артюховский... С. 131; Bucovaia M. Necropole elenistice la Tomis. Constanta, 1967. P. 123. Fig. 81; Bruneau F. Tombes d'Argos//BSH. 1970. XCIV. II. P. 493.
- ¹⁷ Парович-Пешикан М. Некрополь... С. 110. Рис. 94 (5—9).
- ¹⁸ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья//САИ. М., 1978. Вып. Г1—12. Табл. 33, 1—2, 27, 28.
- ¹⁹ Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83. Табл. XV—XVI.
- ²⁰ Kurtz D. C., Boardman J. Greek Burial Customs. I, 1974. P. 107—109. Fig. 19, 20; P. 237. Fig. 48; P. 245. Fig. 53.
- ²¹ Обычно территория за западными оборонительными стенами не рассматривается в качестве некрополя Херсонеса эллинистической эпохи. См.: Белов Г. Д. Некрополь... С. 45, 46.
- ²² Щеглов А. Н. Некрополь... С. 116.
- ²³ Белов Г. Д. Херсонес Таврический. Л., 1948. С. 44; Сузов Е. Г. Херсонес Таврический. Свердловск, 1961. С. 81—83, 88.
- ²⁴ Гриневиц К. Э. Стены... С. 95.
- ²⁵ Зубар В. М., Рижов С. Г. Розкопки західного... С. 77—87.

Н. Н. ГРАНДМЕЗОН

МОНЕТЫ ХЕРСОНЕСА С ГОЛОВОЙ АФИНЫ

Давно известны монеты Херсонеса, у которых на аверсе изображена голова Афины Паллады вправо, а на реверсе — скачущий грифон вправо, над ним — первые буквы названия города и под ним магистратские имена НРАКЛЕΙΟΥ (Υ), вес 3,90 г, диаметр 17 мм (рис. 1, 1) или (ΑΠ)ΟΛΛΟ(ΔΡΡΟ), вес 4,82 г, 18 мм (рис. 1, 2). Встречаются эти монеты с дифферентом (НР)ΑΚΛΕΙΟΥ с надчеканкой — восьмиконечная звезда, вес 3,18 г, диаметр 18 мм (рис. 1, 3).

А.Н. Зограф считает эти монеты выпущенными в III в. до н. э.¹ Это подтверждается тем, что на серебряных херсонесских монетах III в. до н. э. встречается близкое по написанию магистратское имя НРАΚΛΕΙΤΟΥ². Кроме того, в третьей четверти III в. до н. э. на Боспоре Левконом II выпускались монеты с аналогичным изображением головы Афины³. Пантикапейские мелкие монеты с головой Афины на аверсе, с пророй и ΠΑΝ на реверсе (рис. 1, 4) А. Н. Зограф⁴ и Д. Б. Шелов⁵ также относят к третьей четверти III в. до н. э. Вес нашего экземпляра 1,52 г, диаметр 12 мм. В тот период была развита торговля хлебом городов Северного Причерноморья с Афинами, что и могло послужить причиной изображения головы Афины на монетах.

В. А. Анохин⁶, не приводя никаких доказательств, считал херсонесские монеты с головой Афины выпущенными в 180—170 гг. до н. э. Видимо, отнесение этих монет ко II в. до н. э. было им сделано потому, что он механически распределил выпуск херсонесских монет по десятилетиям. Кстати, в течение 70 лет III в. до н. э. им не показано ни одного

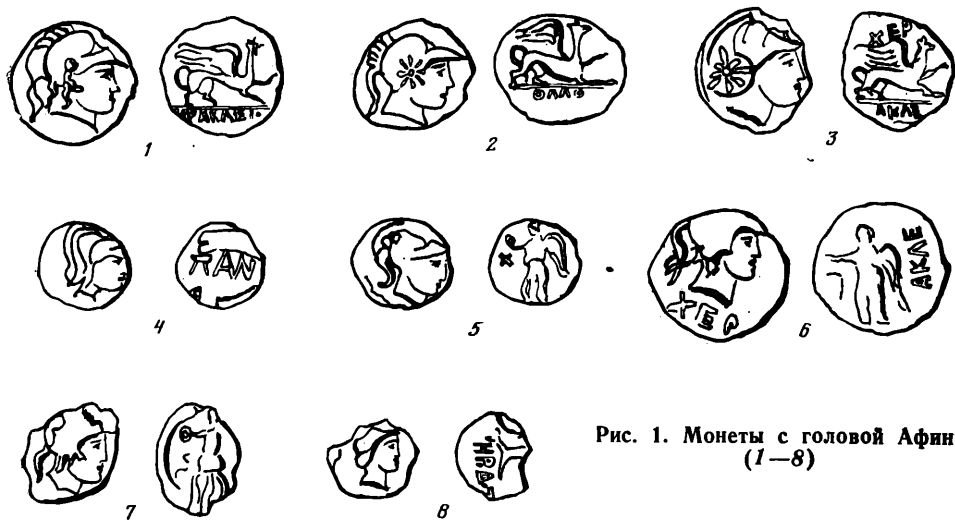

Рис. 1. Монеты с головой Афины (1—8)

выпуска Херсонесом медных монет, что является совершенно невероятным. Поэтому мы присоединяемся к мнению А. Н. Зографа о принадлежности этих херсонесских монет с головой Афины III в. до н. э.

Известны монеты и младшего номинала этой серии весом 2,44 г, диаметром 17 мм (рис. 1, 5). На аверсе этих монет — голова Афины вправо на реверсе — стоящая с венком влево Ника и буквы сокращенного названия города по сторонам Ники. Такие монеты опубликованы О. П. Бурачковым⁷ и В. А. Анохиным, последний также относит их к 180—170 гг. до н. э.⁸ Нам, однако, представляется, что и мелкие монеты этой серии также следует датировать III веком до н. э.

До настоящего времени не была известна уникальная монета старшего номинала этой серии весом 6,24 г, диаметром 20 мм (рис. 1, 6). На аверсе этой монеты — голова Афины вправо и под ней первые буквы названия города, на реверсе — стоящая с венком Ника влево, слева от нее следы монограммы, справа магистратское имя (HP)AKΛE(IΟΥ), как на монетах среднего номинала. В. А. Анохин справедливо считает ранее известные монеты с головой Афины и грифоном на реверсе дихалками, а более мелкие монеты со стоящей Никой на реверсе — халками⁹. Публикуемую ранее неизвестную монету большего размера с головой Афины на аверсе и стоящей Никой на реверсе, исходя из размеров и веса, следует считать тетрахалком.

Ранее была неизвестна монета весом 2,44 г, диаметром 17 мм, на аверсе которой голова Афины вправо, а на реверсе стоящая влево Ника с венком в правой руке и слева от нее магистратское имя HPOΔOT (рис. 1, 7). Судя по изображениям и фактуре, можно предположить, что эта монета близка по времени выпуска к монетам вышеуказанной серии, и датировать ее второй половиной III в. до н. э.

Ранее дифферент HPOΔOT был известен только на одной монете, опубликованной В. А. Анохиным и имеющий на аверсе голову Девы в венке вправо, на реверсе стоящего оленя влево, над ним сокращенное имя города, слева дифферент HPOΔOT¹⁰ плохой сохранности. В. А. Анохин датирует эту монету 120—110 гг. до н. э., приближая ее ко времени боспорского влияния в Херсонесе, видимо, только потому, что на реверсе этой монеты изображен олень. Однако палеография имени HPOΔOT на этой монете и на впервые здесь публикуемой нами монете (рис. 1, 8; вес 0,95 г, диаметр 12 мм) идентичны. Так же растянута по горизонтали буква H, так же первая буква O изображена как точка, совпадают по начертанию и остальные буквы. Из этого следует, что обе монеты с редким именем HPOΔOT выпущены в одно время и их следуют отнести ко второй половине III в. до н. э.

Публикация двух неизвестных ранее монет с головой Афины позволяет дополнить серию этих монет новым старшим номиналом и уточнить датировку публикуемых в этой заметке монет с дифферентом НРОДОТ.

Все публикуемые на таблице монеты находятся в собрании автора.

¹ Зограф А. Н. Античные монеты//МИА. 1951. Вып. 16. Табл. 36. № 5. С. 150.

² Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 140, 167.

³ Шелов Д. Б. Монетное дело Боспора IV—II вв. до н. э. М., 1956. Табл. VII. № 77.

⁴ Зограф А. Н. Античные монеты... Табл. 41. № 14.

⁵ Шелов Д. Б. Монетное дело... Табл. 8. № 102.

⁶ Анохин В. А. Монетное дело... Табл. II. С. 31, 145.

⁷ Бурачков П. О. Общий каталог 1884 г. Одесса. Табл. 15. № 78.

⁸ Анохин В. А. Монетное дело... Табл. 11. № 161—163.

⁹ Там же. С. 145.

¹⁰ Там же. Табл. 12. № 187.

И. Н. ХРАПУНОВ

РАСКОПКИ БУЛГАНАКСКОГО ГОРОДИЩА (1981—1984 гг.)

Булганакское городище расположено к югу от с. Пожарское Симферопольского района Крымской области. Оно было открыто в 1920-х или в 1930-х годах Н. Л. Эрнстом и обследовано в 1964 г. П. Н. Шульцем¹. В 1981—1984 гг. раскопки велись под руководством автора данной статьи.

Городище занимает вершину одного из холмов, возвышающихся с юга над долиной реки Западный Булганак. С запада и востока оно ограничено глубокими балками, с севера — долиной реки. С южной, напольной стороны поселение было защищено валом, еще один вал отсекал северную оконечность холма, так называемый акрополь. Ныне большая часть городища, исключая акрополь, распахана. При этом полностью уничтожены внешний оборонительный вал и зольники, которые видел П. Н. Шульц. Общая площадь памятника — около 6 га² (рис. 1). С юга к городищу примыкает неукрепленное селище.

Раскопки велись на нескольких участках. Исследовались оборонительные сооружения акрополя. Выяснилось, что первоначально акрополь был защищен двухпанцирной каменной стеной толщиной 2,5 м. Внешний панцирь, от которого сохранился один нижний ряд, сложен из очень крупных камней, внутренний — из слегка подтесанных уплощенных каменной меньших размеров в технике иррегулярной кладки. Забутовка из мелких камней. Стена поставлена прямо на погребенную почву, не поддерживающую находок. Это обстоятельство позволяет предположить, что оборонительная стена была возведена в начальный период существования поселения. Второй строительный период оборонительных сооружений акрополя связан с разрушением стены и возведением на ее руинах вала. Вал с внутренней (северной) стороны насыпан из земли, с внешней (южной) — из гальки, которая была добыта при рытье оборонительного рва. Ширина вала на уровне подошвы около 20 м, высота — 1,3 м. В насыпи вала с внутренней стороны, на слое, связанном с разрушением оборонительной стены 1-го строительного периода, обнаружены, лежащие рядом отдельные кости лошади и человека, в том числе череп, бронзовая поясная пряжка и наконечники пояса, а также обломок лезвия железного меча (рис. 2, 1, 2, б). Ров, выкопанный перед валом, сужался ко дну. Ширина его в верхней части 0,2 м, дна — 1,4 м, глубина — 3,0 м. Находки, сделанные в заполнении рва, разновременны. В их числе ручка

Рис. 1. Булганакское
городище. План

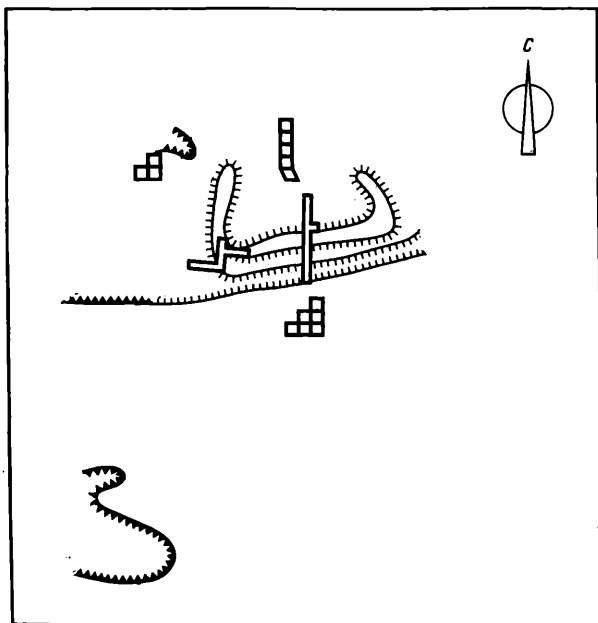
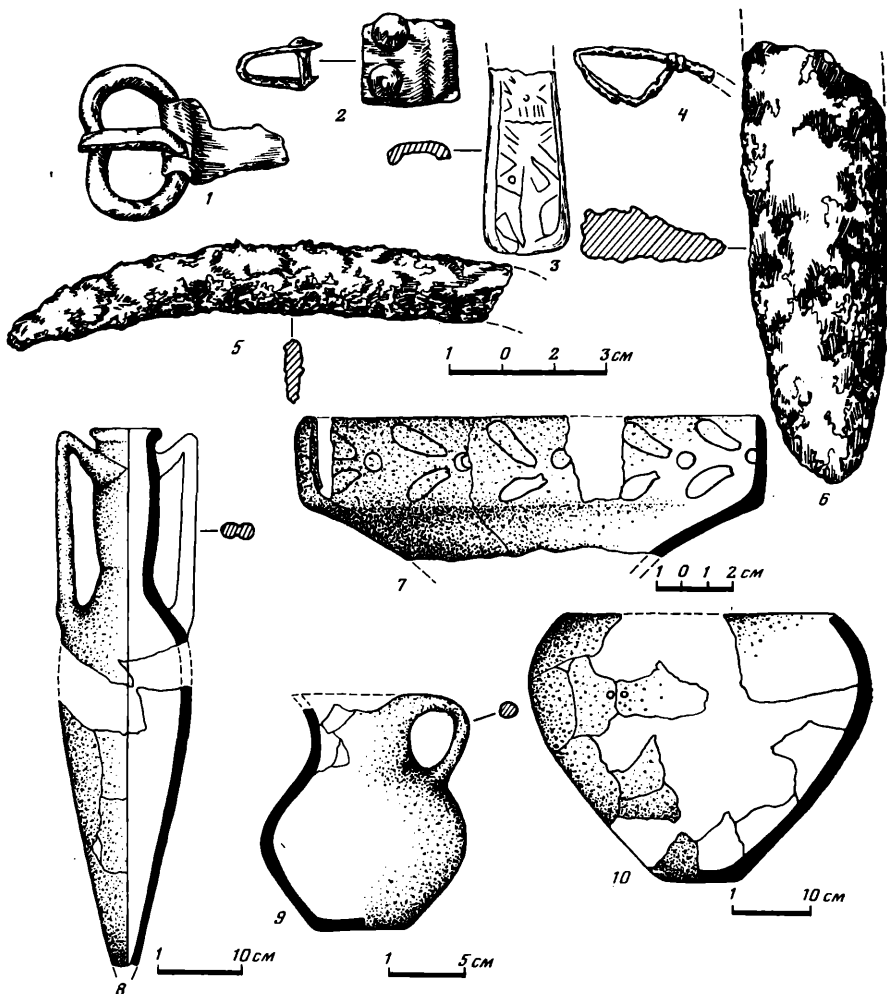

Рис. 2. Вещи из раскопок
Булганакского городища

- 1 — пряжка;
- 2 — наконечник пояса;
- 3 — обкладка;
- 4 — фибула;
- 5 — серп;
- 6 — обломок меча;
- 7 — краснолаковая миска;
- 8 — амфора;
- 9, 10 — лепные сосуды;
- 1, 2, 4 — бронза;
- 3 — кость;
- 5, 6 — железо;
- 7 — 10 — глина

родосской амфоры с клеймом Калликрата, датирующаяся 220—180 гг. до н. э.³, и фрагмент подвязной лучковой бронзовой фибулы, вероятно, I в. н. э. (рис. 2, 4). На вершине вала была выстроена оборонительная стена. Сложена она в той же технике, что и стена 1-го строительного периода, с той лишь разницей, что забутовка ее состояла из гальки и глины. Оборонительная стена 2-го строительного периода сохранилась в высоту до 0,8 м (6 рядов кладки), толщина ее 5,2 м. Судя по находкам, сделанным под обоими панцирями, стена была возведена приблизительно на рубеже н. э. Раскопки, начатые на западном, наиболее важном в стратегическом отношении, участке оборонительных сооружений акрополя, показали, что здесь к оборонительной стене примыкала другая стена, сложенная в аналогичной технике. Вероятно, на этом месте находилась башня. Существовала ли башня во 2-й строительный период, установить пока не удалось, так как оборонительная стена, построенная на вершине вала, в значительной степени уничтожена в новое время.

Раскопками на акрополе выяснено, что в центре его культурный слой насыщен находками как позднеантичными, так и VIII—X вв. н. э. Вероятно, северная оконечность мыса была населена племенами — носителями салтово-маяцкой культуры. Средневековые находки представлены фрагментами амфор, а также лепных горшков и ойнохой, украшенных под венчиком орнаментом из одной или нескольких врезных волнистых линий. Стратиграфически средневековый и античный материал не разделяются. В окраинной части акрополя отдельные обломки средневековых сосудов встречаются лишь в верхней части культурного слоя. Основная масса находок, в том числе клейма на ручках амфор Синопы, Родоса и Книда, датируется II в. до н. э.—I в. н. э. Раскопано шесть вырубленных в материке хозяйственных ям, глубина которых от 0,6 до 2,6 м. Среди обнаруженных в мусорном наполнении находок имеются фрагменты очень крупных лепных сосудов, краснолаковая миска, украшенная по венчику узором, нанесенным белой краской, обломок железного серпа (рис. 2, 5, 7, 10).

В южной части акрополя, у оборонительного вала, раскопано углубленное в материк сооружение, состоящее из двух соединенных между собой ям разной глубины. Они заполнены мягкой золистой землей с включением углей и обломков керамики. В северной его части лежали в беспорядке многочисленные обломки лепных жаровен. Аналогичное сооружение раскопано на Гавриловском городище⁴.

В раскопе, расположенном за пределами акрополя на западном склоне холма, выявлен самый мощный на городище культурный слой — до 2,5 м. Здесь материк, имеющий в этом месте естественный склон, подрублен так, что образовалась «ступенька» высотой 0,7 м. Материк под ступеньки подравнивали. На этой выровненной поверхности сохранилась кладка из поставленных на ребро необработанных камней, скрепленных глиняным раствором. Кладка имеет в плане форму полукруга, несколько вытянутого с севера на юг. Первоначально, вероятно, этот круг замыкался, позже кладка была частично разрушена хозяйственной ямой. Пол в помещении, ограниченном камнями, был обмазан глиной. Толщина глиняной обмазки 0,2—0,3 см. Судя по толщине обмазки, которая ни разу не подновлялась, помещение функционировало недолго. В связи с тем что южная часть помещения была разрушена более поздней хозяйственной ямой, трудно установить ее размеры. Вероятно, они составляли 3,2×2,3 м. Очевидно, только что описанное помещение представляет собой одну из первых построек жителей поселения, так как не позднее II в. н. э. над ней начал накапливаться зольник. В нижней его части найдено два херсонесских и одно кидское клеймо на ручках амфор. Одно из клейм принадлежит херсонесскому астиному Героксену. Клейма этого магистрата несколько раз передатировались современными исследователями, причем налицо тенденция к их удревнению. Так, В. В. Борисова датировала клейма с именем Героксена серединой и концом III в. до н. э.⁵ И. В. Яценко отнесла деятельность этого астинома к 40-м или

20-м годам III в. до н. э.⁶ Б. Ю. Михлин включил клейма с этим именем во II группу своей классификации (рубеж IV—III — середина III в. до н. э.)⁷. Еще больше удревнил их В. И. Кац, датировав концом IV—первой четвертью III в. до н. э.⁸ В любом случае амфорная ручка с клеймом Героксена — самая ранняя находка, сделанная при раскопках Булганакского городища.

Культурные напластования на этом участке перекрыты развалом необработанного камня, в котором найдена светлоглиняная псевдокосская амфора, датирующаяся I в. н. э. (рис. 2, 8).

В другом раскопе, заложенном за пределами акрополя, к югу, выявлено пять строительных периодов. Самый ранний представлен хозяйственными ямами и ямками от столбовых конструкций, выкопанными в материке. В связанном с этим периодом слое наряду с прочим обнаружено несколько чернолаковых фрагментов и ножка книдской амфоры. Датируется этот слой временем не позже II в. до н. э.

Ко второму строительному периоду относится глинобитный пол или, вероятнее, двор какой-то погибшей в пожаре постройки (стены ее в раскопе не обнаружены). По его поверхности рассыпаны обгоревшие зерна пшеницы, здесь же лежало несколько лепных сосудов, каменный оселок, сохранилась вкопанная во дворе нижняя часть красноглиняной амфоры. С поверхности двора были впущены хозяйственная яма и ямки от столбовых конструкций. Дата пожара, вероятно, I в. до н. э.

Третий строительный период определяется по слою глиняной обмазки, залегающей на 0,1 м выше уровня двора. С этой дневной поверхности впущены две хозяйственные ямы.

К четвертому строительному периоду относится галечная вымостка и впущенные с ее поверхности хозяйственные ямы, которые имеют в плане округлую форму с почти вертикальными стенками, глубиной 1,0—1,5 м. Лишь одна из них, связанная с галечной вымосткой, — колоколовидная в разрезе, глубиной 2,6 м. Судя по сохранившимся ямкам от столбовых конструкций, над хозяйственными ямами устанавливались легкие перекрытия, вроде навесов. Третий и четвертый строительные периоды относятся к I в. до н. э. — I в. н. э.

Огромное количество камней, покрывающих всю поверхность городища, свидетельствует о том, что распашкой, глубина которой 0,6—1,0 м, было уничтожено множество каменных построек, относящихся к 5-му строительному периоду. Удалось обнаружить нижние части двух кладок. Уничтоженный распашкой слой следует датировать I, может быть, началом II в. н. э.

Мощность культурного слоя в этом раскопе составляет 1,6—2,0 м. В распаханном слое изредка попадаются обломки средневековых сосудов.

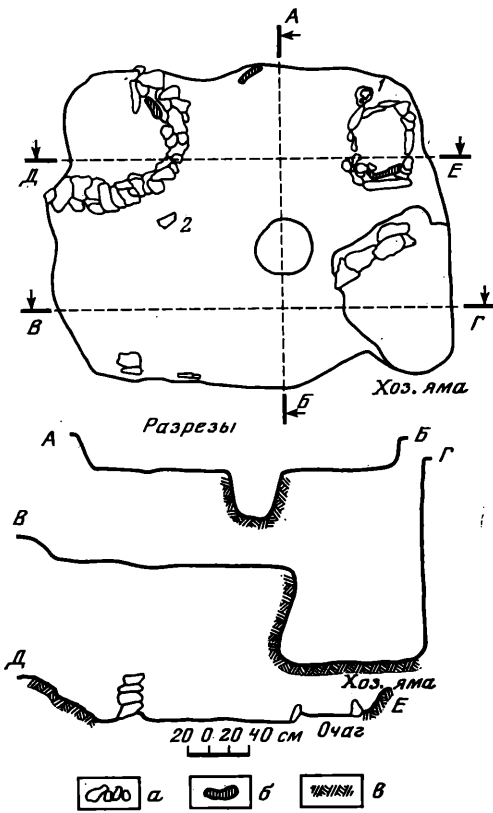
Для выяснения границ и характера культурного слоя селища, прилегающего с юга к Булганакскому городищу, была произведена шурфовка. В шурфе, заложенном на северной границе селища, выявлен насыщенный находками культурный слой мощностью 0,8 м, а также вырубленная в материке хозяйственная яма.

В 50 м к югу от этого шурфа раскопана частично углубленная в материк постройка полуземляночного типа. Сохранилась только ее нижняя, расположенная на 0,3 м ниже уровня материка, часть (рис. 3). В плане постройка неправильной подпрямоугольной формы с закругленными углами. Размеры ее 4,0×3,4 м. Юго-восточный угол разрушен более поздней хозяйственной ямой. Пол земляной, неровный. Северо-западный угол отгорожен полукруглой в плане загородкой из необработанных камней, скрепленных глиняным раствором. Загородка сохранилась в высоту на 0,45 м (5 рядов кладки), обоими концами примыкает к стенам. По всей вероятности, эта загородка имела хозяйственное назначение. В северо-восточном углу постройки находился очаг. Он в плане подпрямоугольный со скругленными углами, размером 0,9×0,7 м. Три его стенки сложены из необработанных камней, а с юга его ограничивает обра-

Рис. 3. Помещение, раскопанное на селище, примыкающем к Булганакскому городищу

а — камни; б — печина; в — материк; 1 — лепной сосуд; 2 — горло амфоры

ботанная плоская плита, вкопанная в пол. Пол очага выложен печиной. В центре помещения обнаружена круглая в плане яма, сужающаяся ко дну, вероятно, от вкопанной амфоры. Диаметр ямы сверху 0,6 м, по дну — 0,28 м, глубина ее — 0,52 м. На полу найдены стоявший около очага одноручный лепной чернолощенный кувшин (рис. 2, 9), горло светлоглиняной амфоры, костяная обкладка какого-то предмета, орнаментированная врезными линиями (рис. 2, 3). Это помещение функционировало в I в. до н. э.— I в. н. э.

Еще один шурф заложен в 100 м к югу от северной границы селища. Находок в нем не было. Это позволяет пред-

полагать, что протяженность селища с севера на юг составляла 70—80 м.

По топографическим условиям ближайший аналог Булганакскому представляет собой городище Кермен-Кыр⁹. Оба городища расположены на мысах, возвышающихся над долинами рек, и ограничены глубокими балками. В обоих случаях прослежены две линии обороны. Акрополь на Кермен-Кыре защищала каменная стена, поставленная на погребенную почву, так же как и ранняя оборонительная стена акрополя Булганакского городища. Внешний оборонительный вал на Кермен-Кыре был усилен каменной стеной с башенными выступами. Не исключено, что какие-то каменные конструкции скрывал вал, который видел на Булганакском городище П. Н. Шульц. Однако сейчас вал уничтожен и проверить эти догадки невозможно.

Такое же, как на Булганакском акрополе после перестройки, сочетание конструктивных элементов оборонительных сооружений (ров, вал и стена на нём) отмечено на Южно-Донузлавском городище в Северо-Западном Крыму и на Гавриловском городище в Приднестровье¹⁰. Жилые постройки на Булганакском городище представлены лишь двумя жилищами, одно из которых частично углублено в материк. Такой строительный прием был чужд скифам, жившим в Приднестровье, зато неоднократно отмечался на крымских памятниках (Неаполь, Южно-Донузлавское, Кара-Тобе, Керкинитиды)¹¹.

Холм, на котором расположено Булганакское городище, впервые был заселен, вероятно, в неолите или в эпоху бронзы, о чем свидетельствуют находки (в переотложенном состоянии) ножевидной пластины, кремневого наконечника стрелы, каменного топора с просверленным отверстием. Позднескифское поселение возникло не позже рубежа III—II вв. до н. э. одновременно с такими крупными поселениями, как Кермен-Кыр и Усть-Альминское в Крыму, Золотая Балка и Любимовское в Приднестровье. В это же время сокращается до пределов раннего акрополя Зна-

менское городище. Однако почти весь культурный слой на Булганакском городище накопился в течение I в. до н. э.—I в. н. э. Гибнет поселение на рубеже I—II вв. н. э. В это же время запустевает весь Северо-Западный Крым¹², перестают существовать три из четырех удовлетворительно датированных поселений на Нижнем Днепре — Гавриловское, Золотая Балка и Любимовское (Знаменское гибнет приблизительно на сто лет раньше)¹³. В VIII—X вв. н. э. Булганакское городище было заселено праболгарами — носителями салтово-маяцкой культуры.

¹ *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 530, 531; *Шульц П. Н.* Скифский город на реке Булганак//Археологические исследования на Украине 1965—1966 гг. Киев, 1967.

² П. Н. Шульц ошибочно определяет площадь городища в 2,6 га. См.: *Шульц П. Н.* Скифский город... С. 115.

³ Все клейма, найденные при раскопках Булганакского городища, определены Д. Б. Шеловым, за что приношу ему глубокую благодарность.

⁴ *Погребова Н. Н.* Позднескифские городища на Нижнем Днепре: (Городища Знаменское и Гавриловское)//МИА. 1958. № 64. С. 199, 200.

⁵ *Борисова В. В.* Керамические клейма Херсонеса и классификация херсонесских амфор//НЭ. 1974. Т. XI. С. 108, 116, 117.

⁶ *Яценко И. В.* Херсонесская амфора с клеймом астинома Героксена//Новое в археологии. М., 1972. С. 78.

⁷ *Михлин Б. Ю.* К изучению херсонесских керамических клейм//ВДИ. 1979. № 2. С. 148.

⁸ *Кац В. И.* Типология и хронологическая классификация херсонесских магистратских клейм//ВДИ. 1985. С. 100, 108.

⁹ *Дашевская О. Д.* Скифское городище Красное (Кермен-Кыр)//КСИИМК. 1957. Вып. 70.

¹⁰ *Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1961—1962 годах//Краткие сообщения о полевых археологических исследованиях ОГАМ 1962 года. Одесса, 1964. С. 54, 55; *Вет-*

штейн Р. И. Розкопки внутрішньої лінії оборонних споруд Гаврилівського городища//Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1960. Т. IX. С. 204—206. Авторы раскопок Любимовского городища предполагают, что и здесь на оборонительном валу находилась каменная стена (*Дмитров Л. Д., Зуц В. Л., Копилов Ф. Б.* Любимівське городище рубежу нашої ери//Археологічні пам'ятки УРСР. Київ, 1961. Т. X. С. 80, 81. Рис. 2). Остатки забутовки стены они склонны видеть в скоплении камней, обнаруженном на вершине вала. Однако в борту траншеи, пересекшей оборонительные сооружения, нет камней, в том числе и в заполнении рва, где они должны были бы обязательно оказаться при разрушении стены. В разрезе, сделанном на валу в другом месте, никаких следов стены не выявлено.

¹¹ *Высотская Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 81—83, 85; *Дашевская О. Д.* Раскопки Южно-Донузлавского городища... С. 52, 54; *Шульц П. Н.* Евпаторийский район//Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.; Л., 1941. С. 273; *Драчук В. С., Кутайсов В. А.* Исследование Керкинитиды//ВДИ. 1985. № 1.

¹² *Щеглов А. Н.* Северо-западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 43.

¹³ *Шукин М. Б.* К истории Нижнего Приднепровья в первые века н. э.//АСГЭ. 1970. Вып. 12. С. 56, 57, 59, 63, 67.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

ГРАФФИТИ И ДИПИНТИ С МЫСА ЗЮК

Как известно, граффити Ольвии, Березани и Херсонеса посвящены многочисленные статьи и публикации, чего, к сожалению, нельзя сказать о Боспоре. В этой связи представляется небезынтересной предлагаемая публикация граффити и отдельных дипинти из раскопок 1978—1984 гг. античного поселения, существовавшего с конца VI в. до н. э. до VI в. н. э. на мысе Зюк и отождествляемого с Зеноновым Херсонесом. Они изредка встречаются на чернолаковой, краснолаковой и простой сероглиняной гончарной посуде, а также на амфорах в слоях, относящихся к разным хронологическим периодам. В целом, за исключением единичных экземпляров¹, информативность их невелика, но все же они в какой-то мере пополняют наши знания о населении, хозяйстве и культуре обитателей Крымского Приазовья в античную эпоху. Все надписи приводятся в алфавитном порядке, независимо от их характера, дати-

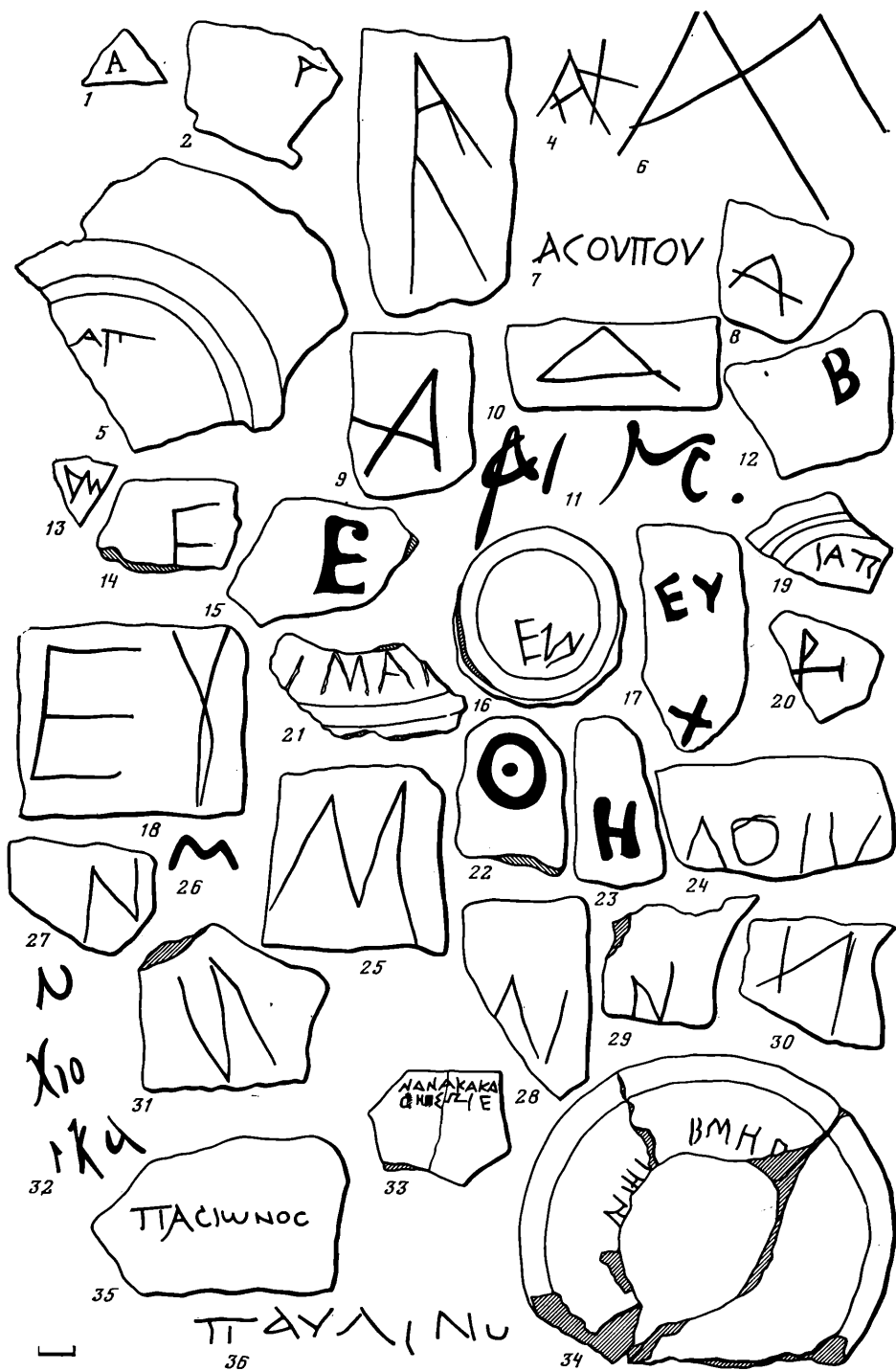

Рис. 1. Граффити и дипинти с мыса Зюк (1—36)

ровки, места и времени находки. Номер в тексте соответствует номеру на таблице (рис. 1, 2). Шифр ВКАЭ — Восточно-Крымская археологическая экспедиция ИА АН СССР.

1. ВКАЭ-79, оп. 58. Фрагмент дна чернолаковой чашки (?) с узкой полосой лака на внешней поверхности. Глина оранжевая, лак черный, блестящий. Слой последней четверти V — начала IV в. до н. э., раскоп

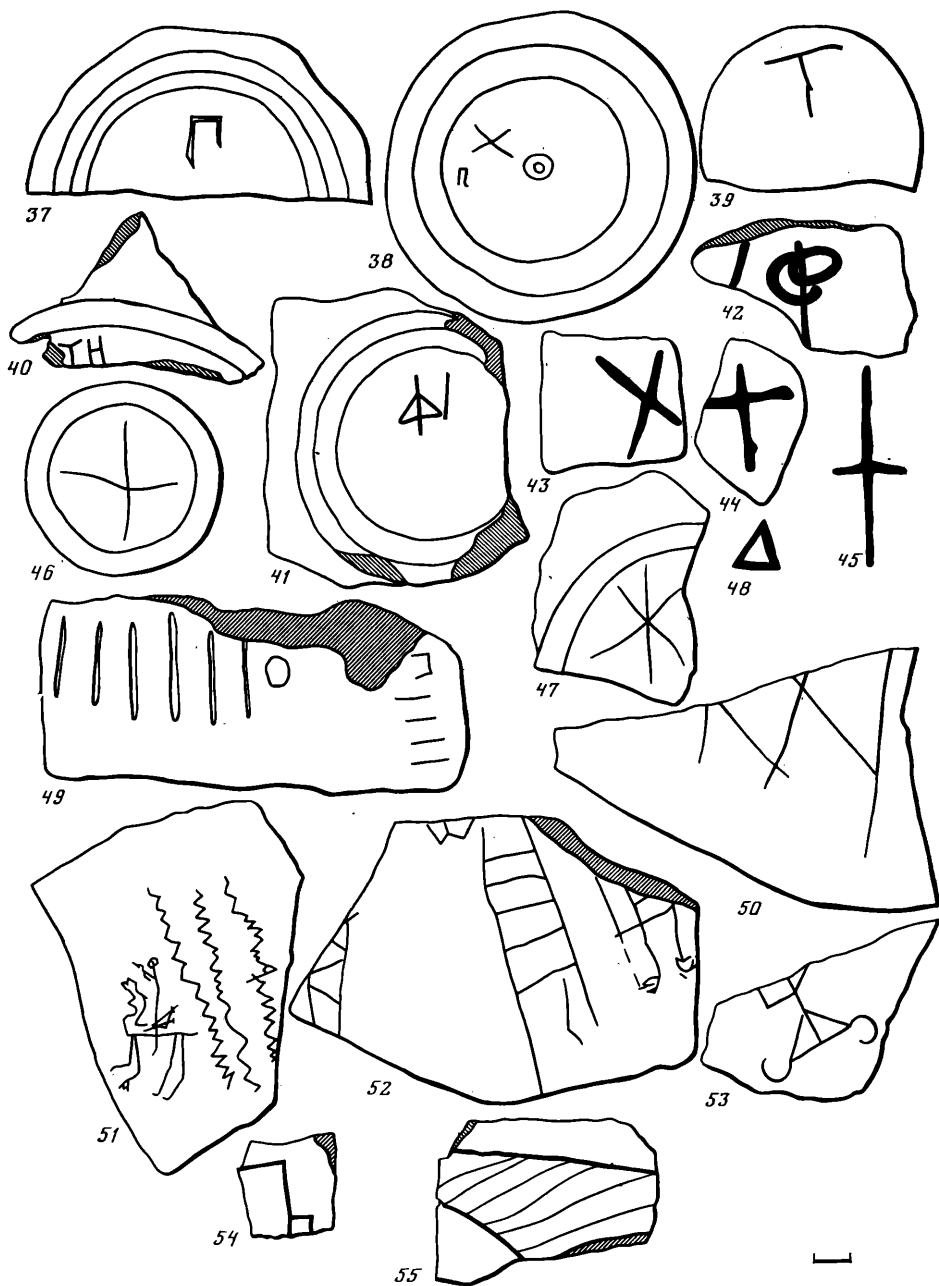

Рис. 2. Граффити и дипинти с мыса Зюк (37—55)

«Берег». На дне аккуратно прочерчено: А. Высота буквы 0,6 см. Возможно, начало посвящения (Артемиде, Аполлону?) или имени владельца².

2 ВКАЭ-81, оп. 9. Фрагмент дна чернолакового килика. Глина коричневая, лак хорошего качества. Слой первой половины IV в. до н. э., раскоп «Берег». На дне: А. Высота буквы 0,75 см.

3 ВКАЭ-81, оп. 69. Стенка амфоры (тип Солоха II). Слой IV в. до н. э., раскоп «Берег». Процарапана лигатура: АЛ. На АЛ начинается много имен предполагаемых владельцев или адресатов товара в амфоре.

4 ВКАЭ-81, оп. 49. Стенка синопской амфоры первых веков н. э. Слой IV—VI вв. н. э., раскоп «Скала». Лигатура АК или АХ. Альфа с ломаной гостой, высота букв 2 см. Сомнительно, чтобы это была аббревиатура посвящения Ахиллу, скорее, начало имени владельца.

5 ВКАЭ-80, оп. 131, раскоп «Берег». Дно чернолакового килика на невысоком кольцевом поддоне, центр дна не покрыт лаком. Глина оранжевая, лак густой, хорошего качества. На дне прочерчено: АП. Отметим короткую правую черту П и срыв горизонтальной линии. Высота букв 0,6—1 см, слой первой половины IV в. до н. э. Посвящение Аполлону или начало теофорного имени. Аналогичное граффити на расписной вазе середины V в. до н. э. приводится в капитальном своде А. Джонстона³. Вряд ли, конечно, они относятся к одному имени.

6 ВКАЭ-81, оп. 300, раскоп «Берег», слой V в. до н. э. Стенка фасосской амфоры с граффити. Лигатура АП (или АГ, АМ). Начало имени. На АП и АГ, АМ имен много.

7 ВКАЭ-82, оп. 100, раскоп «Город». Красноглиняный пифос высотой 0,75 м, диаметр дна 0,15 м, горла 0,26 м. Дворик помещения IV—VI вв. н. э. На корпусе пифоса хорошим шрифтом граффити: АСОУΠΟΥ. Высота букв 0,8—0,9 см. Имя владельца (Асуп?) не встречено ни в одном из словарей греческих или «варварских» имен. Однако учитывая позднюю дату надписи, возможны следующие пояснения. Во-первых, в боспорских текстах этого времени отмечен пропуск подписной йоты в дифтонге αι⁴. В таком случае более правильное написание будет Αἴσουλου. Это чрезвычайно близко имени Αἴσωλος (Эзоп), которое Л. Згуста считает фригийским по происхождению⁵. Во-вторых, замена ω дифтонгом ου на Боспоре не зафиксирована. Вместе с тем окончание родительного падежа дано верно. Таким образом, перед нами образец, скорее всего, позднего народного говора, произношения, что интересно само по себе. Впрочем, Асоп — название реки в Беотии. Дочерям Асопа посвящены стихи уроженки этой области поэтессы Коринны (VI—V вв. до н. э.).

8—10 ВКАЭ-81, оп. 203, раскоп «Город». Стенка светлоглиняной амфоры первых веков н. э. Процарапано: А. Высота буквы 1,3 см. ВКАЭ-81, оп. 23, раскоп «Берег», слой IV—III в. до н. э. Стенка амфоры типа Солоха II, красной краской — А. Высота буквы 2,8 см. ВКАЭ-81, раскоп «Скала», слой IV—VI вв. н. э. граффити А очень небрежно. О возможной интерпретации единичных букв А и Β на амфорах высказано несколько мнений⁶.

11 ВКАЭ-82, оп. 96, раскоп «Город». Дипинто на светлоглиняной узкогорлой амфоре II—III вв. н. э. Первые две буквы А и Ν в лигатуре, скорее всего, числовые обозначения.

12 ВКАЭ-79, оп. 239, раскоп «Берег». Слой IV—III вв. до н. э. Стенка синопской амфоры с дипинто: Β.

13 ВКАЭ-81, оп. 318, раскоп «Берег». Слой первой половины IV в. до н. э. Фрагмент дна тонкостенного чернолакового сосуда с граффити: Δ и Σ (?) в лигатуре, возможно, Δ и Μ. Высота букв 0,6—0,7 см. Во втором случае не исключено посвящение Деметре, хотя в такой аббревиации в Северном Причерноморье не зафиксировано.

14 ВКАЭ-80, оп. 90, раскоп «Город». Слой III—II вв. до н. э. Стенка родосской амфоры с граффити: Ε.

15 ВКАЭ-80, оп. 102. Стенка светлоглиняной амфоры с дипинто красной краской: Ε. Как и в других случаях, одно Ε на амфорах могло обозначать τὸ ἔλαιον (масло).

16 ВКАЭ-81, оп. 258, раскоп «Город», слой II—III вв. н. э. Дно красноглиняного кувшина на поддоне. Граффити более всего походит на Εω, но может быть ΕΜ или ΕΙΜ. Высота букв 1—1,1 см. Вероятно, начало имени, но не исключено и цифровое обозначение (ΕΕ)⁷. Процарапано довольно небрежно.

17 ВКАЭ-81, оп. 281, раскоп «Берег», слой IV—III вв. до н. э. Стенка хиосской амфоры с дипинто красной краской: вверху ΕΥ, внизу Χ. Размер букв 1,2 см. Верхнее может быть началом имени (Εὐμηλος) или, как и на одном из граффити с хоры Херсонеса, выражало пожелание добра⁸. Впрочем, это маловероятно; о значении буквы Χ будет сказано ниже.

18 ВКАЭ-80, оп. 98, раскоп «Город», слой I—II вв. н. э. Стенка амфоры коричневой глины. Граффити: ΕΓ, высота букв 4—5,5 см. Начало имени или любое подходящее слово, начинающееся с εγ, например: εγγυμῶς — вкусный, сочный (вино? виноград?).

19 ВКАЭ-81, оп. 65, раскоп «Берег», слой конца V начала IV в. до н. э. Фрагмент чернолаковой чаши на поддоне. Граффити ΙΑΠ процарапано тонко, довольно аккуратно. Высота букв 0,5—0,6 см. Видимо, начало имени, но возможно, и производное от глагола ἵπτω (кидать, бросать), что связано с известной игрой на пирушках-котаб.

20 ВКАЭ-84, раскоп «Город», слой не ранее IV—VI вв. н. э. Край краснолакового открытого сосуда. Граффити-монограмма, напоминающая хрисму: ΙΧΡ. Аналогии хорошо известны и многочисленны⁹.

21 ВКАЭ-84, оп. 293, раскоп «Пригород южный», слой IV в. до н. э. Фрагмент дна чернолакового скифоса. Лак тусклый, местами сбит, глина оранжевая. Небрежно процарапано, видимо, тупым предметом: ΙΜΑΙ. Скорее всего, это окончание слова τιμαί (подношения, дары) (от ἡ τιμή — штраф, цена, почесть, дар). Высота букв 1—1,2 см.

22 ВКАЭ-81, оп. 198, раскоп «Берег», слой рубежа V—IV вв. до н. э. Стенка хиосской амфоры с дипинто красной краской: Θ. Высота буквы 2,5 см. Клейма в виде круга или ⊙ вообще очень характерны для пухлогорлых хиосских амфор.

23 ВКАЭ-81, оп. 263, раскоп «Берег», слой начала IV в. до н. э. Стенка гераклейской амфоры с дипинто: Η. Высота буквы 1,8 см. Цифра — 8, а также указание на центр, откуда привезено вино? (Гераклея). Последнее, правда, сомнительно.

24 ВКАЭ-81, оп. 189, раскоп «Берег», слой первой половины IV в. до н. э. Стенка амфоры светло-коричневой глины с блестками (Фасос?). Небрежно процарапано граффити: ΛΟΙΥ. Высота букв 1,5—1,8 см. Оставляем без объяснения.

25 ВКАЭ-81, оп. 250, раскоп «Город», слой I в. до н. э. — I в. н. э. Стенка амфоры красной глины. Граффити: Μ. Высота буквы 5 см.

26 ВКАЭ-82, раскоп «Берег», слой рубежа V—IV вв. до н. э. Дипинто красной краской: Μ на горле амфоры Менды V в. до н. э. Высота буквы 1,1 см. (Менда?)

27 ВКАЭ-82, оп. 290, раскоп «Берег», слой первой половины IV в. до н. э. Граффити: Ν (50) на стенке гераклейской амфоры. Высота буквы 1,9 см.

28 ВКАЭ-80, оп. 95, раскоп «Берег», слой IV—III вв. до н. э. Аналогичное § 27 граффити на стенке амфоры типа Солоха II, начерчено более небрежно, чем предыдущее. Высота буквы 2,1 см.

29 ВКАЭ-84, раскоп «Город», слой IV—VI вв. н. э. Фрагмент ножки светлоглиняной узкогорлой амфоры с граффити: Ν. Высота буквы 1,8 см.

30 ВКАЭ-80, оп. 139, раскоп «Берег», слой IV—III вв. до н. э. Стенка синопской амфоры с граффити: Ι. Высота буквы 2,8 см.

31 ВКАЭ-81, оп. 30, раскоп «Скала», слой IV—VI вв. н. э. Стенка розовоглиняной амфоры IV в. н. э. с небрежным граффити: Ν. Высота буквы 3,6 см.

Относительно отдельных знаков на амфорах возможно самое широкое толкование: начальные буквы имен владельцев, торговые метки, цифровые обозначения (Η — 8, ⊙ — 9, Μ — 40, Ν — 50), названия содержимого и его качества (ο νάυθαζ — нефть, νέος — новое, свежее (вино, масло) и т. п.). Вряд ли только эти сокращения — посвящения.

32 ВКАЭ-8, раскоп «Город», слой IV—VI вв. н. э. Фрагмент горла светлоглиняной узкогорлой амфоры (V—VI вв. н. э.) с дипинто красной краской в три строки: Ν, ΧΙΟ, ΛΚΑ (?) ΧΙΟ, по-видимому, «хиосское», Ν — 50. (См. The Athenian Agora. Vol. XXI, J₂, PL. 53, с. 87). Высота букв 0,7—1,7 см.

33 ВКАЭ-81; оп. 148, раскоп «Берег», слой первой половины IV в. до н. э. Фрагмент стенки чернолакового сосуда. Глина коричневая, лак густой, блестящий. Черепок разбит на две части и со стороны надписи заметно потерт. Надпись в две строки. Первая — четко и аккуратно процарапана тонким острым инструментом: NANAKAKA (νάνα κακά). Высота букв 0,3—0,35 см. Вторая строка исполнена более небрежно, твердой рукой, но, скорее всего, этим же лицом. Буквы — первая частично и третья полностью — соскоблены. Возможно восстановление: [⊙]Н[Н]ΣΩΙ | Ε (θησωι ε). Высота букв 0,3—0,5 см. Причем в отношении первой — ⊙, это скорее следствие неудачной подправки, а третья буква, судя по просматривающимся уцелевшим линиям, по-видимому, Н. Неведомый автор надписи ошибся, процарапав дважды «эту», и затем соскобил ее. Последняя буква Ε как будто бы вообще стоит отдельно. Начало первой строки — NANA может рассматриваться как женское имя Νάνα. Оно встречается в боспорской эпиграфике VI—I вв. до н. э.¹⁰ Л. Згуста относит его к числу малоазийских¹¹.

Κακα как имя на Боспоре неизвестно. В монографии Л. Згусты приводятся малоазийские женские имена: Κακεις, Κακκας¹². Но скорее всего, вторая часть слова — производное от прилагательного κακός — злобный, порочный, мерзкий. Разумеется, какая-то Нана могла быть «какой», но есть и иной вариант. В словаре Liddell-Scott находим почти точное соответствие: νανοκάκα¹³ в значении, со ссылкой на Гесихия, διὰ ρινῶν λαλοῦσα, что можно передать как «болтливая шкура» или «гадкое, мерзкое отродье». Правда, четкая вторая альфа в нашем граффити делает предпочтительным первый вариант.

Вторая строка убедительно не восстанавливается¹⁴. В целом это граффити, скорее всего, какое-то проклятие или ругательство. Возможно, и разбит черепок был не случайно.

34 ВКАЭ-83, оп. 92, раскоп «Берег», слой конца V — начала IV в. до н. э. Фрагментированное дно сероглиняного рыбного блюда на поддоне. На внешней стороне дна — два неполностью сохранившихся граффити: ΝΙΝΙ[, ближе к центру дна. Высота букв 0,7 см. Второе — ΒΜΗ[Ρ?, высота букв 0,7—0,75 см. Не исключено, однако, что первая буква — это комбинация редко встречаемого, довольно раннего варианта написания альфы Λ и йоты, а первая буква второго слова — Ι, соответственно — Ε¹⁵. Датировка граффити не противоречит этому предположению. Обе надписи близки по шрифту и манере исполнения. Оставляем текст без объяснения.

35 ВКАЭ-81, оп. 247, раскоп «Город», слой II—III вв. н. э. Фрагмент дна сероглиняной чашки на поддоне. С внешней стороны аккуратно вырезано почти курсивным шрифтом ΠΑΣΙΩΝΟΣ (πασίωνος), видимо, имя владельца. Высота букв 0,3—0,55 см. Имя Πασίων встречается в боспорских надписях I—III вв. н. э.¹⁶

36 ВКАЭ-84, оп. 226, раскоп «Город», яма V в. н. э. Верхняя часть круглодонной амфоры — с коротким узким горлом, профилированными ручками и широким пифонидным туловом с реберчатой поверхностью. Глина красная, вблизи ручки по вертикали граффити: ΠΑΥΛΙΝΟ. Высота букв 0,65—0,75 см. Первые буквы вырезаны несколько тщательнее, последние недописаны. Имя владельца. Это латинское имя Paulinos в греческом написании и употреблении. Родительный падеж на -ο или особенность позднебоспорской грамматики¹⁷, или ошибка исполнителя, недописавшего υ. В боспорских надписях лишь однажды, в тексте III в. н. э. отмечено имя Павлин (Παυλείνος)¹⁸, более характерное для раннесредневекового времени.

37 ВКАЭ-82, раскоп «Берег», слой конца V — начала IV в. до н. э. Фрагмент дна чернолакового килика на низком поддоне. Глина оранжевая, лак густой, блестящий. На внешней поверхности аккуратно и глубоко вырезана буква Π. Высота ее 1,4 см. Начало имени владельца или божества либо цифровая метка (5) — цена сосуда, размер дара богу и т. п.¹⁹

38 ВКАЭ-82, оп. 23, раскоп «Берег», слой V — начала IV в. до н. э. Дно чернолакового килика на низком поддоне. Глина красная, лак блестящий. Все дно, кроме центра, не покрыто лаком. У края дна маленькая буква Π, чуть ближе к центру — X. Высота первой — 0,55 см, второй — 1,1 см. Π — 5, а X — знак собственности либо начало имени владельца. И. И. Толстой дает иное толкование: πέντε κύβες — пять кружек²⁰. Оно предпочтительнее.

39 ВКАЭ-83, раскоп «Город», слой IV в. до н. э. Фрагмент дна чернолакового килика на низком поддоне. Глина оранжевая, лак блестящий. Граффити: T. Высота буквы 1,7 см. Начало имени. Впрочем, можно предположить, хотя и без достаточных оснований, и восстановление: τίμιος — ценный, дорогой, почетный.

40 ВКАЭ-8, оп. 295, раскоп «Пригород Южный», яма конца V — начала IV в. до н. э. Фрагмент дна чернолаковой чашки (тип. «bolsal». см.: The Athenian Agora. V.XII, № 541). Глина оранжевая, лак блестящий, хорошего качества. На внутренней поверхности по окружности — два ряда штампованных пальметок. Аккуратно острым предметом процарапано TH. Высота букв 0,7—0,8 см. Возможно восстановление: Σωτή[ρος, впрочем довольно гипотетично.

41 ВКАЭ-83, оп. 49, раскоп «Город», слой первой половины IV в. до н. э. Фрагмент дна чернолакового килика на кольцевом поддоне. Глина оранжевая, лак блестящий. На внешней стороне крупно и четко вырезано ΦΙ. Высота букв 1,4—1,6 см. Написано несколько необычно, но твердо. Начало имени. Э. Штер читал подобное граффити как φι[άλη — блюдо, фиала²¹. И. И. Толстой близкое граффити ΦΙΑ переводил как φίλοι (другу)²². Э. И. Соломоник предполагает трактовать эту аббревиацию: φίλος (любимый, милый), или производные от φιλέω (любить)²³. Большое число аналогичных надписей содержится в корпусе А. Джонстона²⁴.

42 ВКАЭ-80, оп. 106, раскоп «Город», слой II—III вв. н. э. Стенка светлоглиняной узкогорлой амфоры с дипинто красной краской: Φ. Высота буквы 3,1 см. Перед ней заметны следы еще одной буквы.

Самую многочисленную группу составляют граффити и дипинти, напоминающие букву X. Часть их таковой и являлась, а часть, видимо, означала метку владельца, или цифровой знак. С X начинается слово ο κύβες (кружка, мера объема жидкости — хой κύβος). В Афинах второй день Анфистерий отмечался как «праздник кружек» (οι κύβες). Веселые пирушки оканчивались битьем посуды, из которой пили. Во всяком случае, обломки киликов, скифосов, канфаров со значками X, быть может, связаны с этим обычаем. Иное дело амфоры. Знак X на них наряду с цифровыми обозначениями свидетельствовал об объеме амфоры в хусах, кружках. Мерные ойнохои с клеймами находят иногда при раскопках. Знак X мог быть обязан словам: η χάρα — радость, η χάρις — приятность, удовольствие и τὸ χάραγμα — черта, знак, метка. Не исключено, что X, а возможно, и знак, напоминающий крест на хиосских амфорах, указывал на центр их производства. Наконец, отметим, что X и + вообще для неграмотного человека самые ходовые знаки. Приведем некоторые примеры.

43 ВКАЭ-79, оп. 238, раскоп «Берег», слой V—IV вв. до н. э. Стенка хиосской амфоры с дипинто бурой краской: X. Высота 3 см.

44 ВКАЭ-79, оп. 21, раскоп «Берег», слой V—IV вв. до н. э. Фрагмент горла хиосской амфоры с дипинто красной краской (знак креста). Высота 3,1 см.

45 ВКАЭ-82, раскоп «Берег», слой конца V — начала IV в. до н. э. Фрагмент горла хиосской пухлогорлой амфоры второй четверти V в. до н. э. с аналогичным знаком. Высота его 5,7 см.

46 ВКАЭ-79, раскоп «Берег», слой I в. до н. э. — I в. н. э. Дно красноглиняного кувшина на невысоком поддоне. Через все дно знак — X. Высота 3,5 см.

47 ВКАЭ-79, раскоп «Берег», слой I—III вв. н. э. Фрагмент дна сероглиняной тарелки на поддоне. С внешней стороны вырезан знак: *, может быть: Ψ — 50? Но не менее вероятно, что это знак, обозначающий динарий (*), встречающийся не только на монетах, но и в качестве граффити²⁵. Высота знака 3,3 см.

О возможном цифровом значении ряда граффити уже говорилось. Есть среди них и безусловно являвшиеся только цифрами.

48 ВКАЭ-80, оп. 39, раскоп «Берег», слой IV—III вв. до н. э. Стенка гераклейской амфоры с дипинто: Δ — 10. Высота знака 1,3 см.

49 ВКАЭ-80, оп. 49, раскоп «Город», слой I в. до н. э.— I в. н. э. Стенка фасосской амфоры с граффити в две расположенные перпендикулярно строки. Первая: IIIIO (если O — 15, то это = 9 или 21) вырезана глубоко. Высота их 2,4—2,6 см, а O — 0,9 см. Вторая строка: IIII — Э. Высота знаков I—0,9 см, II — 0,5 см.

Среди рассматриваемой серии граффити есть несколько рисунков, тамгообразных знаков или изображений неясного содержания.

50 ВКАЭ-79, раскоп «Берег», слой IV—VI вв. н. э. Стенка рифленой амфоры с граффити: острые прямые линии, образующие два треугольника.

51 ВКАЭ-80, оп. 106, раскоп «Город», слой первых веков н. э. Стенка красноглиняной амфоры с любопытным граффити, скорее всего детским рисунком. В левой части — схематическое изображение всадника (влево), видимо что-то держащего в вытянутой руке (чашу?). У пояса — колчан с луком и стрелами. Лошадь спокойно переступает, голова ее поднята. Может быть, маленький художник запечатлел себя воображаемым воином, величественно шествующим победителем (как на монетах боспорских царей конца I — начала III в. н. э.). Повествование о своих подвигах он «записал» в правой части остракона, причем таким же образом, как это сделал бы и теперь любой ребенок, якобы умеющий писать. Весь «сюжет» чем-то напоминает известный всем нам со школьной скамьи рисунок мальчика Онфима из древнего Новгорода и, конечно, каракули наших детей²⁶.

52 ВКАЭ-83, оп. 240, раскоп «Берег», слой конца V — начала IV в. до н. э. Стенка фасосской амфоры с частью рисунка. Справа, по-видимому, нижняя часть двух фигур в длинных (ниже колен) задрапированных одеждах. Рисунок слева непонятен.

53 ВКАЭ-81, оп. 246, раскоп «Город», слой II—III вв. н. э. Фрагмент дна обгорелой краснолаковой тарелки. Сохранилась часть изображения тамгообразного знака. Он близок, но не идентичен одному из знаков, приведенных в каталоге В. С. Драчука²⁷. Впрочем, это могла быть и сложная монограмма²⁸.

54 ВКАЭ-84, раскоп «Город», слой II—III вв. н. э. Стенка краснолакового сосуда с остатками граффити, возможно, тамгообразного знака.

55 ВКАЭ-80, оп. 107, раскоп «Берег», слой IV—III вв. до н. э. Стенка гераклейской амфоры с изображением непонятого значения, возможно, часть чертежа.

В заключение отметим, что, пожалуй, самой примечательной особенностью всей этой серии граффити является отсутствие несомненных имен божеств, за исключением некоторых весьма предположительных восстановлений. Следует ли из этого какой-либо вывод? Пока, разумеется, сказать трудно. В целом обитатели городка писали немало, и даже в позднее время среди них были грамотные люди и хорошие писцы.

¹ Одному из граффити (ВКАЭ-82, оп. 31—35), наиболее сложному и интересному, посвящена специальная статья Т. В. Блаватской и В. Н. Розова.

² Относительно других возможных объяснений отдельных букв и монограмм, правда, на расписных сосудах см.:

Johnston A. W. Trademarks on Greek vases. Warmington, 1979. С. 18, 43.

³ *Johnston A. W. Trademarks in Greek vases. ЗВ. С. 91, 195.*

⁴ *Доватур А. И. Краткий очерк грамматики боспорских надписей//КБН. М.; Л., 1965. С. 803. § 6.*

- ⁵ *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. Praga, 1964. С. 49, 50. § 25.
- ⁶ Буквы А (и В) на амфорах могут означать цифру, емкость, показатель количества и качества товара в амфоре. См. подробнее: *Lang M.* Graffiti and dipinti/The Athenian Agora. Princeton, 1976. Vol. XXI. Hd. I, 20. С. 74, 75; *Соломонок Э. И.* Граффити с хоры Херсонеса. Киев, 1984. С. 18.
- ⁷ См. соответственно: *The Athenian Agora*. Vol. XXI. На. 30. Pl. 34. С. 62.
- ⁸ *Соломонок Э. И.* Граффити с хоры... С. 28. № 6.
- ⁹ Например: *The Athenian Agora*. Vol. XXI. На. 46. Pl. 35. С. 63, дипинти начала VI в. н. э.
- ¹⁰ КБН. 1965. № 209, 225, 285.
- ¹¹ *Zgusta L.* Kleinasiatische Personennamen. § 1031—1.
- ¹² *Ibid.* § 508—1, 2.
- ¹³ *Liddell H. G., Scott R.* Greek-English lexicon. Oxford, 1958. S. v.
- ¹⁴ $\theta\eta\sigma\omega\iota$ — быть может, ошибка и надо читать $\theta\eta\tau\omicron\iota$ или $\theta\eta\sigma\acute{\iota}\nu$ (dat. sing. или pl. от $\delta\theta\eta\varsigma$ слуга, поденщик, наемник, бедняк (фет). Последняя Е, возможно, цифра 5. Тогда предположительный смысл фразы: Нана, мерзкая, поденщикам [тебя] пять [раз] (?). Имя, близкое «нашей» Нане, было в ходу у гетер. Вспомним хотя бы флейтистку Нанно, которой посвятил свои песни Мимнерм из Колофона (VII в. до н. э.). Впрочем, возможно, здесь употреблен глагол $\theta\eta\sigma\alpha\iota$ (Aor. I inf. act.) — сосать, впитывать, всасывать. В любом случае плохая сохранность граффити уводит нас в область догадок.
- ¹⁵ *Lang M.* Graffiti and dipinti: The Athenian Agora. Vol. XXI. С. 4 (см., например, F. 94. Pl. 14).
- ¹⁶ КБН. С. 892. По шрифту близко граффити III в. н. э. с Афинской агоры. (см.: *The Athenian Agora*. Vol. XXI. F. 307. Pl. 26. С. 49).
- ¹⁷ *Девагур А. И.* Краткий очерк грамматики боспорских надписей//КБН. М., 1965. С. 801. № 4, 2—4.
- ¹⁸ КБН. № 99. Шрифт схож с граффити V—VI вв. н. э. (*The Athenian Agora*. Vol. XXI. F. 320. Pl. 27. С. 50).
- ¹⁹ Сравни: *Johnston A. W.* Trademarks on Greek vases. 16 В. С. 102, 197.
- ²⁰ *Толстой И. И.* Греческие граффити древних городов Северного Причерноморья. М., 1953. С. 16.
- ²¹ *Штерн Э.* Graffiti на античных южнорусских сосудах//ЗООИД. 1897. Т. XX. С. 196, 136.
- ²² *Толстой И. И.* Греческие граффити... С. 96, 98.
- ²³ *Соломонок Э. И.* Граффити античного Херсонеса. Киев, 1978. С. 119.
- ²⁴ *Johnston A. W.* Trademarks... 18В. С. 104, 198.
- ²⁵ *Lang M.* Graffiti and dipinti. F. 303. Pl. 26. С. 49.
- ²⁶ Для сравнения приведем черепок VII в. до н. э. из серии так называемого «абеседария» с афинской агоры, на одной стороне которого некто упражнялся в написании алфавита, на другой нарисовал всадника на лошади (осле?) (*The Athenian Agora*. Vol. XXI. A I (M, I). Pl. 1. С. 7). Оба «автора» были, возможно, примерно одного возраста, хотя их и разделяло почти тысячелетие.
- ²⁷ *Драчук В. С.* Система знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. Табл. IX. № 680.
- ²⁸ Сравни, например: *The Athenian Agora*. Vol. XXI. F. 241. P. 21. С. 45. I в. н. э. дипинто-монограмма имени "Αδραστ[τος]

Б. Г. ПЕТЕРС, А. П. АБРАМОВ

КРАСНОГЛИНЯНЫЕ АМФОРЫ И КУВШИНЫ ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА У С. МИХАЙЛОВКА

Во время раскопок в 1963—1984 гг. Михайловской экспедицией ИА АН СССР античного городища у с. Михайловка¹ (Ленинский р-н Крымской обл.) в культурных слоях I—III вв. н. э. часто встречались фрагменты и целые экземпляры красноглиняных плоскодонных амфор и кувшинов, а также красноглиняные амфоры на кольцевом поддоне. Несмотря на широкое распространение подобных сосудов на территории Боспорского царства, они не привлекали к себе внимание исследователей. Настоящая статья ставит своей целью публикацию этих сосудов из наших раскопок, по возможности, с их полными характеристиками, включая их объемы². Сосуды датируются по совместным находкам в слое и монетам³.

1. Плоскодонная амфора, которую удалось реставрировать полностью. Сосуд плоскодонный (рис. 1, 1), дно отделено от тулова небольшим перехватом, тулово шаровидное. Горло прямое, заканчивается венчиком прямоугольной в разрезе формы. Ручки в сечении овальные, не-

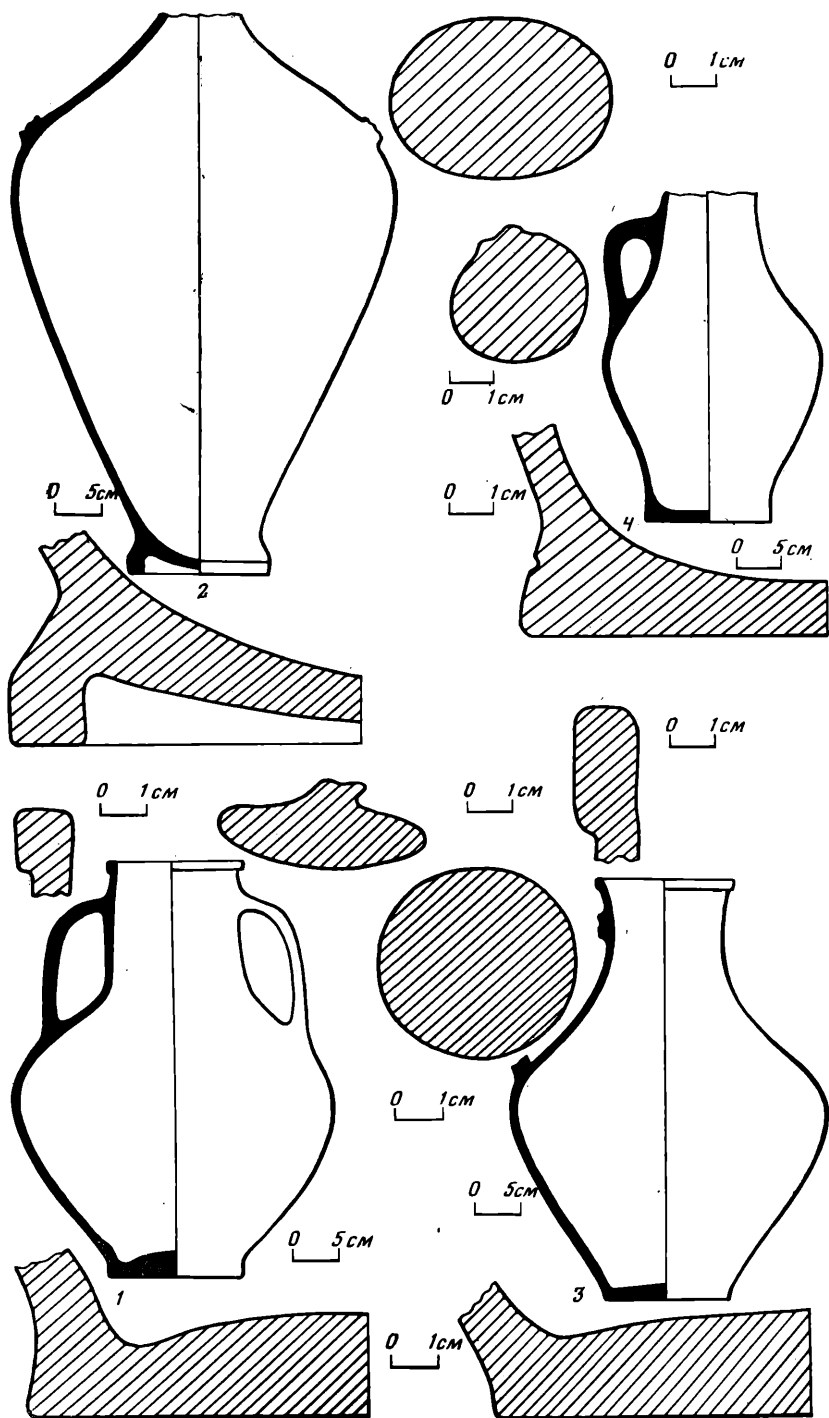

Рис. 1. Красноглиняные сосуды из городища у с. Михайловка

1 — плоскодонная амфора; 2 — амфора на кольцевом поддоне; 3, 4 — плоскодонные кувшины

сколькo уплощенные, профилированные по центру внешней части валиком с неглубокой выемкой. Глина красно-бурая⁴, с примесью известняка и слюды, что предполагает боспорское происхождение сосуда⁵. Эта амфора близка опубликованному ранее сосуду из раскопок 1965 г., имеющему следы починки⁶, а также плоскодонным амфорам из раскопок

Приложение
Амфоры и кувшины из Михайловки

№ сосуда	Хронология	Описание сосуда	Цвет глины по шкале Бондарцева и размеры частиц примесей по таблице Василевского	Место находки	Аналогия
1	В слое 2 монеты 39—45 гг. н. э. и 2 монеты 45—62 гг. в. э. ¹⁷	Плоскодонная амфора, высота 46,7 см, диаметр венчика: наружный — 14,8 см, внутренний — 13,0 см, высота тулова — 34,2 см, диаметр тулова — 33,4 см, диаметр сечения ручки — 4,5×2,1 см, диаметр дна — 14,8 см, объем — 17 500 см ³	Красно-бурый (в 1). С примесью слюды — 0,1 мм, многочисленными включениями известняка — 0,5—1,0 мм и дутиками — 0,5 мм. В центре запал пепельно-серого (к 2) цвета	Мих — 65, р. III, кв. 12, пом. XII, шт. 12, вым. 8	Близка: <i>Robinson H. S. Pottery of the Roman period. Chronology//The Athenian Agora. V. Princeton, New Jersey. 1959. Group M. Pl. 22. N° 90</i> . Датироват: 150—200 гг. н. э.
2	По наиболее поздним монетам на р. III: 1 монета 186—196 гг. н. э. 1 монета 227—233 гг. н. э. ¹⁸	Амфора на кольцевом поддоне, высота (сохр.) — 69,1 см, диаметр тулова — 42,6 см, диаметр сечения ручки — 4,9×3,4 см, диаметр дна — 14,9 см, объем (сохр.) — 35 050 см ³	Темно-инкарнатный цвет (в 5). С примесью частиц известняка — 0,5 мм; темных частиц — 0,1 мм, слюды — 0,1 мм	Мих — 75 р. III, кв. 386, шт. 1.	Близка: <i>Robinson H. S. Pottery... Group K. Pl. 15. N° 110</i> . Датироват: ок. 250 г. н. э.
3	В слое 1 монета 220—226 гг. н. э., 1 монета 234—239 гг. н. э. ¹⁹	Плоскодонный кувшин, высота 46,6 см, диаметр венчика: наружный — 15,0 см, внутренний — 12,0 см, высота тулова — 33,9 см, диаметр тулова — 33,1 см, диаметр сечения ручки — 4,2×4,2 см, у основания, диаметр дна — 13,6 см, объем — 17 350 см ³	Терракотовая (о 2). С многочисленными включениями известняка — 0,5 мм и ангобом бледно-песчаного (к 3) цвета	Мих — 74 р. XI, кв. 3, шт. 3—4, № 225	Близок: <i>Кобылина М. М. Раскопки некрополя Тиритака// МИА. 1941. № 4. Рис. 113. С. 79. Датироват: 100—200 гг. н. э.</i>
4	В слое 2 монеты 39—45 гг. н. э. и 2 монеты 45—62 гг. н. э. ²⁰	Плоскодонный кувшин, высота (сохр.) — 37,0 см, высота тулова — 27,0 см, диаметр горла — 12,5 см, диаметр тулова — 24,2 см, диаметр сечения ручки — 3,1×2,9 см, диаметр дна — 13,5 см, объем (сохр.) — 7200 см ³	Терракотовая (о 2), с прожилками известняка толщиной до 0,5 мм	Мих — 69, р. III, кв. 12, под завалом № 264	<i>Гайдукевич В. Ф. Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.// МИА. 1952. № 25. Рис. III. С. 92, 93. Датироват: 100—250 гг. н. э.</i>

сарматских курганов на Нижнем Днепре⁷, афинской агоры⁸ и курганного некрополя Истрии⁹.

2. Амфора (рис. 1, 2) имеет кольцевой поддон, отделенный от нижней части корпуса небольшим перехватом. Тулово конусовидной формы, верхняя часть горла с венчиком и ручками отсутствует. Корни ручек имеют овальную форму. Глина темно-инкарнатного цвета, с примесью известняка, слюды и темных частиц. Цвет и состав глины амфоры на кольцевом поддоне близки глине плоскодонной амфоры, что позволяет предположить и для второй амфоры боспорское происхождение¹⁰. Суд близок группе амфор II—IV вв. н. э., имеющих кольцевые поддоны, которая была выделена И. Б. Зеест¹¹, и амфоре середины III в. н. э. из раскопок Афинской агоры¹².

3. Плоскодонный кувшин (рис. 1, 3) найден в 1974 г. при раскопках здания, находящегося вне линии оборонительных сооружений цитадели. Перехват между нижней частью корпуса и дном отсутствует. Форма тулова приближается к шаровидной. Горло расширяется в верхней части и заканчивается венчиком, имеющим в разрезе прямоугольную форму, ручка отсутствует. Корень ручки имеет в разрезе у венчика круглую форму. По форме сосуд близок кувшину из некрополя Тиритаки, датированному М. М. Кобылиной II в. нашей эры¹³.

4. Плоскодонный кувшин (рис. 1, 4). Дно отделено от нижней части тулова перехватом. Тулово имеет вытянутую форму, горло прямое, его верхняя часть с венчиком отсутствует. Ручка в разрезе приближается к кругу и профилирована двумя валиками, которые прослеживаются только в верхней ее части. Аналогичный кувшин происходит из некрополя Тиритаки и датируется В. Ф. Гайдукевичем II — первой половиной III в. н. э.¹⁴

Кувшины изготовлены из глины, называемой И. Б. Зеест «розовой»¹⁵, а И. С. Каменецким «сиреневой»¹⁶, что, по мнению авторов, свидетельствует об их боспорском происхождении. Несколько аналогий в материалах Тиритаки позволяют предположить поступление толстостенной плоскодонной керамики на поселении у с. Михайловка через этот центр.

Можно констатировать сходство плоскодонной амфоры № 1 и плоскодонного кувшина № 3 по метрическим признакам и практическое равенство объемов обоих сосудов, что, вероятно, связано с их единым функциональным назначением в хозяйственной жизни усадьбы.

Приведенные данные будут полезны при дальнейшей разработке типологии боспорской керамики первых веков нашей эры и позволят, возможно, более четко отделить профильные части (ручки и венчики) подобных сосудов от фрагментов остродонной керамической тары при обработке массового керамического материала в поле.

¹ Петерс Б. Г. Михайловское городище античного времени//Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 117—127; Петерс Б. Г. О работах Михайловской экспедиции 1963—1983 гг.//КСИА. 1985. Вып. 182. С. 23—27.

² Объем сосудов измерялся сухим пшеном, засыпавшимся до верхнего края венчика сосуда или верхней сохранившейся части горла. Измерение объемов сыпучими продуктами дает несколько заниженные показатели по отношению к жидкостям. См.: Wallace Matheson P. M., Wallace M. B. Some Rodian amphora capacities//Hesperia. 1982. Vol. 51, N 2. P. 314.

³ Петерс Б. Г. Монеты из античного поселения и курганного могильника у с. Михайловка на Керченском полуострове//НЭ. 1978. XII.

⁴ Определение цветов глины по шкале: Бондарцев А. С. Шкала цветов. М.; Л.,

1954. Определение диаметров частиц примесей по таблице М. Василевского (Справочник путешественника-краеведа. М., 1950. Т. II. Приложение к гл. XVII).

⁵ Зеест И. Б. Пантикапейская керамика сарматского времени//МИА. 1957. № 56. С. 142.

⁶ Петерс Б. Г. О некоторых металлических изделиях из античного поселения у с. Михайловка//КСИА. 1975. Вып. 143. С. 89. Рис. 2, 1.

⁷ Вязьмитина М. И. Сарматские погребения у с. Ново-Филиповка//Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1952. Табл. IV, 3. С. 234.

⁸ Robinson Henri S. Pottery of the Roman period: Chronology//The Athenian Agora. Princeton; New Jersey, 1959. V. Group. Pl. 22, N 90.

⁹ Alexandrescu Petre. Necropola tumulara: 1955—1961//Histria. 1966, II. С. 221, 22.

- Pl. 82, XXX, 1; *Radulescu A.* Amfore romane si Romano-bzantine din Scythia Minor/Pontica. 1976. IX. Табл. III, 1. С. 103.
- ¹⁰ *Зеест И. Б.* Пантикапейская керамика... С. 142.
- ¹¹ *Зеест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1960. № 83. Табл. XXXIII. 78. Табл. XI, 102a.
- ¹² *Robinson Henri S.* Pottery... Group K. Pl. 15. N 110.
- ¹³ *Кобылина М. М.* Раскопки некрополя Тиритаки//МИА. 1941. № 4. Рис. 113. С. 79.
- ¹⁴ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг.//МИА. 1951. № 25. Рис. 111. С. 92, 93.
- ¹⁵ *Зеест И. Б.* Керамическая тара... С. 115, 116.
- ¹⁶ *Каменецкий И. С.* Опыт изучения массового керамического материала из Тагнаиса//МИА. 1969. № 154. С. 153—154.
- ¹⁷ *Петерс Б. Г.* Монеты... С. 5, № 8, 9, 13, 14.
- ¹⁸ Там же. С. 6, 26, 29.
- ¹⁹ Там же. С. 6, 28, 30.
- ²⁰ Там же. С. 5, № 8, 9, 13, 14.

С. М. КРЫКИН

НОВЫЕ ТЕРРАКОТЫ ВСАДНИКОВ ИЗ ФАНАГОРИИ

В 1984 г. в Фанагории продолжались археологические исследования на южной окраине городища и среди множества находок был несколько фрагментов терракот всадника*. Все они взаимодополняют друг друга, что позволяет во многом реконструировать их иконографию целиком. Односторонние, полые внутри терракоты передают стоящего или жедвигающегося слева направо всадника на могучем жеребце. Седок представлен корпусом в три четверти, правая рука опущена вдоль тела на бедро, нога согнута в колене и характерно вывернута носком к зрителю. Одет всадник, по всей вероятности, в короткий хитон и наброшенную поверх хламиду, мягко ниспадающую складками, конец ее переброшен через предплечье и изящно свисает на бок коня. Похоже, что седок обут в короткие сапоги, на шее и груди жеребца угадывается сбруя. Подчеркнуто пышный конский хвост закручен вправо, спина покрыта попоной. Постамент статуэтки прямоугольный. Головы коня и седока ни в одном случае не сохранились.

Две статуэтки (рис. 1, 1, 2) обнаружены рядом, третья (рис. 1, 3) — в 15 м от них, в том же слое II—III вв. н. э., тогда как четвертый фрагмент (рис. 1, 4) найден в четверти километра от них в прослойке IV—III вв. до н. э. из заполнения ямы. Судя по составу глины, качеству обжига и мелким деталям, первая и четвертая фигурки были произведены одновременно и, по-видимому, даже оттиснуты в одной форме. Корoplast по-разному дорабатывал жгуты конского хвоста, но одна и та же рука оставила отпечатки на оборотных сторонах лицевых плоскостей при оттискивании в форме. Если на первой фигурке мастер довольно неудачно вычленил мускулатуру конской голени, то на четвертой это место просто смазано пальцем. Анализ состава глины** показал, что три фигурки были изготовлены в Фанагории из одной и той же глины, тогда как для изготовления фигурки третьего всадника использовался материал с другого местного глинища¹ и применялась иная форма. Анализ условий находок, поиск аналогий и похожих изображений позволяют относить эти статуэтки к III в. до н. э. и считать наряду с фигуркой из Мирмекия (рис. 1, 5) древнейшими обнаруженными пока на Боспоре терракотами всадника.

* Выражаю благодарность начальнику Таманско-Фанагорийской экспедиции ИА АН СССР В. С. Долгорукову за любезное разрешение опубликовать обнаруженные в 1984 г. терракоты.

** Анализ состава глины терракот был произведен в Лаборатории истории керамики ИА АН СССР д. и. н. А. А. Бобринским. Пользуюсь случаем выразить большую благодарность за помощь.

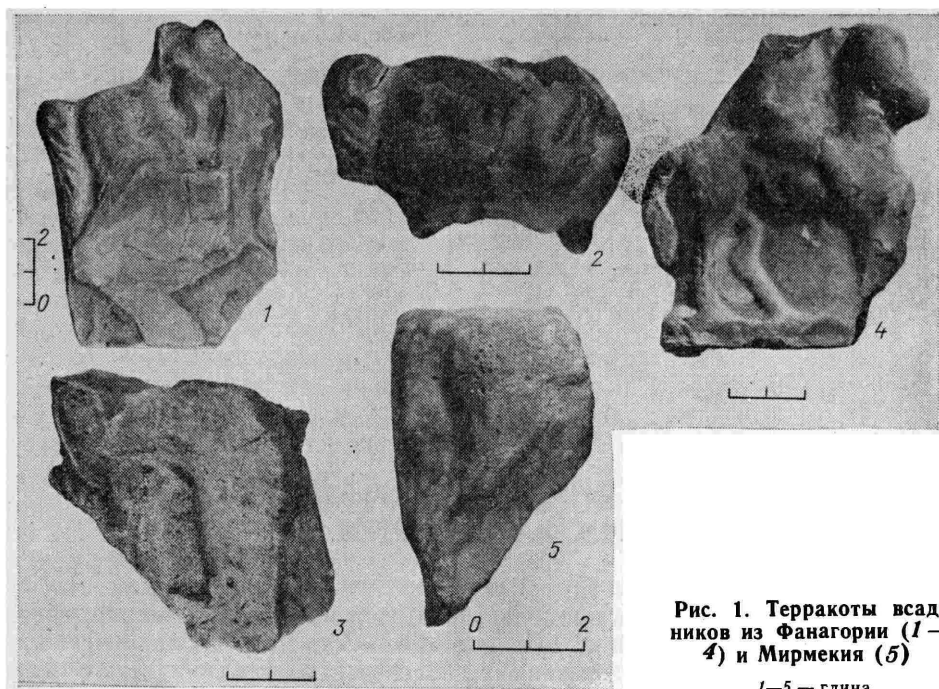

Рис. 1. Терракоты всадников из Фанагории (1—4) и Мирмекия (5)

1—5 — глина

Ближайшим подобием фанагорийских фигурок является терракота из Ольвии², причем первоначальная датировка III—II вв. до н. э. была недавно уточнена после изучения состава глины — первая половина III в. до н. э.³ Похожие на фанагорийские терракотовые всадники заведены в некоторых культовых комплексах Греции в IV—III вв. до н. э., например, в Коринфе⁴. При этом некоторые коринфские фигурки в различной степени близки северопричерноморским образцам⁵. При раскопках Мирмекия была найдена фигурка всадника первой половины III в. до н. э. (рис. 1, 5)⁶, подобная, по мнению В. И. Денисовой, современным ей терракотам из Коринфа⁷ и напоминающая находку из Линда⁸. При внимательном сравнении фанагорийских статуэток с родосскими следует признать явное сходство с образцами из Линда и из Камира⁹, причем особенно с линдской находкой IV в. до н. э. Таким образом, имеются основания предполагать проникновение раннеэллинистических терракотовых всадников в Северное Причерноморье из Греции, где, по-видимому, они обладали сакральной семантикой. Массовое производство подобных фигурок на Боспоре началось не позднее середины III в. до н. э., т. е. почти на полтора века раньше традиционного для местной коропластики сюжета мчащегося всадника¹⁰.

Древняя и сравнительно более поздняя традиции трактовки загадочного конного персонажа на Боспоре некоторое время даже сосуществовали друг другу. Разделение терракотовых всадников на два основных типа — всадник статичный (конь стоит или мерно ступает) и всадник галопирующий¹¹ — является существенным. В статичном положении переданы фанагорийские и мирмекийский всадники III в. до н. э., конный Аттис II в. до н. э. из Мирмекия¹², где конь украшен фаларами. В I в. до н. э. были произведены фигурки гораздо меньшего художественного достоинства¹³, явно близкие раннеэллинистическим образцам. В комплексе Таманского толоса близ Фанагории была обнаружена целая терракота статичного всадника¹⁴, условно датированная не ранее чем I в. до н. э. Кроме того, там у дома Хрисалиска было найдено и традиционное изображение мчащегося всадника сарматской ипостаси¹⁵, что может означать вероятную адекватность образа (два типа при общности семантики).

Тип галопирующего всадника — часто в башлыке, кафтане и анаксиридах, с поднятой для удара рукой и сидящего по-сарматски¹⁶ на украшенном большими фаларами коне — был представлен в коропластике Боспора со II в. до н. э. до рубежа II—III вв. По-видимому, мчащийся «охотник» представлял собой сарматизированную или сарматскую ипостась конного героя, тогда как статичный восходил к исконно греческим образцам раннеэллинистического времени.

Внешне похожая ситуация сложилась в коропластике Армении, где в первые века нашей эры изготовлялись мчащиеся и реже шагающие терракотовые всадники¹⁷ в персидских или малоазийских одеждах. Сакральная семантика этих статуэток остается пока невыясненной, хотя и вероятно некая связь с образом сарматского галопирующего «охотника» с Боспора.

Можно предполагать, что греческая ипостась культа всадника на Боспоре или, точнее говоря, пластический образ конного божества был воспринят, вероятнее всего, с Родоса. Именно с Родосом азиатский Боспор и Ольвия поддерживали тесные торгово-экономические связи во III—II вв. до н. э.¹⁸, именно там с архаической эпохи терракоты символизировали почитание конного божества. В Беотии, Фессалии, Аркадии в древнейшие времена сложился хтонический культ Посейдона — покровителя коневодства, регалиями которого выступали изображения коня или всадника. Посейдон Гиппий, как сообщает Гимерий, особо почитался греками на Истме; в Линде обнаружены эпиграфические свидетельства почитания этого бога в эллинистическую эпоху¹⁹. Все прочие культы конных героев в Греции прямо или косвенно связаны с Посейдоном (*Her. V, 67; Pans. VII, 19,2—5; VII, 21, 7,8; VIII, 25,7—10* и др.).

Хтонические греческие всадники соприкоснулись на Боспоре с солярными иранскими, те и другие символизировали обожевление власти, знати, аристократии, царя, потому вполне реально допускать возможность синкретического слияния различных ипостасей.

- ¹ *Кобылина М. М.* Терракотовые статуэтки Пантикапея и Фанагории. М., 1961. С. 75.
- ² Терракоты Северного Причерноморья//САИ. 1970. № 3, ч. I. Табл. 36.
- ³ *Русяева А. С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья (VI—V вв. до н. э.). Киев, 1982. С. 108.
- ⁴ *Bronner O.* Hero cults in the Corinthian Agora//*Hesperia*. 1942. XI, N 2. P. 145, 148. Fig. 7.
- ⁵ *Davidson G. A Hellenistic Deposit at Corinth//Hesperia*. XI, N 2. 1942. P. 110—113. Fig. 3. N 19, 15, 16, 20.
- ⁶ *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 43, 44. Табл. XIIж; *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки всадников на Боспоре//История и культура античного мира. М., 1977. С. 180, 181. Рис. 1, 2.
- ⁷ *Davidson G. A Hellenistic Deposit... Fig. 3, N 13—15.*
- ⁸ *Blinkenberg Chr., Kinch K. F.* Lindos: Fouilles et recherches 1902—1911. Text- und Tafelband. В., 1931. Pl. 135. N 2923. P. 689.
- ⁹ *Winter Fr.* Die Typen der figürlichen Terrakotten. В. Stuttgart, 1903. Teile II (Die antiken Terrakotten. Bd. III). P. 300.
- ¹⁰ *Денисова В. И.* Коропластика... С. 92,
- ¹¹ *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки всадников... С. 177—182; *Денисова В. И.* Коропластика... С. 62, 63.
- ¹² *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки... С. 178. Рис. 1. 1; *Денисова В. И.* Коропластика... С. 63. Табл. XXII к.
- ¹³ *Пругло В. И.* Терракотовые статуэтки... С. 177, 178. Рис. 1, 3; *Денисова В. И.* Коропластика... С. 63. Табл. XXI. С. 3.
- ¹⁴ *Сокольский Н. И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 101, 102, 105. Рис. 58/7.
- ¹⁵ *Сокольский Н. И.* Таманский голос... С. 105. Рис. 58/3.
- ¹⁶ *Блаватский В. Д.* О боспорской коннице//КСИИМК. 1949. Т. XXIX. С. 96—99.
- ¹⁷ *Хачатрян Ж. Д.* Об античной коропластике Армении//ВДИ. 1979. № 3. С. 96—99. Табл. IV, 1—2. Рис. 8—10.
- ¹⁸ *Высоцкая Т. Н.* Неаполь — столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 148—150; *Бадалянц Ю. С.* Боспор и Родос в III—II вв. до н. э.: (Торговые связи по данным амфорных клейм): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. С. 15, 16, 18.
- ¹⁹ *Farnelle L. R.* The cults of the Greek states. Oxford: Clarendon, 1896—1909. Vol. IV. P. 91. Not. 82e. Vol. V. P. 334.

ВИНОДЕЛЬНИ ГЕРМОНАССЫ

За многие годы раскопок Гермонассы накоплен большой материал, который дает представление о городе римского времени: открыты постройки II — начала IV в. н. э., в том числе дом с двориком и двумя помещениями, при этом слой II—III вв. н. э. дал богатый керамический материал, позволяющий говорить о местном производстве и о связях Гермонассы с другими центрами Боспора (Тиритакой, Мирмекием, Илуратом и др.). Это краснолаковая посуда форм и типов, широко распространенных на Боспоре, амфоры, монеты, преимущественно пантикапейского и фанагорийского чекана. Открытые недавно в центре города две винодельни дают нам право считать, что тот процесс рустификации, который характерен для большинства городов Боспора первых веков н. э.¹, коснулся и Гермонассы.

Одна винодельня (№ 1) была открыта на Нагорном раскопе в 1981 г., другая (№ 2) — на Северном раскопе в 1983 г. Обе винодельни по устройству близки друг другу и мало чем отличаются от многих виноделен Боспора.

Винодельня № 1 расположена в южной части западного участка Нагорного раскопа (кв. XXIII, XXVII). Остатки оснований ее стен были открыты на глубине 3,83—4 м от современной поверхности². Вся ее западная часть была покрыта слоем сырца от развала стен, от которых лишь сохранились незначительные куски фундамента из мелкого камня в северо-западном углу винодельни. От самой винодельни сохранились пять давяльных площадок и три цистерны. Незначительные остатки фундамента восточной стены винодельни были открыты еще в 1979 г. Сохранилась только часть этой кладки (№ 140) в длину 1,60, в высоту 0,40 при ширине 0,40 м. Винодельня сильно пострадала от ям хазарского времени, особенно давяльные площадки и верхние части цистерны.

Общая длина всего помещения винодельни с запада на восток 8,54 м, ширина 6,24 м. Западная половина винодельни, где расположены давяльные площадки, имела такое же устройство, что в винодельнях других боспорских городов³, — две боковые площадки, где давился виноград ногами, и между ними — небольшие две площадки, одна из которых (западная) имела квадратную каменную плиту, на которой давилась мезга при помощи рычажно-винтового пресса. Назначение другой (восточной) площадки нам пока не ясно. С восточной стороны давяльных площадок были расположены цистерны (рис. 1).

Размеры боковых площадок: левая (если смотреть с востока на запад раскопа) имела длину 3,60, ширину 2,20 м, правая — длину 3,40, ширину 2,50 м; две центральные, расположенные между ними, при общей длине в 3,20 м и ширине в 1,45 м, имели длину: западная — 1,74, восточная — 1,46 м. К левой площадке в направлении к востоку примыкала еще одна сильно разрушенная площадка, которая являлась вспомогательной и могла быть использована и для выдавливания сока и служить площадкой, с которой вычерпывали сусло из цистерн. Не исключена возможность наличия такой вспомогательной площадки с противоположной стороны, на что указывает нахождение в этом районе кусков цемянки.

Все площадки покрыты цемянкой, которая прослежена и на плитах центральной давяльной. Местами цемянка положена в 8—9 слоев, особенно это хорошо видно по краям площадок, где она заходила на примыкающие к площадкам кладки в некоторых местах на высоту до 30 см. На поверхности цемянки местами прослежена красная краска. Это остатки гематита (красный железняк, или кровавик, т. е. природная окись железа), которым в древности, как определил В. Ф. Гайдукевич, покрывали поверхность цемянки, чтобы предохранить ее от разъедания виноградным суслом⁴.

Между площадками сохранились пазы, в которые вставлялись доски-разделители. Такие же пазы прослежены и между двумя центральными площадками, где в углах находились еще вертикальные отверстия диаметром до 10 см. Не исключена возможность, что они служили каналами для стока сусла, на что указывает их местоположение — в углах между площадками.

Все давяльные площадки имели наклон в сторону цистерн, при этом поскольку ширина цистерн была значительно меньше ширины всех трех давяльных площадок, то боковые давяльные имели еще наклон к центру.

Для сооружения цистерн была выкопана одна большая яма, стенки которой выкладывались камнем, после чего сооружались каменные перегородки, а затем стенки обмазывались цемянкой, так же как и давяльные площадки, а потом все покрывалось гематитом для предохранения от разъедания цемянки суслом. В каждой цистерне в восточной половине были сделаны углубления — отстойники для удобства при вычерпывании остатков сусла; их глубина колеблется от 20 до 31 см (рис. 1). Размеры цистерн при общей глубине около 1,30 м (с юга на север): I — длина 1,44, ширина 0,70 м; II — длина 1,50, ширина 0,78 м; III — длина 1,52, ширина 0,78 м. Общая емкость всех трех цистерн ($1,3 \text{ м}^3 + 1,5 \text{ м}^3 + 1,54 \text{ м}^3$) более 4 тысяч литров. Подобное устройство цистерн встречается на Боспоре почти повсеместно⁵.

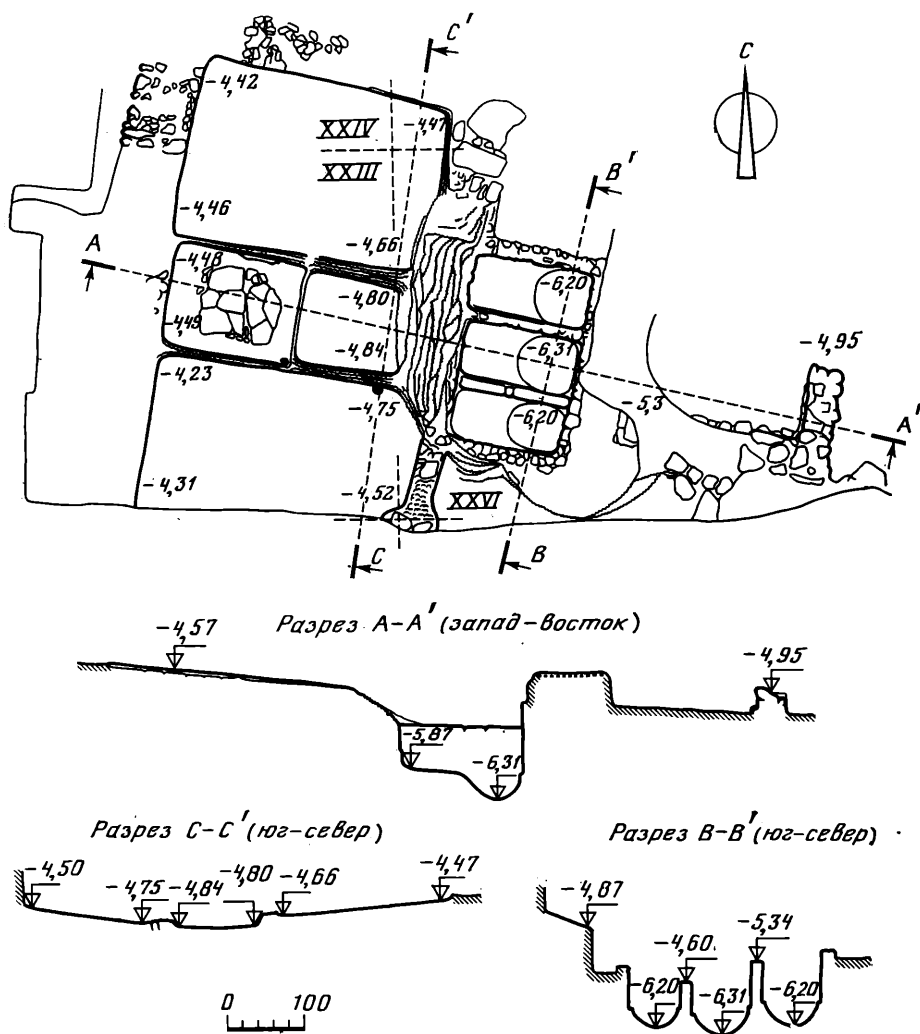

Рис. 1. План и разрезы винодельни 1

По аналогии с винодельнями из Тиритаки можно предположить, что между давящими площадками и цистернами существовали невысокие загородки, которые предохраняли попадание винограда в цистерны во время его давления. Эти перегородки, видимо, сооружались из каменных плит, поставленных на ребро, как это делалось в других винодельнях Боспора⁶.

Каменные сливы, как и керамические, ни у одной давящей площадки, ни в цистернах не обнаружены. Очевидно, они или были уничтожены ямами перекопов, или сделаны из другого материала. В этой винодельне в северо-восточном углу южной давящей площадки находилось горло амфоры, вмазанное в цемянковый пол, оно могло служить одним из сливов. Можно предположить, что подобные сливы могли быть и на соседних площадках, но разрушены временем. Использование амфорных горл в качестве сливов встречалось в винодельнях Тиритаки и Фанагории.

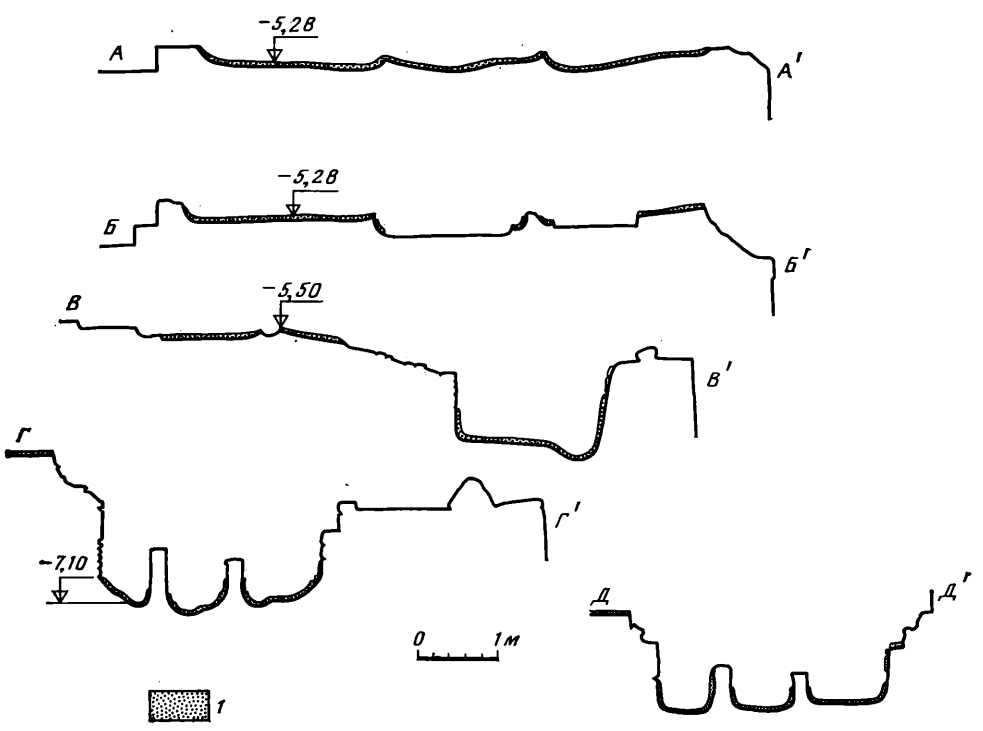
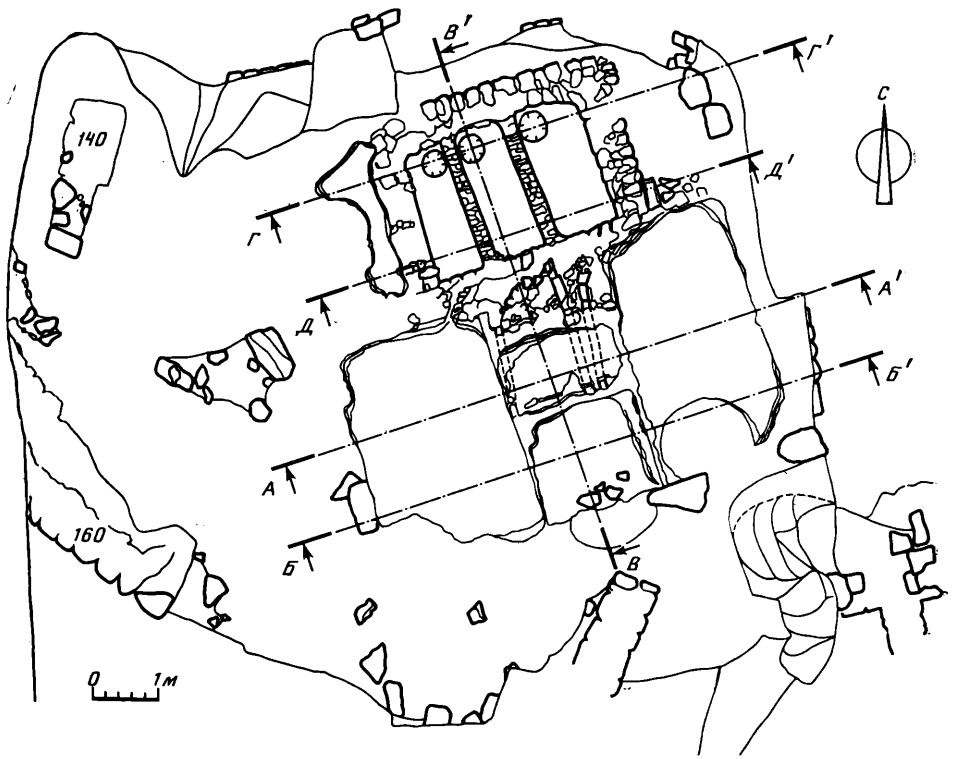
Находки из цистерн и с давящих площадок представлены главным образом обломками амфор, характерных для Боспора III в. н. э. Это типы красноглиняных со сложнопрофилированными ручками, а также амфор со слегка профилированными с наружной стороны массивными ручками. Очевидно, винодельня была построена во II в. н. э., а после середины III в. н. э. разрушена. При этом окончательно она была разорена в хазарское время, на что указывают ямы, разрушившие цистерны. Среди камней и обломков керамики много черносмоленых кувшинов.

Винодельня № 2 на Северном раскопе обнаружена на глубине 5,20—5,40 м от современной поверхности. Эта винодельня также плохо сохранилась (рис. 2). Почти не сохранились стены помещения, за исключением небольшого куска каменного фундамента, к которому подходит западный край западной давящей площадки. Давящие площадки в нескольких местах прорезаны средневековыми ямами, северная часть винодельни разрушена морем. Цистерны сохранились только в нижних частях, которые были заполнены обломками керамики вперемежку с мелким камнем (керамика от амфор III—IV вв. и от краснолаковых мисок со штампованными изображениями животных, рыб, птиц и крестов). Над всем этим лежали более крупные камни, в том числе надгробие, которое, очевидно, выпало из стенки цистерны, а сверху находилась большая каменная плита пресса размером 1,20×0,76×0,70 м.

Винодельня имела четыре давящих площадки, три цистерны и две вспомогательные площадки, которые сохранились фрагментарно, особенно восточная. План винодельни хорошо укладывается в тот тип виноделен, который складывается на Боспоре к первым векам н. э.⁷ Размеры общей площади винодельни: ширина—6,97 м, длина—7,10 м (целиком не прослежена, так как северная часть разрушена). Весь комплекс ориентирован с северо-запада на юго-восток.

Западная давящая площадка сохранилась в длину на 3,50 м, в ширину—2,36 м. Прослежено 8 слоев цемянки, при этом верхний слой имеет следы окраски гематитом. Площадка лежит на слое бута из мелких известняковых камней и имеет наклон к северу, при этом перепад глубин составляет 20—25 см. Резко понижающийся северо-восточный угол площадки служил началом слива, ложе которого не сохранилось. Цемянка, покрывающая площадку, по краям возвышается, образуя бортик. Хорошо прослежен бортик восточного края и частично западного около куска кладки, где высота его сохранилась на 18 см. Вдоль восточного борта прослежен паз для доски, которой отгораживали давящую площадку для прессования мезги.

Восточная площадка сохранилась в длину на 3,68 м, в ширину—на 2,36 м. Она также имеет бутовое основание, которое залито цемянкой в 7—9 слоев (толщиной в 8—10 см), небольшой наклон к северу с перепадом глубины на 20—25 см. Слив также не обнаружен, возможно, его началом служил северо-западный угол площадки, резко понижающийся к цистерне.

Рис. 2. Винодельня 2

а — план; **б** — фасировки цистерн (1 — южный, 2 — западный, 3 — северный, 4 — восточный); разрез винодельни (5—9)

Между восточной и западной давяльными площадками еще две площадки: северная, назначение которой нам пока не ясно (размеры $1,08 \times 1,90$ м) и южная (размеры $1,56 \times 1,60$ м), на которой должна была лежать плита для прессования мезги. Сохранилось лишь основание для плиты в виде бутового настила, вокруг которого со всех сторон проходил цемянковый желоб шириной 16—20 см, глубиной до 8 см. В северной части желоба находились три отверстия-слива для стока сусла. Сливы проходили под северной цемянковой площадкой: один вдоль западного борта и два других — вдоль восточного. Северный край этой площадки разрушен, благодаря чему обнаружилось выходы всех трех сливов, которые сооружены из желобчатых калиптеров, положенных основанием вниз и сверху перекрыты черепками или обломками черепицы, лежат плотно, щели замазаны цемянкой. Каждый слив направлен в одну из цистерн, расположенных к северу от них. Самый широкий центральный (ширина 13 см) направлен в центральную цистерну, а два боковых (шириной 8 и 9 см) — в боковые.

Трудно объяснить, почему сливы были направлены во все три цистерны. Возможно, первый сок из мезги вначале направлялся в крайние цистерны и только при окончательном выдавливании прессом попадал в среднюю цистерну. Подобное устройство сливов, когда виноградный сок с центральной площадки шел по каналам под соседней площадкой, встречается в Тиритаке (Т 7) и в Фанагории (Ф 8).

В северной части винодельни находятся три цистерны, для строительства которых была вырыта яма размером $3,80 \times 2,90$ м, она выложена камнем и разделена перегородками толщиной около 20 см на три части. Стенки каждого отделения покрыты цемянкой в несколько слоев (кое-где сохранились следы красной краски), дно каждого резервуара постепенно понижается к северу, образуя круглое углубление — отстойник. В целом устройство цистерн у этой винодельни не отличается от многих боспорских виноделен первых веков н. э.⁸ Размеры цистерн (с запада на восток): $1,90 \times 0,70$ м; $2,0 \times 0,76$ м; $1,96 \times 0,90$ м при глубине около 1,30—1,50 м.

Вдоль западного борта цистерн была лишь частично сохранившаяся цемянковая площадка длиной 2,30, шириной 0,80 м. Ее поверхность горизонтальна и не имеет следов от сливов. Очевидно, определение таких площадок В. Ф. Гайдукевичем в винодельнях Мермекия и Тиритак как вспомогательных⁹ применимо в данном случае и к рассматриваемым винодельням Гермонассы. Надо полагать, что и с восточной стороны цистерн находилась такая же площадка, от которой сохранились лишь незначительные куски цемянки.

Очевидно, как и в других боспорских винодельнях, между цистернами и давяльными площадками существовала невысокая стенка, предохраняющая от попадания винограда в резервуары. В рассматриваемой винодельне, скорее всего, к такой оградительной кладке относится часть жернова, приставленного вертикально к северному краю западной давяльной площадки. То, что этот камень был заложен в кладке, подтверждает подходящая к нему вплотную и заходящая на него цемянка.

Из находок, найденных в цистернах винодельни № 2, следует остановиться на надгробии. Вся его поверхность пропитана красноватого цвета веществом и сильно разъедена. Очевидно, оно попало в цистерну, когда в ней еще находились остатки сусла. Надгробие представляет собой прямоугольную известняковую плиту (высота 0,95, ширина 0,50 и толщина 0,15 м) с изображением скачущего всадника, у ног которого бегут две собаки. В нижней части сохранилась верхняя половина рельефа, на котором заметны две фигуры, возможно, сидящие. Одна из них изображена в позе печали (правой рукой подпирает голову). В верхней части плиты с трудом просматривается рельефный фронтон с розетками и боковыми акротериями.

Подобные стелы с изображением скачущего всадника на Боспоре появляются во II—I вв. до н. э.¹⁰; думается, что и наше надгробие сле-

дует датировать этим временем. Очевидно, после разорительных династических войн I в. н. э. при строительстве винодельни в регионе, где отсутствуют свои каменоломни, стела была использована как камень. Наличие ее здесь нам дает отправную точку для определения времени появления винодельни. Этим временем может быть начало II в. н. э. Другая группа находок — керамика — дает возможность установить время ее гибели.

Керамика представлена тремя группами: обломками краснолаковой, простой посуды и амфорами. Среди амфор имеются характерные для Боспора III в. н. э.⁴¹ Это амфоры с массивными слегка уплощенными или округлыми ручками, ребристыми снаружи, с широкими горлами, слегка нависающими венчиками, их глина темно-оранжевая или желтовато-коричневая, сверху покрыта светлым ангобом. Таким образом, время бытования винодельни № 2 падает также на II—III вв. н. э., как и винодельни № 1.

В засыпи цистерн и в слое, перекрывающем цемянковые площадки, встречалась также краснолаковая керамика. Она представлена тарелками и мисками, для которых характерно уплощенное дно на низком поддоне, на некоторых с внутренней стороны дна штампом оттиснуто изображение птицы, животного или креста. Некоторые сосуды с наружной стороны края имеют орнамент в виде насечек, нанесенный штампом. Подобного рода краснолаковая керамика в настоящее время широко известна среди находок многих городов Причерноморья от Варны до Пицунды⁴². Большинство исследователей ее датируют концом IV—VI в. н. э. Очевидно, после разрушения винодельни в III в. н. э. это место долгое время оставалось пустырем, куда выбрасывался городской мусор последующих веков.

Следует отметить, что, несмотря на большое сходство в устройстве виноделен Гермонассы с другими винодельнями Боспора II—III вв., самой близкой аналогией мы считаем винодельню, открытую в Фанагории в 1971—1972 гг.⁴³ Близкой по устройству была центральная площадка в винодельне, открытой В. Д. Блаватским на городище Пятиколодезном, хотя ближняя к цистернам площадка не прослежена⁴⁴.

Рассматриваемые винодельни были открыты в слое II—III вв., архитектурные остатки которого в районе винодельни № 2 не сохранились. Если они и существовали, то камни построек, очевидно, были выбраны в последующее средневековое время, о чем свидетельствует огромное количество ям перекопов в хазарский, тмутараканский и более поздние периоды. Поэтому связать винодельню № 2 с какой-то постройкой не представляется возможным.

В этом плане больше повезло винодельне № 1, расположенной недалеко от здания II—IV вв. н. э., открытого в 1973—1975 гг. Здание сохранило фундаменты только северной части длиной около 20 м. Южная часть была сильно разрушена ямами перекопов, но сохранилась восточная кладка длиной около 6 м, составляющая прямой угол с северной кладкой, ее южный конец составлял прямой угол с кладкой 119, открытой еще И. Б. Зеест. И. Б. Зеест упоминает еще одну кладку, которая под прямым углом примыкает к 119 фундаменту; таким образом, в южном направлении это здание продолжалось не менее чем на 10 м, т. е. в юго-западной части оно должно сомкнуться с помещением винодельни. Поэтому можно предположить, что винодельня была связана с этим зданием, являясь собственностью этой постройки. В связи с этим встает вопрос: кому принадлежал этот дом с винодельней?

Ранее, при исследовании здания II—IV вв. н. э., мы считали, что это не частный дом, а, скорее всего, постройка типа пританея. Такое определение правомерно, учитывая преемственность планировки улиц и площадей в древних городах, в данном случае в Гермонассе, где в этом районе находилась центральная часть города с агорой и общественными постройками, начиная с IV в. до н. э. Размеры здания (длина северной стены около 20 м) дают некоторые основания для такого предположения.

Но если считать, что это здание принадлежало частному лицу, то оно дает представление о степени дифференциации населения Гермонассы — процессе, характерном для Боспора первых веков н. э. Но последний вариант нам представляется маловероятным. Скорее всего, это был большой хозяйственный комплекс, связанный с городским управлением или каким-то синодом.

О том, что Гермонасса этого времени была городом, свидетельствуют эпиграфические памятники. Это каменная летопись, представленная в виде посвячительных или почетных надписей, надписей о строительстве, о фиасах и др. Всего таких памятников из Тамани известно 11.

Согласно надписям, Гермонасса в середине II в. н. э., очевидно, восстанавливает свои оборонительные сооружения. Так в одной надписи сообщается, что в царствование Тиберия Юлия Реметалка была «восстановлена от основания башня» (КБН, № 1052). Другая надпись сообщает, что в начале II в. н. э. восстанавливаются уничтоженные временем портики храма Афродиты Апатуриады (КБН, № 1045). В надписи (КБН, № 1053) сообщается, что главный переводчик алан по имени Ирак (Герман) сын Понтипа возвел постройку. Это очень важное свидетельство о том, что в III в. н. э. в Гермонассе жил главный переводчик алан (имя иранского происхождения). На камне тамга — именной знак боспорского царя Савромата II.

В других надписях сообщается о постановке различными должностными лицами статуй римским императорам (КБН, № 1046, 1047).

Интересна надпись на мраморной плите с перечислением членов синода (КБН, № 1054). Из этой надписи впервые становится известным, что отцом Котиса II был Савромат I. Большинство имен членов синода — греческие. Очевидно, синоды являлись объединениями лиц, принадлежащих к знати при одном из святилищ, о чем свидетельствует еще одна надпись (КБН, № 1055), найденная в районе бывшей турецкой крепости. Она сообщает о существовании синода богини Афродиты.

Таким образом, эпиграфический материал дает нам представление о Гермонассе первых веков нашей эры как об укрепленном городе, который отстраивается после войн I в. н. э., укрепляет свои стены, восстанавливает святилище Афродиты и, не исключена возможность, возводит храмы в честь римских императоров. Итак это был город, претерпевавший все те изменения, которые были характерны и для других городов Боспора этого времени. В первую очередь это усиление роли товарного хозяйства, что вылилось в процессе рустификации городов и повсеместном расширении производства вина. Открытые в Гермонассе две винодельни являются подтверждением этого.

¹ Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 157; *Он же*. Пантикапей: Очерки истории столицы Боспора. М., 1964. С. 134 и сл.

² К этой глубине надо прибавить 1,5 м глубины котлована, прокопанного местными жителями для добывания грунта на саман.

³ Гайдукевич В. Ф. Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 189 и сл.; *Он же*. Виноделие на Боспоре. С. 412; Долгоруков В. С. Фанагорийская винодельня I—II вв. н. э. // КСИА, 1976. Вып. 145. С. 80 и сл.

⁴ Гайдукевич В. Ф. Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. № 85. С. 419.

⁵ Гайдукевич В. Ф. Виноделие... С. 412, 419.

⁶ Там же. С. 417 и сл.

⁷ Там же. С. 409 и сл.

⁸ Там же. С. 444; Сокольский Н. И. Вино-

делие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 75 и сл.

⁹ Гайдукевич В. Ф. Виноделие... С. 419 и сл. Рис. 54, 62, 68, 76.

¹⁰ Коровина А. К. Группа надгробных стел Таманского полуострова // Сообщения ГМИИ. М., 1968. Вып. IV. С. 104 и сл.

¹¹ Зест И. Б. Керамическая тара Боспора // МИА. 1960. № 83. С. 111 и сл. Табл. XXX, 72, 73; XXXI, 75; XXXII, 78; Шелов Д. Б. Раскопки северо-восточного участка Танаиса (1955—1957 гг.) // Известия Нижнего Дона. М., 1965. С. 68 и сл.

¹² Александрѳр Минчев. Късноантична вносна керамика във Варненския мезей // Известия на Народния музей — Варна, книга XII (XXVII). Варна, 1976. С. 118; Книпович Т. Н. Краснолаковая керамика первых веков н. э. из раскопок Боспорской экспедиции 1935—1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 318—321; Лордки-

панидзе О. Д. Краснолаковая керамика из раскопок Пицунды: (Основные типы и их датировки)//Вестник Отделения общественных наук АН ГССР. 1962. № 1; Николаева Э. Я. Краснолаковая керамика со штампами с Ильичевского городища//КСИА. 1978. Вып. 156. С. 110—114.

¹³ Долгоруков В. С. Фанагорийская винодельня... С. 78 и сл.

¹⁴ Блаватский В. Д. Четвертый год работы в Синдикате//КСИИМК. 1957. Вып. 70. С. 128.

З. Н. ЛЕМЯКИНА

МРАМОРНЫЙ РЕЛЬЕФ ИЗ ГОРГИППИИ

Обломок мраморной рельефной плиты (рис. 1) поступил в музей в 1975 г. от Анапской археологической экспедиции ИА АН СССР. В описи находок 1975 г. из раскопа «Ткацкая фабрика» под номером 162 значится: «Верхняя часть надгробия. Изображение: две стоящие фигуры». В тексте отчета эта находка зафиксирована как «обломок известнякового античного надгробия с рельефными изображениями двух мужских фигур»¹.

Ошибка в определении материала плиты произошла из-за ее сильной заизвесткованности.

Плита беломраморная. Сохранилась лишь верхняя ее часть. Ее размеры: высота — 21—25 см, ширина — 34 см, толщина — 11 см. На тыльной стороне плиты, в центре от верхней плоскости вниз, идет большой паз высотой 10 см, шириной 6 см, глубиной 3 см со следами металлического крепления, легкое углубление в форме небольшого прямоугольника, играющее, по-видимому, конструктивную роль для крепления каких-то конструкций сверху, сзади. Поверхность плиты не сохранила следов шлифовки, имеет следы обработки мрамора и ячеистую фактуру, усиленную заизвесткованием.

На лицевой плоскости плиты в невысоком рельефе изваяны две фигуры, занимающие как по высоте, так и по ширине почти всю поверхность. Фигуры расположены на плоскости без углубленного поля, без рамки и какого-либо архитектурного обрамления, характерного для традиционного надгробного рельефа II—III вв. н. э.

Рельефное изображение сильно сглажено, стерто, имеет утраты в отдельных местах. Две мужские фигуры сохранились почти на три четверти высоты. Изображение юноши справа, несмотря на стертость лица, в целом лучшей сохранности и более выразительно. Идеальная обнаженная фигура юноши — широкие плечи, грудь подчеркнута двумя мускулами, обозначен мышечный корсет живота, резко обозначены контуры бедер, — все эти атрибуты традиционны для изображения типа архаического курса. Руки юноши опущены вдоль туловища, через руки перекинута концы плаща, узким кругом проходящего сзади спины, ниспадающие с рук вниз. Правая рука слегка согнута в локте, так как, по-видимому, держала какой-то предмет, определить который трудно из-за стертости этой детали; левая рука прижата к бедру. Повязка перехватывает волосы сверху, длинные спиралеобразные локоны падают на грудь с обеих сторон. Необычными для изображения курса являются такие детали, как плащ и предмет в руке. Однако в литературе имеются описания подобного типа изображений, являющихся, по определению исследователей, отражением архаистического направления в искусстве позднего эллинизма, направления, дающего очень редкие образцы архаической темы. Так, «изображение плаща, узким жгутом проходящего по пояснице, оставляющего открытой спину и перекинутого концами через согнутые руки» имеется на статуэтке херсонесского юноши, хранящейся в Эрмитаже².

Рис. 1. Мраморный рельеф

Такая трактовка образа дает основание предположить, что данная обнаженная фигура, выполненная в архаической манере, изображает бога, по аналогии с архаическими куросами, о которых пишет А. Боннар: «Этот обнаженный юноша — прежде всего бог в расцвете своей юности. Археологи окрестили большинство этих юношей Аполлонами. Их точно так же можно бы назвать Гермесами или даже Зевсами. Эти статуи куросов могут быть и изображениями атлетов-победителей. Уж не так велико расстояние от людей, которых спорт сделал красивыми, до обитателей Олимпа»³.

Если повязка на голове бога — лента победителя, то это вполне сообразуется с образом Аполлона, который является богом состязаний в период классики, покровительствует кулачному бою, метанию дисков, стрельбе, бегу и сам является победителем на олимпийских состязаниях, первым победителем на пифийских состязаниях. Павсаний сообщает: «Победителями называют и других (богов), так, например, Аполлона, который победил в беге Гермеса, а Ареса одолел в кулачном бою», и «около храма стоят статуи Геракла, Фесея и Аполлона, завязывающего лентой волосы»⁴. Характерным атрибутом для трактовки фигуры на данном рельефе как изображения Аполлона можно считать и прическу, являющуюся довольно часто основанием для многочисленных эпитетов Аполлона⁵. Ввиду большой стертости видны лишь контуры локонов по два с каждой стороны.

Интерпретация второй фигуры, изображенной на рельефе слева, из-за плохой ее сохранности значительно труднее. В трактовке образа второй фигуры автор явно отводит ему второстепенное место. И хотя она расположена во второй, почти полной половине плиты, фигура меньше ростом (чуть выше плеч первой фигуры), по-видимому, она представлена задрапированной в плащ, на груди некоторым возвышением над слитной фигурой, кисть правой руки; левая рука опущена и опирается на колонну или герм. Очевидно, в зависимости от прочтения рисунка и атрибутов изображение может быть трактовано как фигура юноши-палестрита, задрапированного в плащ. Возможность такого толкования подтверждается большим распространением в коропластике Боспора, в том числе торгиппийской, изображений юноши-палестрита, опирающегося на герм⁶.

Такой вариант вполне допустим в сочетании с Аполлоном, так как

мифологическая традиция связывает Аполлона, как и Гермеса, с установлением гимнастических учреждений.

Изображение Аполлона-курова впервые встречено в скульптуре Горгииппии и пока является единственным, поэтому представляет большой интерес.

В целом характеристика данного памятника, относящегося к римскому времени, предпочтительна скорее как рельефа, возможно имеющего культовое значение, нежели надгробия.

Обращает на себя внимание и характер других находок из раскопа «Ткацкая фабрика» с глубины 0,6—1,08 м, т. е. из слоя, в котором на площади XI был найден рельеф и который соответствует на данном участке, согласно определению исследователя, II—III вв. н. э. Там был найден фрагмент мраморной плиты с надписью (инв. № АМ 10322), фрагмент мраморной скульптуры быка (инв. № АМ 9604), слив темлощечного сосуда в виде головы тельца (инв. № АМ 90605), фрагмент мраморной плиты с надписью (инв. № АМ 9603). Причем именно к слою II—III вв. н. э. относится вымостка, проходящая через три из пяти исследованных площадей: «Ее общие размеры с востока на запад 5,10 м, с севера на юг 3,20 м. Большая ее часть находится на площади XI. Ровная поверхность вымостки лежит на глубине 0,69—0,96 м от южного борта площади. Толщина вымостки 0,15 м, состоит она из больших плоских плит известняка размером 1,10×0,60 м; 1,05×0,80 м и 0,80×0,45 м»⁷. Характерно, что вымостки улиц и даже дворов в Горгииппии, как правило, были из плит дикарного камня, являющегося более практичным и целесообразным материалом для этих целей. Мощение плитами известняка встречается, но довольно редко.

Верхний слой, относящийся ко II—III вв. н. э., сильно потревожен: «...каждая из шести исследованных площадей имела повреждение слоев ямами турецкого и нового времени»⁸. Тем не менее являющиеся наиболее точно датируемыми из данного комплекса находок два эпитафических памятника относятся ко II—III вв. н. э., что говорит об определенной сохранности и соответствии материала как археологическому слою, так и его общей характеристике. Предварительная научная обработка фрагментов двух надписей, проведенная старшим научным сотрудником музея З. Е. Харалдиной, дала определение этих фрагментов как манумиссии и списка имен. Безусловно, прочтение и интерпретация эпитафических памятников дадут более определенный материал к дальнейшему осмыслению комплекса, к более точной его характеристике.

Фрагмент небольшой круглой мраморной скульптуры быка весьма редок для Горгииппии, в данном случае он может быть приведен для общей характеристики участка, хотя можно почти определенно сказать, что данная скульптура не является декоративной, а имеет скорее какое-то культовое значение⁹.

Безусловно, что участок с исследованными на нем площадями имел различное назначение и использовался на протяжении веков неоднозначно. Но при этом показательно и то, что слои данного участка, относящиеся к более раннему времени (пл. XI и XII доследованы до материка, пл. XIII — до глубины 2,05 м, остальные не доследовались до материка), дают весьма небольшой в сравнении с другими участками жилой застройки Горгииппии керамический материал бытового характера. Характер строительных объектов и материал находок не ординарны, хотя и не столь однозначны, как в слое II—III вв. н. э.

Хотелось бы обратить внимание и на характеристику данного участка в связи с уточнением топографии Горгииппии в свете наблюдений, проведенных в центре города, на Набережной. Центральная площадь Горгииппии, которая предварительно локализовалась в районе гостиницы «Анапа»¹⁰, смещается восточнее и приближается, по-видимому, к участку, затронутому в данных заметках. Это позволяет участок раскопа «Ткацкая фабрика» считать ближайшей (в радиусе 50—70 м) к центральной площади Горгииппии территорией, связанной с ней во II—III вв. н. э.¹¹

Эти наблюдения позволяют высказать предположение о принадлежности района раскопа «Ткацкая фабрика» какому-то общественному центру древнего города в римское время.

- ¹ Архив Анапского археологического музея. Отчет о работе Анапской экспедиции за 1975 г. Раскоп «Ткацкая фабрика». С. 13, 19. Копии отчета экспедиции Института археологии, хранящиеся в научном архиве археологического музея г. Анапы. Начальник экспедиции Е. М. Алексеева; раскоп «Ткацкая фабрика» вела Г. А. Цветаева.
- ² *Саверкина И. И.* Две архаические скульптуры в собрании Эрмитажа//Художественные изделия античных мастеров. Л., 1982. С. 98. Рис. 1; *Белов Г. Д.* Скульптура из Херсонеса в собрании Эрмитажа//Культура и искусство античного мира. Л., 1971. С. 107, 108.
- ³ *Боннар А.* Греческая цивилизация. М., 1959. Т. 2. С. 49. Автор сопоставляет херсонесского юношу с миниатюрными статуэтками куроса и Диониса с афинской агоры, датируемыми II—I вв. до н. э., в изображении которых и отмечена своеобразная манера в передаче плаща.
- ⁴ *Павсаний.* Описание Эллады. Гл. V, 7, 10; XIII, 5.
- ⁵ *Лосев А. Ф.* Античная мифология и ее историческое развитие. М., 1957. С. 304. Изображение волос Аполлона в виде двух заостренных локонов, с обеих сторон лежащих на груди, аналогично изображению прически и архаического куроса, и классического Аполлона. См.: Искусство Эгейского мира и Древней Греции. М., 1970. Рис. 14, 145; *Виппер Б. Р.* Искусство Древней Греции. М., 1979. Рис. 161, 165, 166.
- ⁶ О трактовке в коропластике сюжета, связанного с изображением юноши, задрапированного в плащ, см.: *Кобылина М. М.* Терракоты Северного Причерноморья. М., 1970. Вып. САИ Г 1—11. С. 18.
- ⁷ Копия отчета о работе Анапской экспедиции за 1975 г., хранящаяся в научном архиве археологического музея г. Анапы, с. 13.
- ⁸ Там же. С. 13.
- ⁹ Скульптурное изображение быка довольно редко и в других античных городах Северного Причерноморья. В этой связи следует упомянуть изображение быка в мраморной скульптуре, относящееся к IV в. до н. э., опубликованное в монографии: *Карышковский П. О., Клейман И. Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 62. Рис. 22. Авторы высказываются о принадлежности изображения к культовой скульптуре (храму Деметры).
- ¹⁰ *Кругликова И. Т.* Синдская гавань: Горгиппия. Анапа. М., 1978. С. 46; *Салов А. И.* К вопросу о топографии Горгиппии//КСИА. 1976. Вып. 145. С. 61—67.
- ¹¹ В сравнительной близости от участка прядильно-ткацкой фабрики, в 50—70 м в направлении к центру Горгиппии, был найден исключительный памятник III в. до н. э.—агонистический каталог, список имен победителей состязаний в честь Гермеса (КБН, 1137).

Ю. В. ЗУЙКОВ

ПОЗДНЕЭЛЛИНИСТИЧЕСКИЙ КЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС ИЗ ГОРГИППИИ

В 1981 г. в южной части археологического заповедника «Горгиппия» была расчищена яма с каменной обкладкой, венец которой был перекрыт отрезком стены первых веков нашей эры.

Яма круглая в плане (глубиной 2,28 м, диаметр устья 0,8 м, диаметр дна 1,3 м), обложена на всю глубину крупными и средними хорошо подогнанными дикарными камнями. Подобные ямы, предназначенные для хранения зерна, были широко распространены в Северном Причерноморье¹.

Яма заполнена плотным коричневым суглинком с раковинами мидий, костями и древесными углями. В верхней части ямы встречено большое количество мелких фрагментов амфор и круговых сосудов. На глубине 1,40 м от устья лежало несколько крупных плоских дикарных камней, под которыми характер находок резко изменился.

По-видимому, яма, после того, как перестала использоваться по назначению, была примерно на одну треть единовременна засыпана керамикой.

Рис. 1. Находки из Горгиппии

1—10 — находки из ямы

Найдено большое количество раздавленных сосудов, несколько частично сохранившихся терракотовых статуэток (рис. 1, 1—4), целый боспорский калиптер эллинистического времени² светло-коричневой глины, половина такого же калиптера, сильно коррозированный железный топор (рис. 2, 45), железный наконечник копья (рис. 2, 46), свинцовая пластина, две полностью распавшиеся от коррозии бронзовые монеты, а также множество отдельных фрагментов, из которых в ряде случаев удалось собрать полные профили сосудов.

Найдены разбитая амфора красновато-коричневой глины с блестками и белыми включениями (рис. 1, 10) и дно такой же амфоры, горло синопской амфоры III—II вв. до н. э.³, горло амфоры коричневой глины III—II вв. до н. э. с включениями мелких блесков слюды, пироксена, белых и красноватых частичек (рис. 2, 3), горло амфоры желто-коричневой

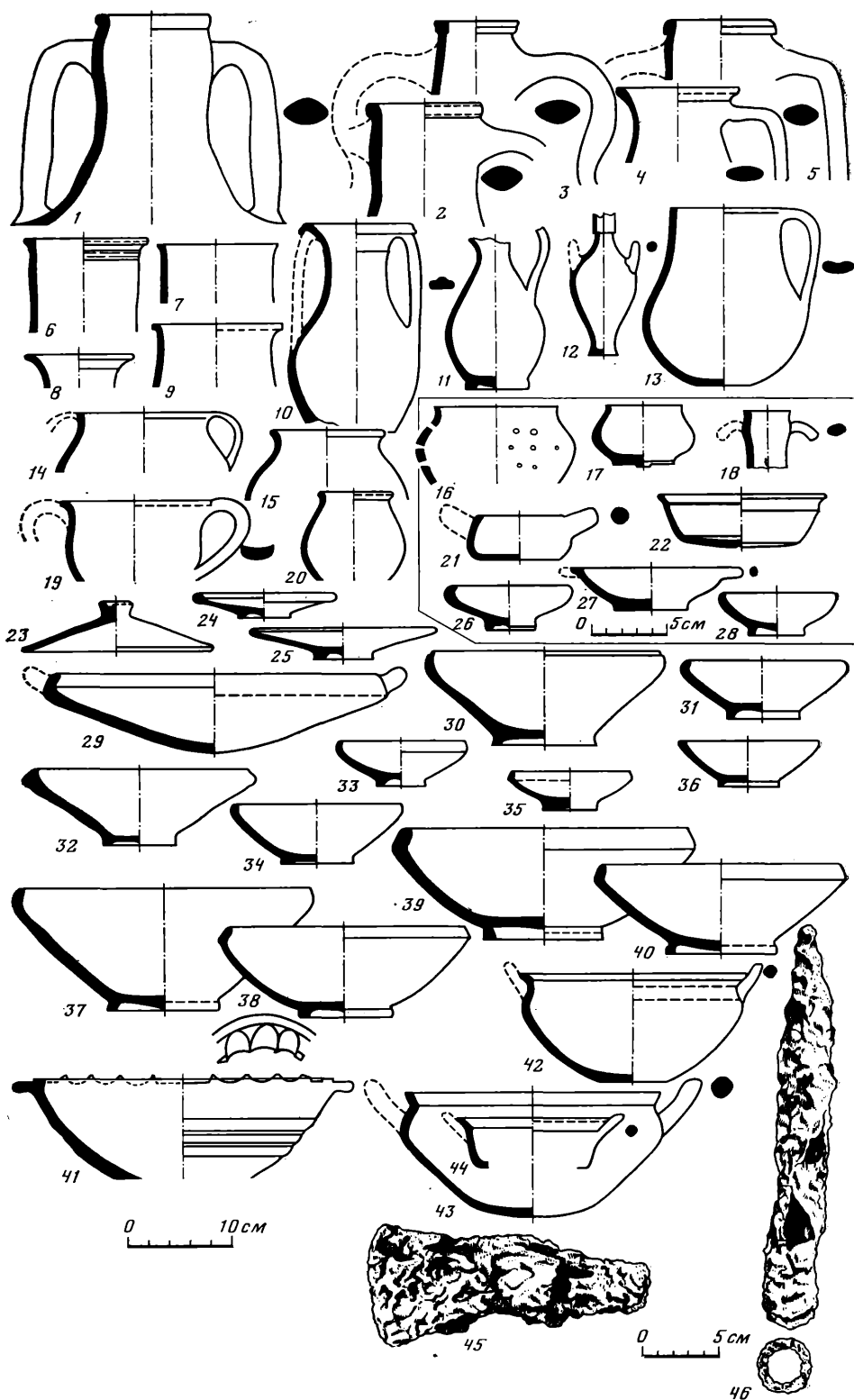

Рис. 2. Формы керамики и металлические изделия из ямы

1—43 — глина; 45, 46 — железо

глины с большим количеством блесок (рис. 2, 2), фрагмент горла амфоры светло-розовой глины с большим количеством красноватых включений и два синопских клейма на ручках амфор⁴, относящихся к VI группе, по классификации Б. Н. Гракова.

ἄ [στύνο] μούνοτος
 Πρωταγόρου
 τοῦ Κυνίου
 *Нфа [iɣ] тios
 (рис. 1, 2)

Ника, идущая вправо с копьем:

ἀστὺν [ομου]
 *Γεγίου τοῦ
 *Αυτλάτρου
 Φίλημων

Герма

Из чернолаковых сосудов интересны фрагментированный канфар (рис. 1, 7) красновато-коричневой глины с большим количеством блесок слюды, покрытый темно-бурым лаком; фрагмент верхней части канфара или кубка (рис. 1, 6) с плоской вертикальной ручкой со схематическими волютами на сгибе, изготовленного из хорошо отмученной розовато-коричневой глины и украшенный орнаментом в виде схематично процарапанной ветви с листьями⁵, нанесенными жидкой глиной между врезными поясками. Оба канфара являются, вероятней всего, продукцией пергамских мастерских и датируются концом III—II вв. до н. э.⁶ Кроме того, имелись дно большого чернолакового сосуда и ножка канфара с граффити, покрытая красновато-коричневым светлым лаком, миска⁷ тонкой светлой глины с незначительными черными включениями (рис. 1, 9), покрытая красновато-бурым лаком.

Среди нескольких терракотовых статуэток, изготовленных из хорошо отмученной глины с множеством мельчайших блесок и некоторым количеством белых включений, наиболее крупной была фрагментированная терракота, изображающая Афродиту, сидящую в раскрытой раковине (рис. 1, 2)⁸; другая сплошная статуэтка со следами темно-бордовой краски изображает сидящую Кибелу (рис. 1, 3, 4); две фрагментированные односторонних статуэтки воспроизводят сидящую на троне богиню с чашей в правой руке (рис. 1, 1)⁹; интересны два фрагмента терракотовой чашечки цветка (рис. 1, 5). В. И. Денисова трактует подобные как завершающие части полуфигур-курильниц¹⁰, но не исключено, что данные фрагменты могли быть частями подставок терракотовых статуэток.

В засыпи ямы преобладает столовая и кухонная посуда, изготовленная на гончарном круге. Для глины большинства сосудов характерно наличие множества мелких блесок, частичек извести, красноватых и черных включений в разных пропорциях.

Наиболее широко представлены фрагменты мисок на кольцевых поддонах (не менее чем от 27 различных мисок). Удалось собрать 5 целых экземпляров, для 10 был получен полный профиль.

Большинство мисок — бежевой глины, отдельные экземпляры — оранжевой, одна средних размеров миска (рис. 2, 36) покрыта светло-серым ангобом, несколько светлоглиняных мисок имеют красное покрытие изнутри и частично снаружи (рис. 2, 32) или только снаружи (рис. 2, 31).

Одни миски — массивные (рис. 2, 37, 39), другие, тоже толстостенные, — средних размеров с очень незначительно выделенным венчиком (рис. 2, 30, 38, 40). Еще одна группа мисок средних размеров имеет менее толстые стенки и прямые (рис. 2, 34, 36) или плавно загнутые вовнутрь (рис. 2, 31) края. Из нескольких совсем маленьких мисочек на кольцевых поддонах (рис. 2, 26, 33) одна имеет следы лощения (рис. 2, 28), одна из мисочек плоскодонная (рис. 2, 35). Все кастрюли, извлеченные из ямы, сделаны из коричневатато-бежевой грубозернистой глины. Одна из них (рис. 2, 43) — массивная круглодонная, вторая (рис. 2, 42) — со следами лощения, плоскодонная, от третьей (рис. 2, 44) сохранилась только верхняя часть.

Аналогии подобным мискам и кастрюлям мы находим как на Боспоре, так и в Ольвии в комплексах и слоях, датированных III—II вв. до н. э.¹¹

Следующую, также многочисленную группу составляют фрагменты изготовленных на гончарном круге горшков и кувшинов. Они дают представление о большом многообразии форм. Из тонкой бежевой глины, насыщенной мелкими блестками, изготовлены кувшин на кольцевом поддоне с витой ручкой (рис. 1, 8), какие были широко распространены на Боспоре во II в. до н. э.¹², пелика (рис. 2, 10), плоскодонный кувшин с широким туловом (рис. 2, 13), верхняя часть такого же кувшина, горло флакона, верхняя часть небольшого горшочка (рис. 2, 20) и горло кувшина (рис. 2, 8). Миниатюрная ойнахоя с высоко поднятой над венчиком ручкой (рис. 2, 11), рыхлой оранжевой глины с огромным количеством мельчайших слюдяных блесков. Из такой же, только более плотной по консистенции глины, изготовлены флакон с двумя горизонтальными ручками (рис. 2, 12), горло амфориска (рис. 2, 18) и верхняя часть небольшого двуручного сосуда (рис. 2, 19)¹³; горло большого двуручного кувшина (рис. 2, 5), отдельные фрагменты горл различных кувшинов (рис. 2, 4, 6, 7, 9) и верхняя часть двуручного сосуда (рис. 2, 14) изготовлены из глины коричневого цвета с блестками. Из такой же, только более грубой глины сделана верхняя часть горшка (рис. 2, 15).

Найдены также часть лутерия из синопской глины с орнаментом в виде ов по краю (рис. 2, 41)¹⁴, большое круглодонное блюдо с двумя маленькими ручками (рис. 2, 29) бежевой глины с большим количеством мельчайших блесков, две тарелки на кольцевых поддонах (рис. 2, 24, 25), небольшая плоскодонная двуручная мисочка хорошо отмытой глины бежевого оттенка (рис. 2, 27)¹⁵, плоскодонная мисочка с выступом для крышки (рис. 2, 22)¹⁶ оранжевой тонкой глины, из такой же глины плоскодонная чашечка с двумя круглыми в сечении ручками (рис. 2, 21), керамическая крышка (рис. 2, 23), верхняя часть небольшого горшочка-курильницы (рис. 2, 16), миниатюрный горшочек (рис. 2, 17)¹⁷, подставка или ножка сосуда, большой сильнофрагментированный лепной горшок, несколько обломков рыбных блюд, обожженное пирамидальное грузило и часть такого же грузила.

Исходя из перечисленных находок, датированных III—II вв. до н. э., и учитывая, что наиболее позднюю достаточно точную дату для всего комплекса дают приведенные выше синопские клейма VI хронологической группы, время засыпки ямы следует отнести к середине — второй половине II в. до н. э.

Керамика в основном местного производства и дает представление об одновременном бытовании в Горгиипии большого количества различных керамических форм, большинство которых было широко распространено в конце III—II вв. до н. э. на всей территории Северного Причерноморья¹⁸.

¹ *Зест И. Б.* Земляные зернохранилища Пантикапея//КСИИМК. 1948. Вып. XXIII. С. 80—83. Рис. 41; *Блаватский В. Д.* Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1952. С. 132, 133; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.//МИА. 1952. № 24. С. 146. Рис. 21; *Карасев А. Н.* Раскопки Неаполя Скифского//КСИИМК. 1951. Вып. XXXVII. С. 165. Рис. 546.

² Керамическое производство и античные керамические строительные материалы//САИ. 1966. Вып. Г1—20. Табл. 41, 5.

³ *Зест И. Б.* Керамическая тара Боспора//МИА. 1961. № 83. Табл. XIII, 296.

⁴ Рукопись, 10SPE, III, № 7140 и 4303. Рукопись хранится в архиве ИА АН

СССР. Д. Р—2, 2189—2198; *Придик Е. М.* Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках и на черепицах Эрмитажного собрания. Пг., 1917. С. 139. № 11. Табл. XIV, 7.

Во вводных очерках к разделу о синопских клеймах в 10SPE, III (с. 24) Б. Н. Граков относит V и VI группы синопских керамических клейм ко времени после 184 г. до н. э. См. также: *Брашинский И. Б.* Экономические связи Синоп в IV—II вв. до н. э.//Античный город. М., 1963. С. 133.

⁵ *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма//СА. 1949. XI. С. 273. Рис. 1, 4.

⁶ *Книпович Т. Н.* К вопросу о торговых

- сншениях... С. 275, 277. Рис. 6, 4; *Парович-Пешикян М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. Киев, 1974. С. 77, 80, 85.
- ⁷ *Левы Е. И.* Керамический комплекс III—II вв. до н. э. из раскопок Ольвийской агоры//Ольвия. Теменос и Агора. М.; Л., 1964. С. 256. Рис. 18, 2, 3.
- ⁸ Верхняя часть такой же терракоты хранится в Анапском историко-археологическом музее, инв. № 7899.
- Целая подобная статуэтка найдена в Калос-Лимене//САИ. 1970. Вып. Г1—11, ч. II. Табл. 1, 3.
- ⁹ Подобные статуэтки были широко распространены на Боспоре. См., например, терракотовые статуэтки (САИ. 1974. Вып. Г1—11, ч. IV. Табл. 9, 1); *Сокольский Н. И.* Таманский Толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. Рис. 57, 2, 3.
- ¹⁰ *Денисова В. И.* Коропластика Боспора. Л., 1981. С. 35. Табл. VII, 3. Н.
- ¹¹ *Парович-Пешикян М.* Некрополь Ольвии... С. 86. Рис. 82, 4, 5; *Усачева О. Н.* Рельефная керамика из Кеп//КСИА. 1978. Вып. 156. Рис. 2, 11; 3, 13, 17; *Сокольский Н. И.* Таманский Толос... Рис. 50, 10, 11; *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия в 1935—1938 гг.//МИА. 1952. № 25. С. 202. Рис. 115, 8, 10; *Алексеева Е. М.* Керамический комплекс первой половины III в. до н. э. из Гор-гиппий//КСИА. 1976. Вып. 145. С. 46. Рис. 2, 5.
- ¹² *Усачева О. Н.* Рельефная керамика... Рис. 2, 17; Археология СССР: Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. Табл. LXV, 15; *Сокольский Н. И.* Таманский Толос... Рис. 52, 3; 53, 1.
- ¹³ *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя Фанагории//МИА. 1956. № 57. С. 113. Рис. 3, 4а.
- ¹⁴ *Зеест И. Б., Марченко И. Д.* Некоторые типы толстостенной керамики из Пантикапея//МИА. 1962. № 103. С. 159. Рис. 11.
- ¹⁵ *Гайдукевич В. Ф.* Раскопки Мирмекия... С. 203. Рис. 116, 2.
- ¹⁶ Ср. *Кругликова И. Т.* Ремесленное производство простой керамики Пантикапея//МИА. 1957. № 56. С. 117. Рис. 5, 6; *Усачева О. Н.* Рельефная керамика... Рис. 3, 9; *Алексеева Е. М.* Керамический комплекс... Рис. 3, 11.
- ¹⁷ Ср.: *Сокольский Н. И.* Таманский Толос... Рис. 48, 1, 6.; *Марченко И. Д.* Раскопки восточного некрополя... С. 113. Рис. 3, 4в.
- ¹⁸ См., например: *Кругликова И. Т.* Ремесленное производство...; *Парович-Пешикян М.* Некрополь Ольвии...; *Книпович Т. Н.* Керамика местного производства из раскопа «И»//Ольвия. Киев, 1940. Т. I.

Т. М. АРСЕНЬЕВА, С. А. НАУМЕНКО

РАСКОПКИ ТАНАИСА В 1981—1984 гг.

Нижне-Донская экспедиция Института археологии и Ростовского областного музея краеведения постоянно проводит раскопки древнего Танаиса. В последние полевые сезоны в 1981—1984 гг. работы проводились на территории основного четырехугольника и на отдельных участках некрополя ввиду его разрушения и застройки¹. На городище работы по-прежнему были сосредоточены на трех участках, на раскопах IV, VI и XIV².

Раскопы VI и XIV к настоящему времени образуют единый вытянутый с запада на восток раскоп длиной 155 м и шириной до 26 м (рис. 1). Раскопки велись в последние годы главным образом на восточном участке раскопа VI, у южного борта того же раскопа в западной его части и вдоль северного и восточного бортов раскопа XIV. В результате этих исследований были получены новые данные по планировке города II — первой половины III в. н. э. Теперь раскрыто пять меридиональных переулков, деливших эту часть города на четыре квартала. Длина кварталов с запада на восток различна. Самый длинный западный квартал I, его протяженность 53 м, остальные три имеют длину 23—26 м.

На стыке раскопов VI и XIV расчищен в длину на 22 м переулок 3. В отличие от других меридиональных переулков, ориентированных почти строго в направлении север—юг, переулок 3 имеет направление северо-северо-восток — юго-юго-запад. Полотно переулка ограничивали бордюры из плоских плит, положенных или прямо на материк, или на глинистый раствор, или на подмостку из мелких камней в зависимости от уровня полотна переулка. Само полотно состояло из грунта с мелкой щебенкой и обломков амфор. В основном это были обломки амфор с дву-

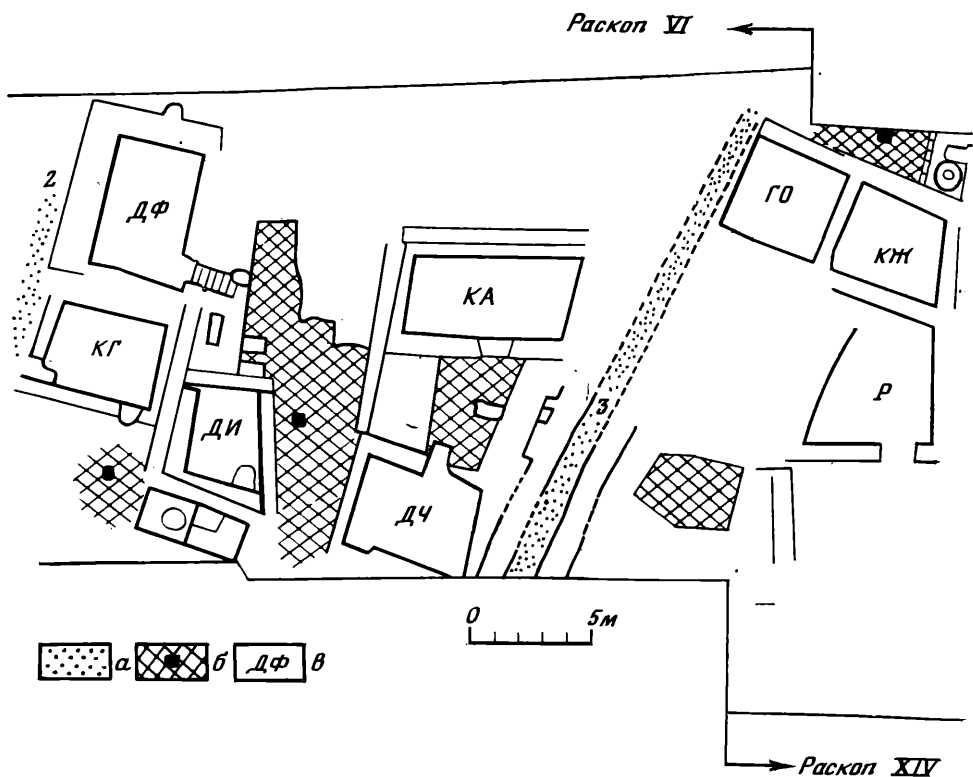

Рис. 1. План городских кварталов II—III вв. н. э., раскопы VI (восточная часть, западную часть раскопа см.: КСИА. 1975. Вып. 143. С. 41. Рис. 3; КСИА. 1983. Вып. 174. С. 101. Рис. 1) и XIV:

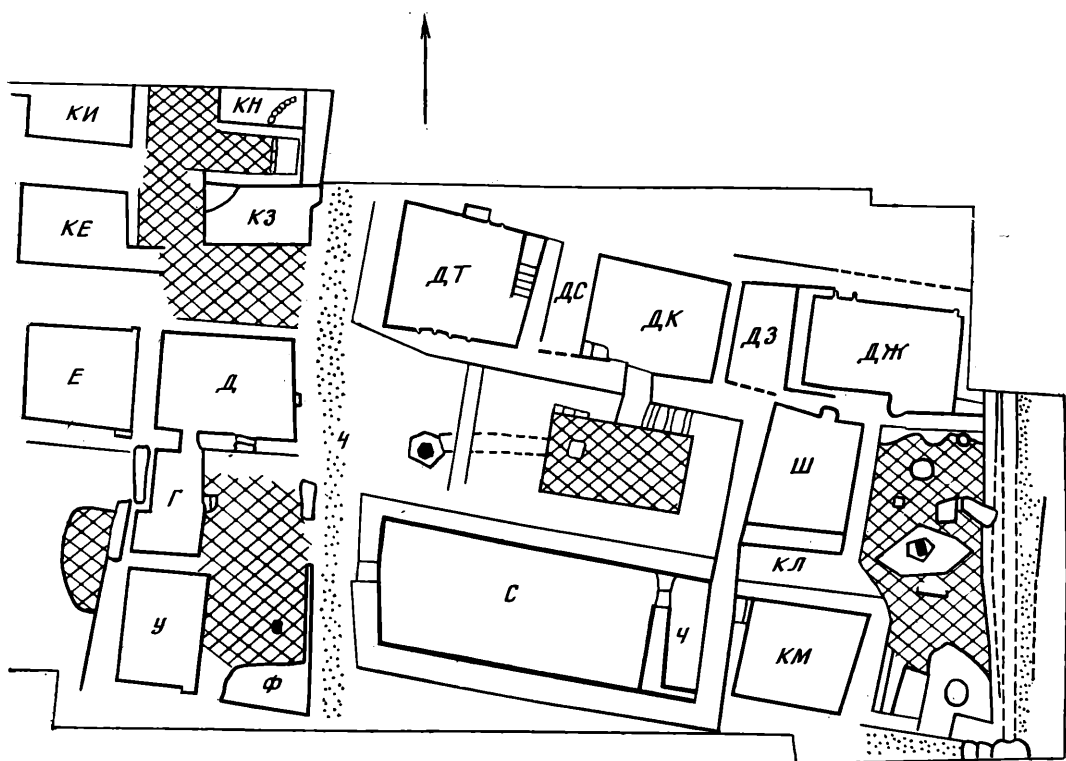
а — переулок; б — мощный дворик с цистерной; в — помещение

ствольными ручками и светлоглиняных узкогорлых амфор I в. н. э.³ В нижнем слое встречались обломки родосских амфор. Общая ширина переулка 3 м. Местами переулок сильно разрушен ямами и постройками IV—V вв. н. э.

Еще один переулок 5 был раскопан вдоль восточного борта раскопа XIV. Он исследован в длину на 14 м, имеет уклон к югу, что связано с общим понижением города в этом направлении. Ширина переулка также около 3 м.

В юго-западной части раскопа VI были продолжены работы по исследованию широтной улицы⁴. Здесь она в значительной мере пострадала от построек IV—V вв. н. э., которые располагались не только вдоль улицы, но и заходили на ее полотно. Эти помещения небольшие и довольно плохой сохранности. Среди находок, обычных для этого периода жизни города, отметим бронзовый амулет в виде человеческой фигурки⁵.

На восточном участке раскопа VI исследования проводились во втором квартале между 2 и 3 переулками, где раскапывались усадьбы II—III вв. н. э. Интересно помещение ДФ, от которого сохранились не только подвал, но и наземная часть. Помещение тыльной стороной примыкает к переулку 2. Площадь наземной части помещения на 10 кв. м больше площади подвала. Стены и пол наземного помещения обмазаны глиной, в северной стене в нише был сооружен очаг каминного типа, сильно разрушенный. Вдоль северной стены на полу обнаружена разная столовая и кухонная посуда: сероошенная корчага, миски, кувшины, лепные чаши, светильники. Особо следует отметить находку узкогорлой одноручной амфорки (рис. 2, 3). Обнаружены и две монеты Савромата III и Ининфимея. В подвальном помещении интерес пред-

ставляет вход с каменной лестницей. Стены входа выложены камнем и имеют вертикальные и горизонтальные пазы для деревянных балок, дополнительно укреплявших лестницу. Основная масса находок в подвале — обломки узкогорлых светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э., упавших из наземного помещения (всего около 200 амфор). Они были обнаружены в верхней части подвала среди завала камней, на полу подвала фрагменты амфор отсутствовали — очевидно, к моменту разрушения в середине III в. н. э. подвал был почти пуст. Следует отметить только одну находку, сделанную на полу, — бронзовую миниатюрную подвеску в виде фигурки богини Тихе⁶.

Южнее помещения ДФ исследовался подвал КГ с выходом на юг во дворик, от которого сохранилась лишь небольшая часть вымостки с цистерной. Площадь подвала 13,5 кв. м. Особый интерес представляет облицовка восточной стены подвала большими каменными плитами. Такие облицовки уже неоднократно встречались в Танаисе⁷, однако в данном случае облицовка имеет более сложную, чем обычно, структуру. Она состоит из двух панцирей, внутренний панцирь сделан из крепившихся к стене с помощью глиняного раствора крупных фрагментов красноглиняных амфор и плоских каменных плит, внешний образован четырьмя поставленными на ребро плитами. Зазор между панцирями 0,15—0,2 м заполнен глиной и грунтом. На полу подвала среди обуглившихся деревянных балок и досок было обнаружено горелое зерно проса, очевидно хранившееся до пожара в ящике. Вдоль стен стояли амфоры: 10 больших красноглиняных с надписями красной краской на горлах и плечиках и узкогорлые светлоглиняные первой половины III в. н. э., там же лежали и глиняные плохо обожженные лепные грузила. Среди находок железных предметов отметим кольцо со стержнем, крепившееся к стене и ножные кандалы с замком, короткой цепью и ключом к ним.

Восточнее подвала КГ открыто наземное помещение ДИ, на полу которого находилось множество керамики. Это и амфоры (рис. 2, 1), и лепные, и кружальные сосуды. Здесь же найдены боспорский сестерций первой половины II в. н. э. и двойной денарий Савромата II. Помещение

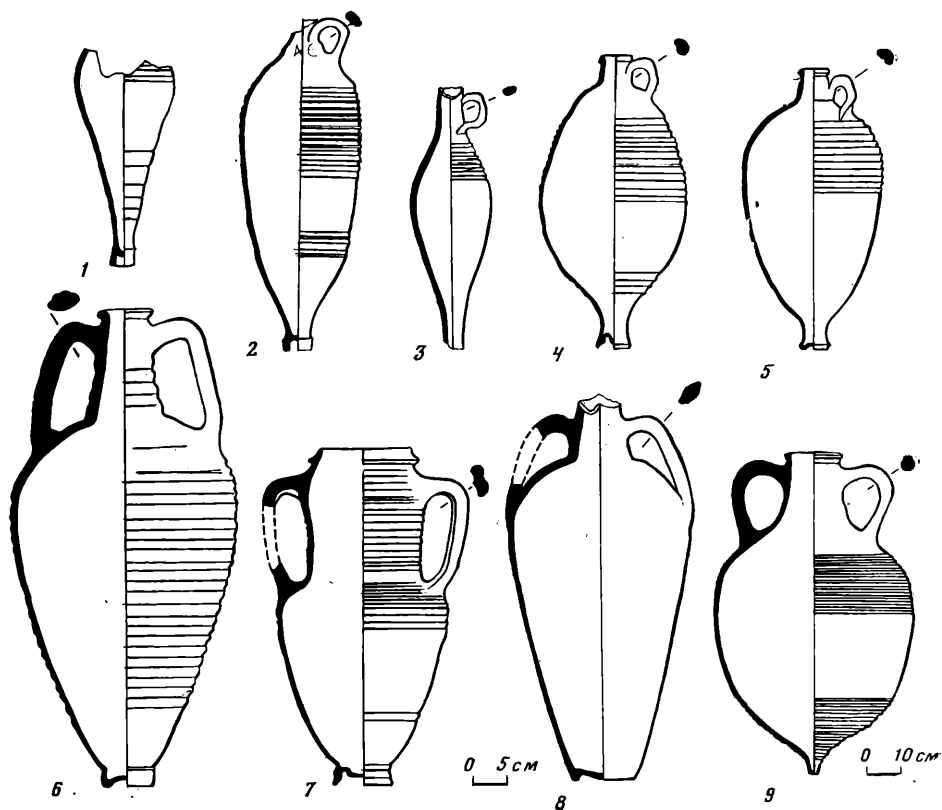

Рис. 2. Амфоры из помещений, разрушенных в середине III в. н. э. (1—9)

было сооружено на засыпи подвала II в. н. э., который пока не расчищался.

Восточнее помещений ДФ, КГ и ДИ раскрыта большая вымостка, располагавшаяся между усадьбами; ее камни подходят к их стенам. Длина вымостки около 13 м, ширина от 2,7 до 5 м. В центре ее находились скрытая плитами цистерна и водосток.

К востоку от вымостки исследована еще одна усадьба площадью около 100 кв. м. С севера, востока и запада усадьба окружена стенами-оградами. Она состоит из двух симметрично расположенных помещений, от которых сохранились только подвалы КА и ДЧ, и внутреннего двора с центральной частью, вымощенной плитами. Подвал КА, очевидно, был заброшен и завален камнями еще до гибели города в середине III в. н. э.⁸ Во дворе открыты остатки печи, зернотерки, пифос, лепные грузила. Интерес представляет находка лепной глиняной поделки с округлым углублением в центре, в которое вмазано дно стеклянного сосуда⁹. Подвал ДЧ еще не исследован, он выявлен только в плане.

На раскопе XIV исследования велись в северной части третьего квартала между 3 и 4 переулками. Уровень дневной поверхности этой части квартала значительно выше других участков. Раскрытые здесь помещения ГО и КЖ являются частью одной усадьбы, они примыкают с севера к дворику с вымосткой и цистерной посередине. Двор с востока ограничен бордюром, за которым находилось маленькое помещение, очевидно хранилище со вкопанным пифосом. Помещение с подвалом КЖ было разрушено в середине III в. н. э. Подвал был завален камнем и кусками обмазки, упавшими из наземного помещения. В нем было открыто свыше 120 глиняных пирамидальных грузил. На полу стояли красноглиняные амфоры, среди которых следует отметить большую амфору с реберчатым туловом, массивным желобчатым венцом и круглыми в се-

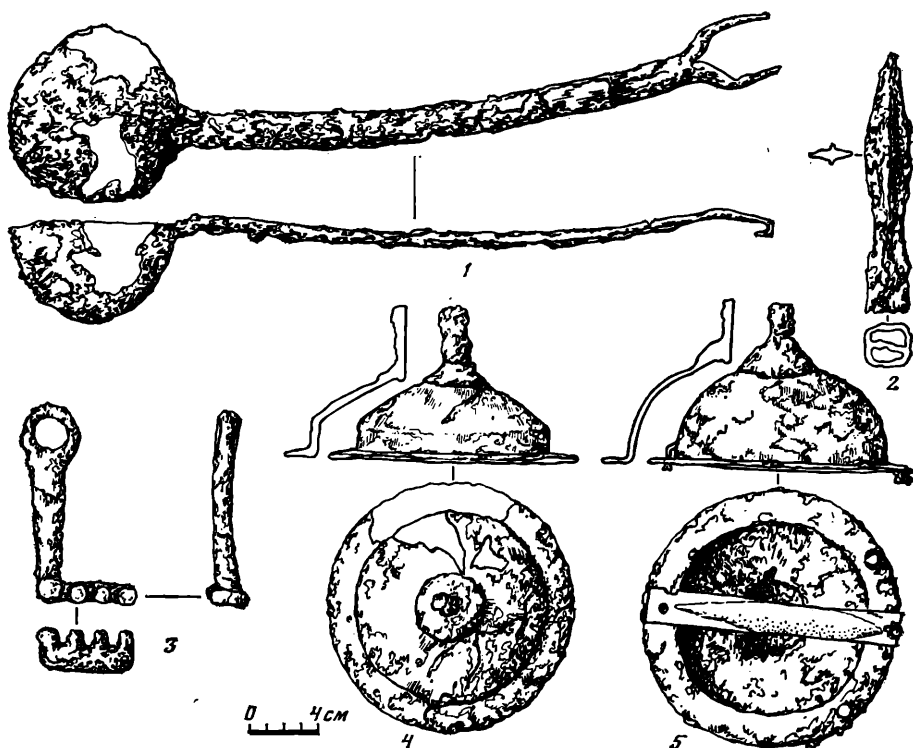

Рис. 3. Изделия из железа

1 — ложка (лячка?); 2 — наконечники копья; 3 — ключ; 4, 5 — умбоны

чени ручками (рис. 2, 9), невысокую амфору с массивным горлом и коротким туловом, покрытую светлым ангобом (рис. 2, 7), маленькую одноручную амфору (рис. 2, 4). В больших амфорах хранилось зерно. Среди прочих находок отметим железный умбон (рис. 3, 5), железный замок со вставленным в него ключом, железную ложку (лячка?) (рис. 3, 1), железные цепи, красноглиняную миску с граффити на дне, железный наконечник копья (рис. 3, 2).

Восточнее описанной усадьбы располагалась еще одна, состоявшая из двух наземных помещений и двух помещений с подвалами, группированными вокруг мощного двора с выходом в переулок 4. Из наземных помещений полностью исследовано КЗ площадью 10 кв. м. В северо-восточном его углу в нише располагался очаг, обложенный камнями. Рядом обнаружены сероглиняный кувшин, светлоглиняная амфора на широком кольцевом поддоне¹⁰ и зернотерка. Наибольший интерес в усадьбе по составу находок представляет помещение КЕ. Среди завала камня и балок перекрытия было обнаружено 232 фрагмента черепицы, грузила пирамидальной формы, краснолаковые миски, светильники и двойной денарий Котиса III. На полу подвала к моменту его гибели находилось около 30 различных амфор и других сосудов (рис. 2, 2, 5). Отметим также находки железного умбона (рис. 2, 4), стеклянной фиалы, глиняных лячек и монет: статера Иненфимея и сестерция Савромата I.

В четвертом квартале доследована одна из самых больших усадеб Танаиса. Центральная часть усадьбы — двор¹¹ прямоугольной формы с ямой-водосборником, имеющий выход на запад, на небольшой пустырь, где находилась цистерна глубиной 4 м. Горловина цистерны выложена камнями, стенки каменные, расширяются ко дну. В цистерне обнаружено 15 светлоглиняных амфор первой половины III в. н. э. Цистерну с ямой-водосборником соединял водосток, который сверху был перекрыт

каменными плитами и слоем суглинка. Вокруг двора располагались помещения. С северной стороны ко двору примыкали помещения с подвалами ДТ, ДК и наземные помещения ДС и ДЗ. Последние, очевидно, служили коридорами. С южной стороны двора находились помещения С и Ч¹². С восточной стороны усадьбу ограждала стена. Почти на всех участках усадьбы заметны следы перестроек, свидетельствующие о том, что усадьба во II в. н. э. имела другую планировку. Под центральной вымосткой двора III в. н. э. прослеживаются остатки более ранней вымостки II в. н. э., раскрыта цистерна II в. н. э.¹³, под водостоком, соединяющим яму-водосборник и цистерну III в. н. э. на пустыре, открыт подвал ДР, засыпанный в конце II или в самом начале III в. н. э. Неоднократные перестройки прослежены в окружающих центральный двор сооружениях. Так, в подвальном помещении ДТ вдоль восточной стены была построена новая лестница, она лежит на остатках культурного слоя III в. н. э. С помощью лестницы подвал соединялся с коридором ДС и через него с соседним подвальным помещением ДК. Второй вход был сооружен в северной стене, он располагался высоко от пола и имел дополнительную деревянную лестницу, закрепляющуюся к столбам, установленным в специально сделанных пазах. Стены подвала имели также пазы для столбовых конструкций. В подвале ДТ обнаружено большое число светлоглиняных узкогорлых амфор первой половины III в. н. э., множество столовой посуды, две свинцовые гири, три лепных амфоровидных сосуда, серооливчатый кувшин с налестками и фигурным сливом, обломок терракотового алтарика с женским торсом и несколько монет. В яме, вскрытой в полу, обнаружена стеклянная чаша.

Подвал ДК имел прекрасно оформленный выход во двор. Форма его Г-образная, стенки каменные, частично сохранились деревянные ступени лестницы. Как и весь подвал, вход был завален камнями и кусками обмазки, упавшими из наземного помещения. На пол подвала упало деревянное перекрытие, под остатками которого обнаружены амфора, два лепных светильника, краснолаковые кубки, кувшинчик с граффити, 42 астрагала и 26 бронзовых бляшек куполовидной формы. На полу лежали 13 красноглиняных амфор, аналогичных амфоре из подвала КЖ (рис. 2, 4, 7, 9), почти все они были пусты. Под полом III в. н. э. частично зачищен пол II в. с небольшим количеством находок.

Последнюю из раскрытых на XIV раскопе усадеб с востока ограждал переулок 5. Усадьбу составляли помещения ДЖ и КМ с подвалами, коридор КЛ, наземное помещение Ш большой выложенный каменными плитами двор с цистерной, пифосом и комплексом ям.

Подвал ДЖ, над которым почти не сохранилось наземное помещение, носит следы перестроек. В его стенах были также сооружены пазы для столбов, перекрытые глиняной обмазкой и сохранившие в некоторых случаях бревно диаметром до 0,18 м. В момент гибели города подвал был, очевидно, пуст, так как на его полу ничего не было обнаружено. В засыпи открыты обычные для танаисских комплексов середины III в. н. э. предметы быта, столовая посуда и амфоры.

Помещение Ш, видимо, служило кухней. В нем были раскрыты две печи, очаг и зольные и хозяйственные ямы. Примечательна печь в юго-западном углу помещения. Она овальная в плане, двухъярусная. Размер печи 1,04×1,34 м. Нижний ярус состоял из трех отсеков: центрального и двух боковых. Центральное помещение — топка отделялась от боковых отсеков сырцовыми плитами, стоящими на ребре.

В центре северного отсека стояло горло красноглиняной амфоры, перекрытое сверху каменной плитой. Оно служило опорой для перекрытия нижнего яруса печи. Плита перекрытия являлась одновременно подом верхнего яруса. Стенки нижнего яруса печи вертикальны, в верхнем они образуют свод. В развале сырца встречен сырцовый столбик, очевидно, поддерживавший свод. Здесь же обнаружены и сырцовые противни с бортиком толщиной от 2 до 5 см. В северной стене помещения была открыта ниша, заполненная костями овцы и коровы; возможно, ниша слу-

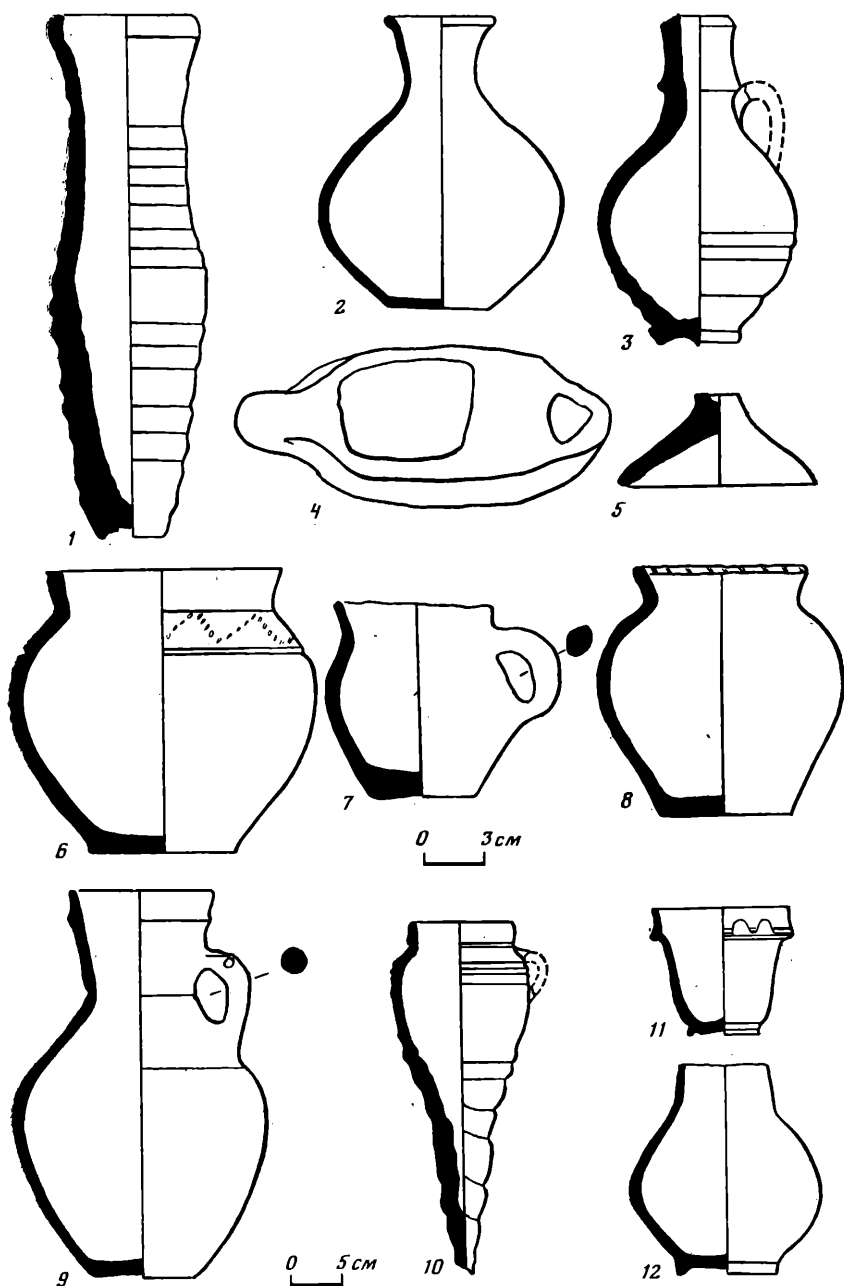

Рис. 4. Керамика из помещения ДМ конца IV — начала V в. н. э. (1—12)

жила хранилищем мяса. На полу были найдены две зернотерки, красноглиняная амфора, аналогичная найденной в помещении ДИ (рис. 2, 1), красноглиняный кувшин с ангобом, лепные горшки.

В подвале КМ особенно сильны следы бушевавшего здесь пожара. Стены и перекрытия наземного помещения рухнули. Камни и обмазка со стен смешались, спеклись в единую твердую массу, керамика сильно деформировалась, обгоревшие железные предметы с трудом поддаются реставрации. На полу подвала стояли красноглиняные амфоры двух типов. Восемь из них были наполнены зерном твердой пшеницы и ржи. В одной было рыхлое, мягкое содержимое серо-коричневого цвета. Одна амфора была закрыта глиняной пробкой. Среди других находок отме-

тим три сероглиняные миски с ручками, свинцовый предмет, расплавившийся при пожаре, фрагмент железной мотыжки, ключ (рис. 3, 3), задвижку и обломок железного замка, фрагмент терракоты (нижняя часть сидящей фигуры в длинном одеянии).

Хозяйственный двор, открытый восточнее этого помещения, имел два строительных периода. С востока и юга его ограничивали стены-ограды. В южной стене был проход, ведущий, очевидно, на широтную улицу. Во дворе имелся крытый навес, перекрывавший проход, далее располагалась хозяйственная часть двора. На ней открыто 8 ям различного назначения: зольные ямы и цистерны для воды. В южной части двора был вкопан пифос.

В IV—V вв. территория усадьбы была застроена. К сожалению, жилища этого времени сильно пострадали от позднейшей выборки камня. Все же возможно было проследить два строительных периода, как и на других участках города. Особый интерес среди этих помещений представляет небольшое жилище или, скорее, кладовая (помещение ДМ), относящаяся к последнему строительному периоду. Площадь его 5,5 кв. м. На полу помещения были открыты деревянные балки и остатки плаха, очевидно, от упавшей полки. Обнаружено свыше 30 различных сосудов. Это красноглиняная амфора с ребристым туловом и округлым дном и различные гончарные и лепные сосуды (рис. 4, 1—12). Наиболее многочисленна группа лепных сосудов: горшки простых форм, иногда орнаментированные, острореберные миски, огромная корчага с вертикальными ручками, кувшины, кубок, светильник.

На раскопе IV, в юго-западном углу городища, работы проводились на нескольких участках. К западу от оборонительной стены исследовались ранние постройки до полемоновского разгрома города, подходившие к оборонительной линии. Расшищались дальше на восток южные оборонительные сооружения, составленные из двух стен и датированные II—первой половиной III в. н. э. Внутри городских стен открыт комплекс помещений и двор с глубокой цистерной.

Среди древностей некрополя наибольший интерес представляют погребения грунтового могильника, открытые к западу от музея «Танаис» на территории его усадьбы. Погребения относятся к последнему периоду жизни города, могил этого времени в Танаисе открыто сравнительно немного, и новые материалы позволяют уточнить черты погребального обряда конца IV — начала V в. н. э.

¹ В работах экспедиции в разные годы принимали участие Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко, Л. М. Казакова, Б. Бетгер, Л. Н. Гречанова, Г. Г. Бандиленко, В. К. Гугуев, М. М. Урусова и др.

² Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг. // КСИА. 1983. Вып. 174.

³ Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры: Классификация и хронология // КСИА. 1978. Вып. 156. С. 17, 18. Рис. 1—5.

⁴ Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг. С. 101. Рис. 1, 2, 6.

⁵ Шелов Д. Б. Антропоморфный амулет из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 241.

⁶ Арсеньева Т. М. Работа Нижне-Донской экспедиции // АО 1983 г. М., 1985.

⁷ Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса в 1973—1976 гг. // КСИА. Вып. 156. С. 98.

⁸ Арсеньева Т. М. Литейные формы для отливки зеркал из Танаиса // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984. С. 22. Рис. 2, 1, 2.

⁹ Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг. С. 103.

¹⁰ См. такую амфору: Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. С. 19. Рис. 8.

¹¹ Арсеньева Т. М. Нижне-Донская экспедиция // АО 1981 г. М., 1983. С. 108.

¹² Арсеньева Т. М. Раскопки Танаиса в 1977—1980 гг. С. 106. Рис. 1, 2.

¹³ Там же. С. 103. Рис. 4, 1—2.

КРОВЕЛЬНАЯ ЧЕРЕПИЦА ПЕРВЫХ ВЕКОВ НАШЕЙ ЭРЫ ИЗ ТАНАЙСА

Кровельная черепица — один из широко распространенных в боспорских городах видов керамических строительных материалов, производство которой было организовано государством и контролировалось им. Использовалась и привозная продукция¹. Если формы и стандарты эллинистической черепицы известны достаточно хорошо, то черепице первых веков нашей эры уделялось меньше внимания.

В Танаисе черепица использовалась гораздо меньше, чем в других городах Боспора. Основная часть зданий здесь имела крыши с глиняно-камышовым покрытием. Обломков черепиц в Танаисе найдено немногим более 3 тыс. Особенно увеличилось число находок черепицы за последние десять-двенадцать лет в ходе исследований помещений в центральной части городища (раскоп XIV), погибших в середине III в. Взаимное расположение плоских черепиц, калиптеров и деревянных перекрытий проследить не удалось, так как они в основном найдены в завалах наземных помещений, рухнувших в подвалы и смешавшихся там с разрушенными подвальными стенами и конструкциями. В настоящее время коллекции целых форм черепицы из раскопа XIV с учетом реконструированных на основе крупных фрагментов насчитывает 46 экз., среди них 21 целая плоская черепица, 5 целых калиптеров². Это дает возможность выделить типы плоских черепиц и калиптеров, имевших распространение в Танаисе в III в. Так как в городе своего черепичного производства не было и он пользовался привозной продукцией, полученные данные в какой-то мере отражают общую картину, характерную для Боспора в целом, и позволяют внести уточнения в вопрос о существующих здесь стандартах и вариантах форм.

Плоские черепицы представлены четырьмя типами.

Тип I (13 целых экз., 4 половины) является обычным типом желобчатых черепиц первых веков нашей эры, которые почти без изменений повторяют форму синопских эллинистических черепиц с плавно срезанными бортами на верхних концах (рис. 1, а, б). Они достаточно известны на территории Боспора и Северного Причерноморья³. В Танаисе их размеры стандартны: 50(51) × 37(38) см и 48 × 36 см (3 экз.). Внешняя желобчатая поверхность покрыта ангобом красновато-коричневого или бурого цвета. В некоторых случаях наблюдается его двойное нанесение: сначала кремовато-розоватое покрытие, затем бурая краска. Обратная сторона ровная, иногда слегка вогнута, шероховатая, с большим количеством прилипшего песка со дна формы. У большинства черепиц борта заглажены, ангобированы, некоторые в верхних частях скруглены. Часто посередине по их внешней стороне отмечаются продольные желобки, один или два, иногда выраженные нечетко. В ряде случаев такие желобки присутствуют только на одном борту. Почти на всех экземплярах верхние поперечные края имеют незначительно поднимающиеся над плоскостью валики или закраины, которые в большинстве случаев подчеркнуты либо параллельным желобком, либо поясом из двух-трех таких желобков, доходящих до уступов. Иногда указанный пояс заменен заглаживанием шпателем, параллельным краю. Противоположный, нижний край, как правило, ровный, иногда слегка приподнят или прогнут. В трех случаях прослеживаются слабые бортики-закраины, в двух — пояса желобков. Уступы всегда заглажены шпателем-щепкой в продольном направлении и лишь единственный раз — в поперечном.

У большинства черепиц этого типа — характерная боспорская глина с примесью крупнодробленого шамота. Только в двух случаях она иная:

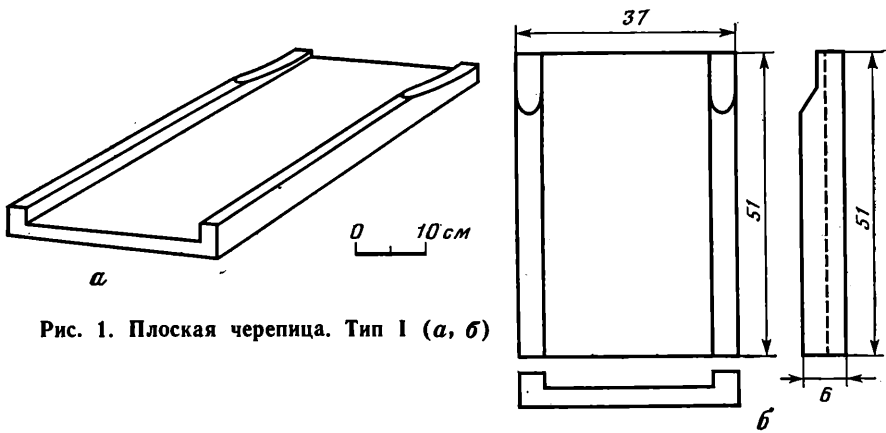

Рис. 1. Плоская черепица. Тип I (а, б)

оранжевая, плотная, хорошо отмученная, с примесью мелкого кварцевого песка и темно-охристая, местами оранжевая, плотная, с примесью мелкого песка и известковистых вкраплений. В этой группе черепиц встречаются экземпляры с более тщательной обработкой внешней лицевой поверхности, лучше отожженные и более легкие. Отдельные экземпляры, наоборот, отличаются значительной грубостью и более тяжеловесны.

Форма и глина данного типа черепиц говорит об их боспорском происхождении. Они представлены образцами продукции, вышедшей из нескольких мастерских — видимо, пантикапейских и его ближайшей округи. Два экземпляра, имеющие отличную от остальных глину, видимо, могут быть отнесены к производству других центров в пределах Боспора. При общности формы они отличаются размерами⁴. Черепицы, аналогичные по величине танаисским, встречены в Фанагори и Тиритаке⁵. Такие же размеры имеет один из вариантов первого типа херсонесских черепиц⁶, но на их внешней поверхности нет желобков. Экземпляры меньшего размера близки черепицам из Тиритаки⁷ и Ольвии⁸.

Тип II — синопская черепица (7 целых экз., 14 половинок). Для черепицы этого типа характерно специальное сужение нижних концов с помощью подпрямоугольных выемок с внешних боковых сторон бортов. На верхних концах борта не доходят до края на 3—4 см. Срез их вертикально-дугобразный, реже почти вертикальный. Размеры: длина от 51,5 до 57 см; ширина по верхнему краю от 36 до 43 см, по нижнему — 33—37 см; длина сужающих выемок — 7,5—10,5 см. Внешняя сторона хорошо обработана. Желобки, за исключением одного экземпляра, либо отсутствуют совсем, либо слегка намечены. Плоская внутренняя сторона хорошо заглажена. Обе стороны ангобированы. Ангоб кремовато-розоватый. Глина в основном синопская, имеющая разную степень обжига, в связи с чем ее цветовая гамма колеблется от розовато-кремоватых до красноватых тонов. Довольно часто это наблюдается в пределах одной черепицы.

В этой группе выделяются три подтипа, имеющие некоторые отличия в оформлении деталей и размерах (рис. 2).

Подтип А (2 целых экз., 2 половины) с явно выраженным сужением к нижнему концу (рис. 2, а, б). Длина черепицы 57 см, ширина верхнего края — 41—42 см, нижнего — 36—37 см. Борты у верхнего конца не доходят до края на 3 см. Внешняя сторона заглажена, на одном из экземпляров — дугобразно, пальцами, сложенными вместе. Обратная сторона также заглажена, у краев дугобразно, по всей остальной поверхности параллельно бортам. Ангоб нанесен с обеих сторон, несколько отличаясь по цвету. В основном он розовато-кремовый.

Подтип Б (рис. 2, в, г; 4 целых экз., 10 половинок). Черепицы этого типа более узкие (верхний конец 36—37 см, нижний — 32—33 см). Су-

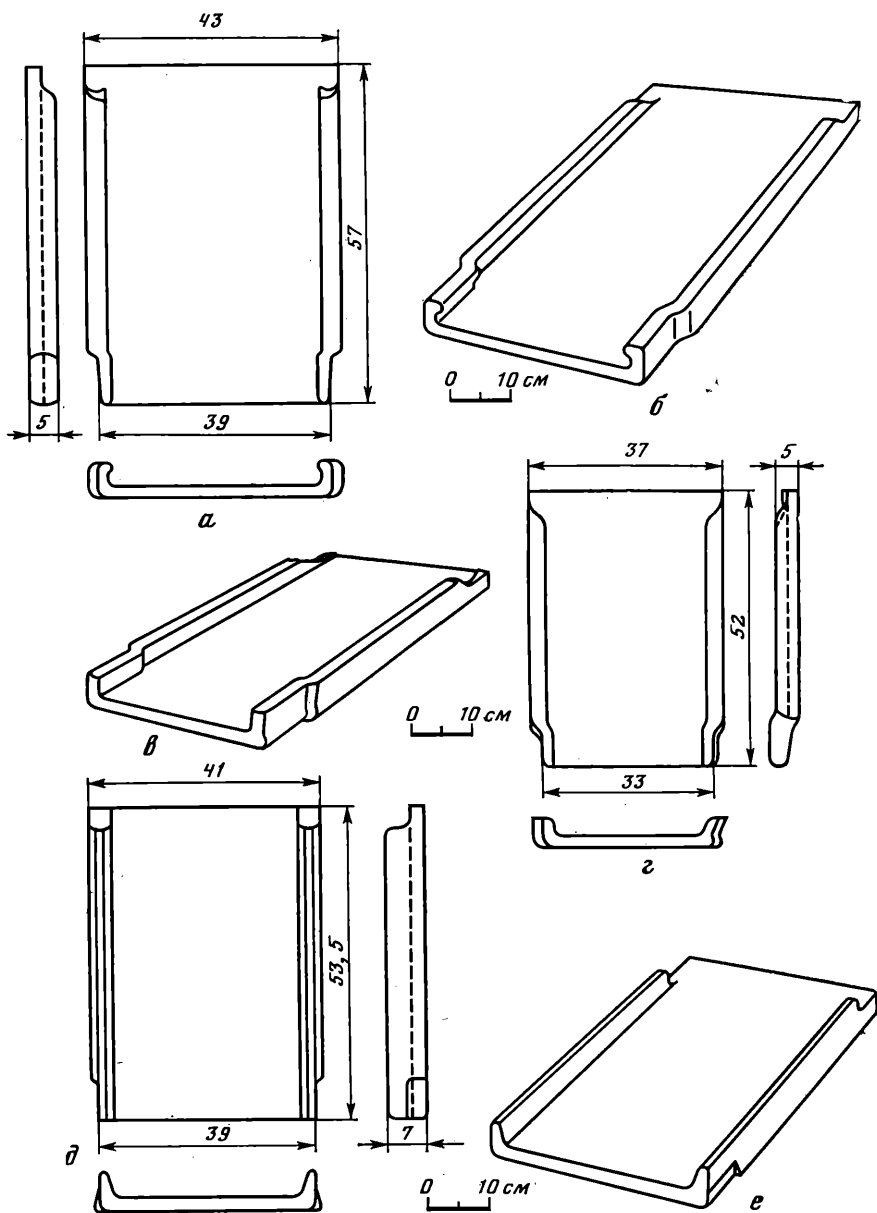

Рис. 2. Плоская черепица. Тип II

а, б — подтип А; в, г — подтип Б; д, е — подтип В

жающие выемки оформлены четко, имеют длину 8 см при обычной ширине в 1,5 см (рис. 2, в, г), данные экземпляры объединены в один подтип с учетом их общей ширины и длины сужающих выемок. Однако длина рассматриваемых экземпляров различна: 51,5—52 см и 56 см. Глина синопская, но с разной степенью обжига и плотностью замеса. Ангобы от красноватых и розоватых тонов до светло-коричневатых. Видимо, черепицы этого подтипа могли быть изготовлены в разных мастерских Синопы и ее округи, но с обязательно выдержанной стандартной шириной.

Подтип В (1 целый экз. 2 половинки) отличается особенностями обработки поверхности, рядом деталей, размерами (рис. 2, д, е). Сужение нижнего конца достигается здесь иным окончанием выемки. Оно начинается в 10 см от края, отмечено слабой выемкой-защипом, поднятой на высоту четырех сантиметров, откуда вверх идет постепенное сужение.

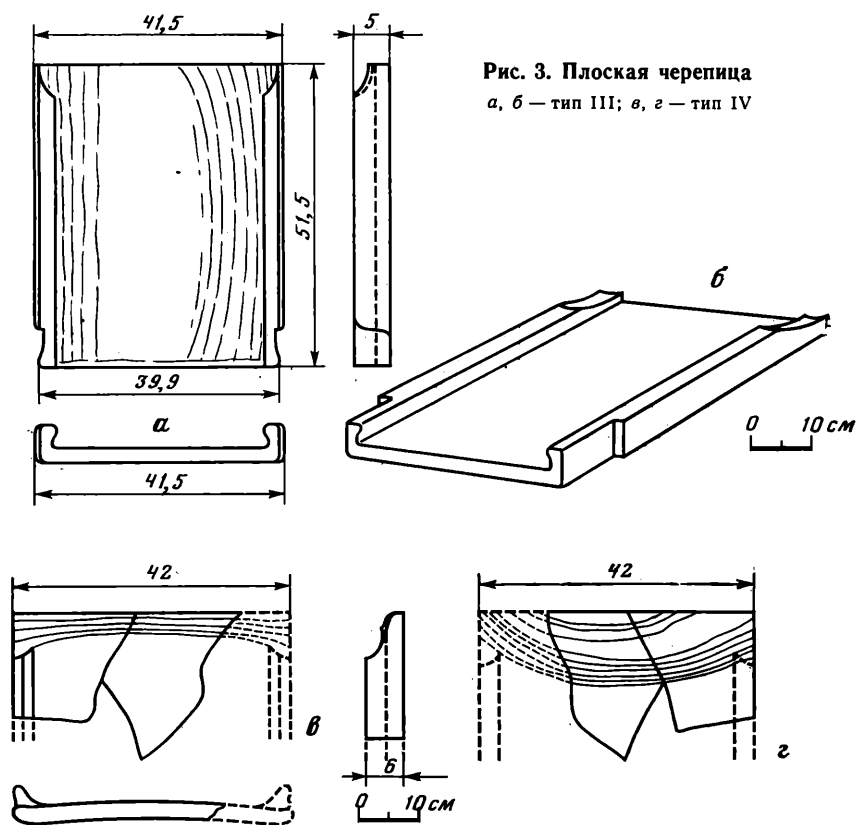

Рис. 3. Плоская черепица

а, б — тип III; в, г — тип IV

борта. В разрезе борта имеют трапециевидно-удлиненную форму, расширяющуюся книзу и слегка отогнуты наружу. Края их скруглены. В верхнем конце они не доходят до края плиты на 4 см и заканчиваются дугообразным, почти вертикальным срезом. На поверхности бортов с обеих сторон желобки. Внешняя поверхность плиты слегка выпуклая. Верхний ее край оформлен закраиной, кое-где переходящей в валик. На всех экземплярах по центру следы продольного заглаживания, переходящего к верхнему краю в арочное. Обратная сторона слегка вогнута, шероховатая, с большим количеством крупнозернистого песка со дна формы.

Синопская черепица встречается во многих городах Боспора⁹ и Северного Причерноморья¹⁰.

Тип III (1 целый экз.) по форме близок к типу II, но с иным оформлением сужающей выемки и концов бортов (рис. 3, а, б). Четко выраженное сужение к нижнему концу плиты достигается за счет дугообразной выемки с внешней стороны бортов шириной до 1 см. Концы бортов постепенно понижаются, плавно переходя в 1,2 см от края в горизонтальную плоскость плиты. На верхнем конце с внешней стороны борта имеют почти полную высоту, а изнутри дугообразный срез не доходит до лицевой поверхности черепицы на 1 см. Заглажен щепкой-шпателем. Внешняя поверхность желобчатая. В центральной части желобки слегка намечены. Ангоб кремовато-розоватый с остатками тонкого слоя бурого покрытия. Обратная сторона шероховатая со следами бурого ангоба. Глина оранжевая, плотная, с большой примесью песка, шамота, выгоревшей растительности. Полной аналогии данному экземпляру нет. Известен фрагмент верхней части черепицы с подобным оформлением бортика из Фанагории¹¹. Однако приведенная реконструкция с особенностями описанного нами типа не совпадает. Судя по глине, внешнему оформлению, данный экземпляр черепицы должен принадлежать одной

из мастерских Боспора, выпускающей продукцию, по форме подражающей синопской, но с местной интерпретацией деталей.

Тип IV представлен лишь частью верхнего края черепицы (рис. 3, в, г). Продольный вертикальный бортик слегка отогнут, скруглен. На конце имеется дугообразный срез длиной в 2 см, переходящий в горизонтальную плоскость плиты. До ее края он не доходит на 3 см. Указанный край подчеркнут слегка выделенным бортиком и параллельным ему поясом из узких линейных желобков. По всей остальной поверхности — заглаживание шпателем-щепкой. Внешняя сторона выпуклая. На обратной вогнутой стороне вдоль края — два пояса дугообразных концентрических вдавлений. Глина плотная, цвета светлой охры. Примесь мелкого песка, мелкодробленого шамота, мелких темных включений, едва заметных при обычном рассмотрении, но хорошо видных в лупу.

Фрагменты аналогичной черепицы, но украшенной одним поясом концентрических вдавлений по внешней, а не обратной стороне, известны из Тире и Херсонеса¹². Однако у этих фрагментов нет вогнутости. Вогнутые черепицы и их фрагменты, также украшенные концентрическими вдавлениями, но без бортиков, встречаются в Тире и Фанагории¹³. Танаисский фрагмент своеобразен тем, что он объединяет признаки двух различных типов — вогнутой черепицы и черепицы с вертикальными бортиками с дугообразными срезами. Учитывая характер глины, орнамента, оформления внешней поверхности, указанный тип, видимо, можно отнести к фанагорийской продукции.

При рассмотрении плоских черепиц из Танаиса обращает на себя внимание ряд деталей, связанных с их изготовлением. На всех черепицах типа I на обратной стороне заметны следы песка, часто крупного, насыпавшегося на дно формы. В двух случаях отчетливо заметны следы мелкокошетчатой ткани с прилипшим песком.

На черепицах типа II прослеживается заглаживание обратной стороны плоским шпателем — продольное и продольно-дугообразное. Ширина шпателя — 6 см. На этой же стороне часто заметны швы, получившиеся при затеке глины между досками формы, что позволяет говорить о размерах досок для ее изготовления. При выемке формы проводилось некоторое исправление полученных дефектов: срезка натеков, подправка плоскости на стыке с бортами, подрезка и выравнивание краев.

Интересна деталь, отмеченная И. Б. Брашинским еще для эллинистических черепиц Ольвии, о нанесении тонкого ангобирующего слоя глины лучшего качества на внешнюю поверхность перед нанесением следующего слоя краски¹⁴. Этот же прием, несколько измененный, прослеживается на черепицах из Танаиса первых веков нашей эры. Почти на всех экземплярах имеется двойное ангобирующее покрытие: сначала светло-кремоватое или розоватое, а затем — бурая краска.

Калиптеры (рис. 4).

Среди 5 целых экз., полукруглых желобчатых калиптеров выделяются два типа.

Тип I (рис. 4, а, б) представлен тремя узкими полукруглыми желобчатыми тонкостенными, легкими калиптерами. Два из них слегка деформированы при обжиге. Широкие концы оформлены валиками. Глина боспорская. Два экземпляра близки по своим размерам: длина 45—48 см, высота 5 и 4,5 см. Третий имеет длину 40 см, высоту концов 5 и 8 см. В глине этого экземпляра отсутствуют известковистые вкрапления.

Калиптеры, видимо, были изготовлены в двух различных мастерских Боспора, но с соблюдением определенных стандартных размеров. Экземпляры, имеющие в глине известковистые вкрапления, имеют сходство с пантикапейскими. Третий экземпляр отличается более тщательным оформлением внешней поверхности, глиной, размерами. Определить место его производства затруднительно.

Тип II (рис. 4, в, г) представлен двумя широкими, толстостенными калиптерами полукруглой формы. Они отличаются грубостью выполнения, тяжелые. Внешняя поверхность желобчатая, но с различной систе-

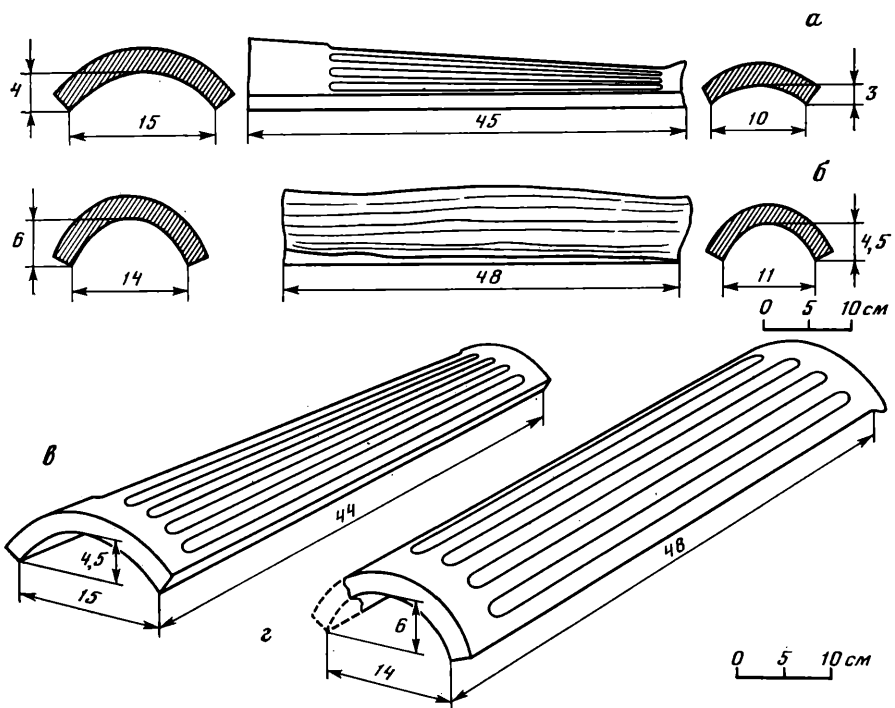

Рис. 4. Калиптеры
а, б — тип I; в, г — тип II

мой нанесения желобков. Они имеют разные размеры и глину. Длина 44 и 48 см, высота 6—8 см.

Судя по глине, один из калиптеров синопский (рис. 4, в). Аналогичный найден в Пантикапее¹⁵. Второй калиптер боспорского производства. По форме он близок пантикапейским и фанагорийским¹⁶, но имеет иные размеры. Близки ему калиптеры из Тиритаки¹⁷.

Среди фрагментов черепиц из XIV раскопа имеются аналогичные описанным. Среди них значительное количество из синопской глины.

Калиптеры рассмотренных типов распространены в это время на Боспоре и в Ольвии¹⁸. Фрагменты калиптеров, аналогичных типу I, известны также в Херсонесе, Хараксе и Тире¹⁹. Танаисские экземпляры вносят уточнение в вопрос об их размерах.

Черепица первых веков нашей эры поступала в Танаис через центральные области Боспора, скорее всего, через Пантикапей и Фанагорию²⁰.

Новый материал, полученный в Танаисе, подтверждает, что на Боспоре в первых веках нашей эры продолжался выпуск черепицы, но уже иных стандартов, чем в предшествующий период. Тип I плоских черепиц из Танаиса дает два таких размера: 48×36 см и $51 \times 37-38$ см. При этом для последнего иногда возможны отклонения от основного размера на 1—1,5 см.

Для типа II при сохранении формы эллинистических синопских черепиц также фиксируется сокращение их размеров: *подтип А* — 57×42 (36—37) см; *подтип Б* — $56 \times 36-37$ (32—33) см, за исключением одного экземпляра, имеющего при той же ширине длину 52 см; *подтип В* — $53,5 \times 43$ (39) см. Таким образом, представленный в Танаисе синопский стандарт разнообразнее по сравнению с типом I. В связи с этим возникает вопрос об использовании систем мер для каждого из типов. Судя по тому, что метрическое выражение боспорских черепиц из Танаиса укладывается в целое число дактилей, новый материал подтверждает вывод Э. О. Берзина об употреблении на Боспоре ионийской (атти-

ко-эвбейской) системы мер, где дактиль использовался как основная единица при выработке стандарта черепиц²¹. С учетом римского влияния на Боспоре в этот период возможно и использование римского фута, близкого в цифровом отношении к ионийскому. Для синопской черепицы по-прежнему сохраняется аттическая система мер, в основу которой положен дорический фут²².

В Танаисе фиксируется как использование определенного типа черепицы для одного помещения (пом. КЕ — тип II, пом. У — тип I и соответствующий ему тип I калиптеров), так и разных типов (помещение Б — все типы, помещение Д — типы I, II. При этом помещения У, Д, Б принадлежат одному усадебному комплексу). Подобные факты известны и в других районах Боспора. Отмечается также неоднократное использование черепицы в течение длительного времени. Об этом свидетельствует состояние внешней поверхности, вторичная окраска на месте сбитых участков, следы подправки и оббивки бортиков и обратных сторон для создания лучшего сцепления черепиц между собой. Подобное неоднократное применение черепицы и использование ее разных типов при создании крыши одного помещения подтверждают тот факт, что этот материал в Танаисе был дефицитным и не раз использовался в ходе различных перестроек.

Учитывая неоднократное использование черепиц, можно предположить, что часть их должна относиться ко II в. н. э. Выделение среди них продукции I в. н. э. затруднительно. Во всяком случае, можно говорить об использовании черепицы синопского типа во II в., так как именно в это время активно осуществлялся на Боспоре ее импорт.

- 1 *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы Боспора; Боспорские черепицы//ИГАИМК. 1935. Вып. 104. С. 212, 213, 244, 245; Керамическое производство и античные керамические строительные материалы//САИ. 1966. Вып. Г1—20. С. 52, 59; *Зеест И. Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем//ВДИ. 1951. № 2. С. 116.
- 2 Черепица отреставрирована сотрудниками музея-заповедника «Танаис» В. Кильмаевым, П. Александровым.
- 3 *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы... С. 241, 242. Рис. 67 б, в; САИ. Вып. Г1—20. С. 10, 60.
- 4 САИ. Вып. Г1—20. С. 60. Табл. 31, 7, 9; 36, 1а, б; 3а, б; 42, 3а, б.
- 5 САИ. Вып. Г1—20. С. 60. Табл. 42, 6; *Кобылина М. М.* Фанагорийская кровельная черепица первых веков н. э.//КСИА. 1972. Вып. 130. С. 114. Рис. 45, 1; *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы... Рис. 67, б, в.
- 6 САИ. Вып. Г1—20. Табл. 35, 3 а, б.
- 7 *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы... С. 242.
- 8 САИ. Вып. Г1—20. С. 44. Табл. 31, 7.
- 9 САИ. Вып. Г1—20. С. 59, 60. Табл. 42, 1, 2, 8; *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы... С. 240, 241. Рис. 67, а; *Кобылина М. М.* Фанагорийская кровельная черепица... С. 114. Рис. 45. 1.
- 10 САИ. Вып. Г1—20. С. 49. Табл. 35, 5.
- 11 САИ. Вып. Г1—20. Табл. 42, 6.
- 12 САИ. Вып. Г1—20. С. 35. Табл. 31, 8; 35, 2а.
- 13 САИ. Вып. Г1—20. С. 35. Табл. 31, 10; *Кобылина М. М.* Фанагорийская кровельная черепица... С. 114. Рис. 45, 6; 46.
- 14 *Брашинский И. Б.* Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры//Ольвия: Теменос и агора. М., 1966. С. 288.
- 15 *Блаватский В. Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—49 гг., 1952—53 гг.//МИА. 1957. № 56. С. 20. Рис. 20, 3.
- 16 САИ. Вып. Г1—20. Табл. 42, 4.
- 17 *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы... Рис. 68, а. С. 243.
- 18 *Гайдукевич В. Ф.* Строительные керамические материалы... С. 243. Рис. 68; САИ. Вып. Г1—20. Табл. 42, 4а, е. С. 60. Табл. 31, 6. С. 44.
- 19 САИ. Вып. Г1—20. С. 49. Табл. 35, 7. С. 35. Табл. 31, 11, 12.
- 20 *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 116 и сл., 128.
- 21 *Березин Э. О.* О линейных мерах Боспора//СА. 1956. XXVI, С. 227. 232, 233.
- 22 *Брашинский И. Б.* Стандарты линейных мер в керамическом производстве Синопы//История и культура античного мира. М., 1977. С. 35.

ДРЕВНЕЙШИЕ ЖЕЛЕЗНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЮЭНОСА

Античное поселение в окрестностях Очамчира на территории Абхазии, идентифицируемое с городом Гюэносом, упоминаемым в античных источниках, давно привлекает внимание исследователей. Еще в 30-е годы здесь были заложены контрольные шурфы¹. Получены данные, характеризующие топографию и стратиграфию поселения, собран большой подъемный материал на различных его участках. К анализу этих данных неоднократно обращались исследователи, по-разному интерпретируя их.

Различные взгляды на историю возникновения поселения разобраны в работе Ю. Н. Воронова. Анализ археологического материала позволил ему прийти к выводу, что «появление первых греческих поселенцев в Гюэносе должно быть отнесено ко времени не позднее конца VI — начала V в. до н. э.», хотя большинство исследователей относило основание его к середине V в. до н. э.²

Археологическое изучение Гюэноса было возобновлено в 1977 г. совместной экспедицией Центра археологических исследований Института истории, археологии и этнографии имени И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР, Института археологии АН СССР и Абхазского института ЯЛИ имени Д. И. Гулиа АН Грузинской ССР.

Были заложены два стратиграфических шурфа на холме «В», доведенных до уровня грунтовых вод. В основании шурфов оказался слой, относящийся к V в. до н. э. Это послужило поводом для опровержения мнения Ю. Н. Воронова о ранней дате возникновения Гюэноса³.

В 1981, 1983, 1984 гг. экспедицией Абхазского института под руководством С. М. Шамба были продолжены работы на Восточном холме городища. Заложенный здесь раскоп 10×10 м был доведен до материкового слоя, залегающего на глубине 4,10 м от уровня современной поверхности. Выявлено четыре культурных слоя, относящихся к периоду с VI в. до н. э. по VI в. н. э.⁴

Нижний слой, самый мощный, толщиной 1,70 м, подстилаемый синими материковыми глинами, по характеру материальных остатков отнесен исследователями к VI в. до н. э.⁵ Здесь наряду с фрагментами родосско-ионийской полосатой керамики, обломками чернофигурных аттических сосудов, хиосских пухлогорлых амфор раннего типа с полосами на ручках, венчиках и туловах, светильников и т. д. были найдены пять железных предметов. Изделия эти представляют большой интерес, поскольку происходят из древнейшего слоя. В материалах, полученных при предшествующих исследованиях Гюэноса, известны такие железные изделия, как мечи, топоры, ножи, гвозди, относящиеся ко времени IV—I вв. до н. э. и являющиеся, по мнению исследователей, продукцией местных мастеров⁶.

Для выяснения технологии изготовления железных изделий из древнейшего слоя Гюэноса было проведено металлографическое исследование в Лаборатории естественно-научных методов ИА АН СССР⁷. Коллекция состоит из пяти предметов: четырех ножей (трех так называемых серповидных и одного с прямым лезвием) и булавки-проколки (рис. 1). Все предметы очень хорошей сохранности. Одно изделие (серповидный нож, ан. 4435, рис. 2) обнаружено на глубине 2,50—2,60 м от уровня современной поверхности, остальные — на глубине 3,00 м.

Ножи, которые мы условно называем серповидными, имеют небольшие размеры. Общая длина двух целых экземпляров 8,5 см (рис. 2, ан. 4434) и 9,5 см (ан. 4436), у одного экземпляра конец лезвия обломан, сохранившаяся часть имеет длину 7 см (рис. 2, ан. 4435). Спинка у всех экземпляров круто изогнута, плавно переходит в короткий черешок, дли-

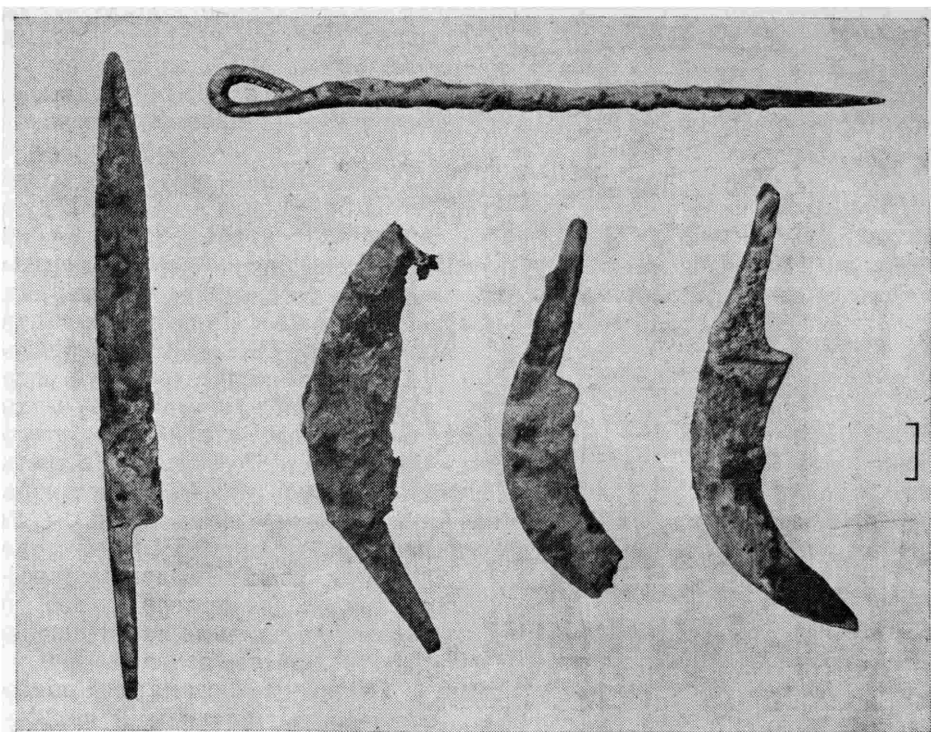

Рис. 1. Железные предметы из Гюэноса

на которого 3 см, ширина 5 мм. Со стороны лезвия черешок отделен у двух экземпляров четким уступом (рис. 2, ан. 4434, 4435); у этих же экземпляров лезвийная часть изогнута параллельно спинке. На лезвии одного из них (рис. 2, ан. 4435) едва заметны следы насечек. Третий экземпляр имеет прямое лезвие (рис. 2, ан. 4436).

Четвертый нож типологически отличен от предыдущих (рис. 2, ан. 4437). У него прямая спинка, переходящая в короткий черешок, и прямое лезвие, отделенное от черешка прямоугольным выступом. Общая длина ножа 11,5 см, длина лезвия 8,5 см, длина рукояти 3 см, ширина его у лезвия 4 мм, на конце 2 мм.

Булавка (рис. 2, ан. 4438) имеет круглое в сечении острие. Один конец раскован в прямоугольную пластину и загнут в виде петли. Общая длина 12 см, диаметр тела булавки в средней части 4 мм, ширина петле-видного конца 5 мм, толщина 2 мм.

Для металлографического исследования из перечисленных изделий были отобраны образцы так, чтобы получить наиболее полное представление о технологии их изготовления. У ножей образцы были взяты с лезвийной части и черенка, у булавки — с острия.

Анализ полученных данных позволяет определить характер и качество использованного металла, выявить технологические схемы, оценить качество исполнения. По этим показателям исследуемая коллекция может быть разделена на три группы.

К первой группе относятся три серповидных изделия. Материалом для их изготовления послужила неравномерно науглероженная сырьевая сталь. Шлаковые включения — мелкие, расположены в виде цепочек в продольном по отношению к шлифу направлении. Характерной особенностью металла является наличие нитридов железа в виде фаз А и В на образце 4436 и фазы А на образцах 4434 и 4435, по классификации Е. Плясковского⁸.

Заготовкой для описываемых изделий послужила полоса металла, которая в процессековки неоднократно сворачивалась и сваривалась,

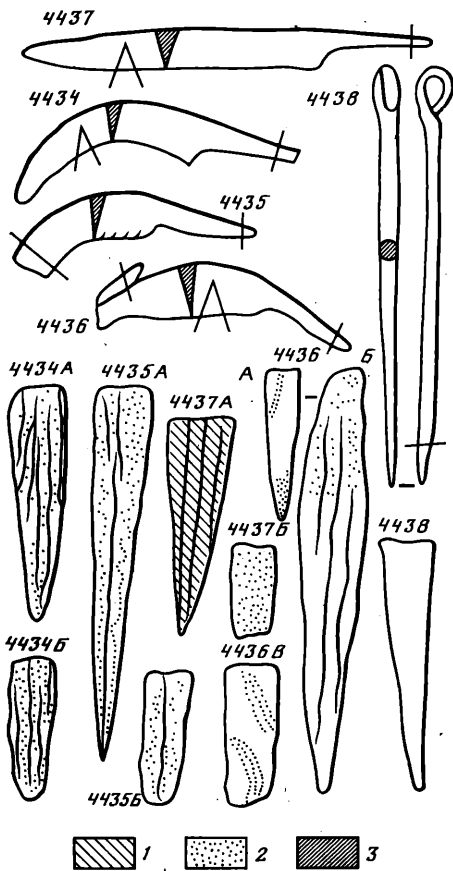

Рис. 2. Технологические схемы изготовления. Секущей обозначено место взятия пробы
1 — термообработка; 2 — сыровая сталь; 3 — раз-
резы

свидетельством чего являются наблюдаемые под микроскопом сварочные швы, отмеченные местами цепочками шлаковых включений.

Структура — феррито-перлитная, содержание углерода колеблется от 0,1 до 0,4—0,5%. На образце 4436 преобладают ферритные участки с неравномерным зерном. Микротвердость феррита 110—143 кг/мм², феррита с перлитом 160—181 кг/мм². Образец 4434 имеет мелкозернистую ферритно-перлитную структуру малоуглеродистой стали (микротвердость 151—181 кг/мм²). На третьем образце (ан. 4435) наблюдаются участки с повышенным содержанием (до 0,5%) углерода. Однако из-за неравномерности распределения углерода это не оказывало влияния на улучшение рабочих качеств изделия.

Сварочные швы на всех образцах забиты шлаковыми включениями, не имеют четкого расположения, иногда как бы раздваиваются.

Качество исполнения орудий и характер используемого сырья исключают возможность использования их для работы с материалами, требующими твердого острого лезвия.

Назначение подобных предметов трудно определить. Хотя серповидные ножи хорошо известны в памятниках раннего железного века

и на Северном Кавказе и в Закавказье, наши экземпляры отличаются миниатюрностью, очень тонким и мягким лезвием, отсутствием каких-либо приемов по его упрочиванию.

Исследованные металлографически серповидные ножи из некоторых памятников Закавказья (например, Гуадику) и из памятников кобанской культуры на Северном Кавказе (Сержень-Юрт, Уллубаганалы II), Султангора III), как установлено, были выполнены с использованием технологических приемов, обеспечивающих лезвию максимальную твердость и остроту (цементация, сварка с выходом на лезвие наиболее твердой стальной полосы, термическая обработка)⁹. Не исключено, что описанные нами изделия не имели утилитарного назначения, а представляли собой модельки, используемые в культовых целях. На эту мысль наводят как приведенные выше технологические характеристики, так и находка в том же слое деревянной модели топорика местного образца¹⁰. В пользу такого предположения свидетельствует также неправильное расположение насечек, зафиксированных на экземпляре 4435, имитирующем серп. Обычно на орудиях, используемых в качестве серпов, насечки располагаются в противоположном направлении, т. е. наклонены в сторону острия, а не ручки, как на нашем экземпляре.

Во вторую группу мы включили нож с прямым лезвием (рис. 2, ан. 4437). На основании микроскопического исследования установлено, что основой для формовки лезвия послужила пакетованная заготовка, т. е. сваренная из нескольких тонких стальных пластин разной длины.

Свободный конец одной из пластин был преобразован в черешок. Отражением подобной конструкции являются хорошо прослеживаемые сварочные швы на поперечном сечении лезвия и отсутствие их на черешке. В заключение лезвие было закалено в холодной воде (по всей поверхности исследуемого образца наблюдается структура мелкоигльчатого мартенсита, микротвердость 350 кг/мм²). Рукоять-черешок термообработке не подвергалась. Все операции проведены качественно, в правильно выбранном температурном интервале, о чем свидетельствуют мелкозернистость структурных составляющих и чистота сварочных швов.

Третья группа представлена булавкой-проколкой (образец для металлографического исследования был взят с острия. Шлиф изготовлен на продольном сечении). Как показало микроскопическое изучение, она была откована из монолитной железной заготовки. Металл плохо освобожден от шлаковых включений. Зерна феррита сильно вытянуты в продольном по отношению к шлифу направлении. Это свидетельствует о том, что заключительной операцией былаковка в холодную с целью упрочивания острия. Микротвердость ферритных зерен 221, 236 кг/мм². Таким образом, правильно выбранный технологический прием изготовления (использование операции наклепа) компенсировал плохое качество исходного сырья.

Результаты проведенного исследования позволяют прийти к следующим выводам.

Мастера, изготовившие описанные изделия, хорошо были знакомы со свойствами черных металлов от мягкого железа до твердой стали. При необходимости получить качественное изделие (ан. 4437) умели тщательно освобождать металл от шлаковых включений, целенаправленно улучшать рабочие свойства орудия, владели приемами сварки. В тех случаях, когда по своему функциональному назначению предмет не требовал высоких механических свойств, ограничивались простыми кузнечными операциями (ан. 4438).

Что касается трех экземпляров так называемых серповидных ножей, если исходить из предположения об их культовом назначении, то можно оценить выбор сырья (мягкая сырцовая сталь) и способов их формовки, не предполагающих специального упрочивания рабочих частей, как сознательный.

К сожалению, исследованная коллекция слишком мала для того, чтобы однозначно решать вопрос об отнесении рассмотренных изделий к определенным этнокультурным производственным традициям. Можно лишь заметить, что местные мастера в конце VII—VI вв. до н. э., как показывают аналитические данные, владели всеми перечисленными приемами, в том числе и различными способами термообработки¹¹.

¹ Соловьев Л. Н. Энеолитическое селище у Очамчирского порта в Абхазии//ТАИ. 1939. XV.

² Воронов Ю. Н. Гюэнос//КСИА. 1976. Вып. 4. С. 45.

³ Квирквелия Г. Т. Очамчире и его окружение в VIII—V вв. до н. э.: Демографическая ситуация в Причерноморье в период Великой греческой колонизации// Материалы Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1981. С. 341—347.

⁴ Шамба С. М., Кобахия Б. С. Раскопки Гюэноса//АО 1984 г., М., 1985.

⁵ Там же.

⁶ Воронов Ю. Н. Гюэнос. С. 51, 52.

⁷ Выражаем глубокую признательность автору раскопок С. М. Шамба за разрешение воспользоваться неопубликованными материалами.

⁸ Sprawozdania Archeologiczne. 1984. T. XXXVI. S. 66—78.

⁹ Терехова Н. Н. Кузнечная техника у племен кобанской культуры Северного Кавказа в раннескифский период//СА. 1983. № 3. С. 110—128.

¹⁰ Шамба С. М.; Кобахия Б. С. Раскопки Гюэноса.

¹¹ Бгажба О. Х. Черная металлургия и металлообработка в древней и средневековой Абхазии. Тбилиси, 1983.

ХРОНИКА

Э. Я. НИКОЛАЕВА

РАБОТА СЕКТОРА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В 1984—1985 гг.

Как и в предыдущие годы, сотрудники сектора занимались разработкой проблем, связанных с историей античных государств Северного и Восточного Причерноморья и Средиземноморья. Часть тем сотрудников сектора посвящена исследованию и интерпретации отдельных памятников (Е. М. Алексеева «Горгиппия», Т. М. Арсеньева «Танаис II—III вв.», М. М. Кобылина «Фанагория»). Общих вопросов истории Боспора касаются работы Ю. М. Десятчикова («Тохары на Боспоре»), А. А. Масленникова («Население Боспорского государства в первые века нашей эры»), Э. Я. Николаевой («Стеклоделие на Боспоре». По материалам Ильичевского городища»), О. Н. Усачевой («Этнический состав населения Боспора» в VI—V вв. до н. э.). А. М. Акопян начал новую тему «Города Хадрамаута» в связи с участием в Йеменской экспедиции. И. Т. Кругликова продолжает публикацию материалов Советско-Афганской экспедиции. В. Д. Кузнецов работает над темой «Строительное дело Древней Греции», В. К. Голенко — над темой «Денежное обращение и монетное дело раннеселевкидского государства»; А. М. Акопян — «Связи Закавказья и Парфии». Завершены плановые темы Ю. М. Десятчикова, В. С. Долгорукова, А. А. Масленникова, а также плановая тема Б. Г. Петерса — о раскопках в Йемене в 1984 г. Кроме того, завершены две большие темы, являющиеся исследованиями коллектива авторов под редакцией Г. А. Кошеленко: «Археология эллинистического Востока» и «Археология классической Греции» (среди авторов — В. Д. Кузнецов).

В 1984 г. вышли из печати «Археология СССР» (т. VIII), в написании которого приняли участие многие члены сектора, и учебное пособие для студентов высших учебных заведений «Античная археология» (автор И. Т. Кругликова). В 1985 г. вышли в свет том VII «Археологии СССР» под редакцией Г. А. Кошеленко и сборник КСИА (вып. 182), в которых опубликованы статьи и заметки сотрудников сектора. В Йемене на арабском языке опубликован путеводитель по раскопкам «Рейбуни-1», написанный Б. Г. Петерсом, и путеводитель «Древний Хадрамаут», написанный А. М. Акопяном. На болгарском языке вышла статья Г. А. Кошеленко «О некоторых аспектах культурных связей греческих городов Северного Причерноморья с Фракией». Всего издано более 70 статей и заметок.

Сдано в печать около 70 работ, в том числе и несколько статей для зарубежных изданий, и монографии. Так, Т. М. Арсеньева и Д. Б. Шелов отправили статью «История исследования Танаиса» для напечатания в журнале «Клио», Ю. М. Десятчиков — статью-доклад «Фракия и Спартокиды» в г. Созополь. Тезисы доклада отправил в г. Созополь Б. Г. Петерс, а во Францию — Г. А. Кошеленко.

В 1984 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Ремесло классической Греции» В. Д. Кузнецов, а в 1985 г. — Э. Я. Николаева на тему «Боспор после гуннского нашествия».

Участие в конференциях и симпозиумах — одна из форм работы сектора. В 1984 г. начальники экспедиций, работающие в Краснодарском крае, выступили с докладами на краевой конференции (Е. М. Алексеева, В. С. Долгоруков, Ю. М. Десятчиков, Э. Я. Николаева). На конференции «Проблемы эллинистической культуры на Востоке» (Ереван) с докладами выступили А. М. Акопян, Ю. М. Десятчиков, И. Т. Кругликова, Г. А. Кошеленко. На чтениях памяти В. Ф. Гайдукевича — Ю. М. Десятчиков, И. Т. Кругликова, Э. Я. Николаева, на советско-индийском симпозиуме в Ашхабаде и на конференции «Причины превращения первобытного общества в рабовладельческое и феодальное» — Г. А. Кошеленко. Два доклада сделал Б. Г. Петерс в Йемене. В студенческих конференциях принимали участие Т. М. Арсеньева (Владимирский пединститут), Г. А. Кошеленко и В. Д. Кузнецов в МГПИ им. Ленина. А. А. Масленников выступил с докладом на конференции Керченского музея. В 1985 г. на чтениях памяти В. Д. Блаватского сделали доклады В. К. Голенко, В. Д. Кузнецов, Э. Я. Николаева, Б. Г. Петерс, О. Н. Усачева. На Всесоюзной археологической сессии ИА АН СССР в мае 1985 г. в Баку И. Т. Кругликова на пленарном заседании выступила с докладом «Храмы и святилища Южной Бактрии». На секционных заседаниях доклады прочли: Т. М. Арсеньева, Ю. М. Десятчиков, Э. Я. Николаева. На чтениях памяти Н. И. Сокольского в 1984 и 1985 гг. выступили с докладами Ю. М. Десятчиков, В. С. Долгоруков, В. Д. Кузнецов, Э. Я. Николаева. В IV Всесоюзном симпозиуме в Цхалтубо-Вани в 1985 г. приняли участие А. М. Акопян, Т. М. Арсеньева, Ю. М. Десятчиков, а в конференции молодых ученых — В. К. Голенко и О. Н. Усачева. На конференции «Героический эпос у народов СССР» выступил Ю. М. Десятчиков, на советско-французском симпозиуме в г. Душанбе — Г. А. Кошеленко.

Сотрудники сектора ведут экспедиционную работу. А. М. Акопян в 1984 г. вел раскопки в Арташате (Армянская ССР) и принимал участие в работах Маргианской экспедиции (южный Туркменистан), а в 1985 г. руководил раскопками поселения Рейбуни в Хадрамауте (Йемен) и проводил разведки и раскопки в Армении.

Е. М. Алексеева возглавляет Анапскую экспедицию; Т. М. Арсеньева — Нижне-Донскую; В. К. Голенко — зам. начальника Восточно-Крымской экспедиции, а в 1984 г. принимал участие и в работах Анапской экспедиции; Ю. М. Десятчиков руководит работами Таманской экспедиции; В. С. Долгоруков — начальник Фанагорийской экспедиции; Г. А. Кошеленко руководит работами в Туркмении; И. Т. Кругликова — начальник Ново-Отрадненской экспедиции; В. Д. Кузнецов руководит работами в Кепах; А. М. Масленников — начальник Восточно-Крымской экспедиции; Э. Я. Николаева — Ильичевской; Б. Г. Петерс в 1984 г. руководил работами на Рейбуни I в Йемене и Михайловской экспедицией в Крыму, а в 1985 г. начал работы на Патрэе; О. Н. Усачева проводила археологические разведки в Орловской области.

За отчетный период проведено 50 заседаний сектора, на которых заслушано около 60 докладов и сообщений членов сектора, аспирантов, а также коллег из различных городов и учреждений страны (Москвы, Ленинграда, Еревана, Керчи, Владимира, Рязани, Тбилиси, Севастополя, Бахчисарая и т. д.).

Постоянно поддерживаются связи с истфаком МГУ и МГПИ им. Ленина, а также с ГМИИ им. Пушкина (рецензирование, редактирование, оппонирование, совместные плановые темы). Теоретическая работа (методологический семинар) ведется совместно с кафедрой истории древнего мира и средних веков МГПИ. Вышел из печати сборник трудов этого семинара.

Пропаганда научных знаний ведется по двум направлениям: 1) публикации, 2) лекции, консультации, помощь в работе музеям, кружкам и т. п.

Вышла в свет монография-учебник «Античная археология» (М., 1984) И. Т. Кругликовой. В 1985 г. она подготовила к печати научно-популяр-

ную книгу «Анапе 2500 лет», а М. М. Кобылина — монографию «Фанагория». Г. А. Кошеленко написал ряд глав для учебных пособий «История древнего мира», «История древней Греции» и «Источниковедение древнего Востока», а также статьи: «На северном берегу Черного моря» для журнала «Курьер Юнеско» и «Новый этап в изучении древнейшей цивилизации» для журнала «Эллинизованный Восток».

По линии общества «Знание» лекции читали Г. А. Кошеленко и Ю. М. Десятчиков. А. А. Масленников руководил работой молодежного семинара. Б. Г. Петерс прочел два доклада в Йеменской НДР. Г. А. Кошеленко — в Институте усовершенствования учителей, Т. М. Арсеньева читала лекции в Ростове и Владимире, Ю. М. Десятчиков в Туапсе (цикл лекций и практических занятий для участников слета юных археологов). Б. Г. Петерс руководит кружками археологов в Московском городском дворце пионеров.

В 1984—1985 гг. обсуждены диссертации аспирантов сектора и соискателей: М. В. Агбунова (руководитель И. Т. Кругликова, диссертация защищена), В. Д. Кузнецова (руководитель Г. А. Кошеленко, диссертация защищена), А. Аюпян (руководитель Г. А. Кошеленко), А. В. Сазанова (руководитель М. М. Кобылина), А. А. Никитина, А. Ю. Согомонова, С. М. Крыкина (руководитель Г. А. Кошеленко), К. А. Абдуллаева (руководитель Г. А. Федоров-Давыдов), В. С. Щербаковой (руководитель И. Т. Кругликова).

В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ

ГРУППА АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ ЛОИА АН СССР В 1984—1985 гг.

Группа античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР продолжала разработку ряда проблем истории и культуры античных государств Северного Причерноморья.

В 1984—1985 гг. в Группе завершены следующие плановые темы: Ю. В. Андреев «Поселения эпохи бронзы на территории Греции и островов Эгейского моря (опыт типологической характеристики)»; М. Ю. Вахтина «Архаическая керамика из раскопок Мирмекия в 1982—1984 гг.»; Ю. А. Виноградов «Местные элементы в культуре городов европейского Боспора VI—IV вв. до н. э.» и «Особенности развития Мирмекия в VI—V вв. до н. э. по материалам раскопок в западной части городища»; В. А. Горончаровский «Керамический комплекс Илурата (по материалам раскопок 1968—1983 гг.)»; В. И. Денисова «Некрополь Ольвии первых веков н. э. (по архивным данным)»; Е. Г. Кастанаян «Порфмий (итоги археологических исследований)» и «Вещественные находки из Порфмий»; К. К. Марченко «Опыт сравнительной характеристики двух поселений Нижнего Побужья архаического времени — Старая Богдановка 2 и Куцуруб 1»; И. Ю. Шауб «Погребения кургана Большая Близница как источник по культурам и религиозным представлениям жителей Боспорского царства в IV в. до н. э.» и «Тризы боспорских курганов Таманского полуострова IV—III вв. до н. э.».

За период 1984—1985 гг. сотрудниками Группы опубликованы три монографии: И. Б. Брашинский «Методы исследования античной торговли» (Л., 1984); И. Б. Брашинский, К. К. Марченко «Елизаветовское городище — скифский город в дельте Дона» (вышла в 1984 г. в Мюнхене, ФРГ); Е. И. Леви «Ольвия. Город эпохи эллинизма» (Л., 1985) и около 70 статей и заметок. Вышел из печати том «Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья», в подготовке ряда статей которого приняли участие И. Г. Шургая, И. Б. Брашинский,

Е. И. Леви, Е. Г. Кастанаян, В. И. Денисова, А. Н. Щеглов и К. К. Марченко. Подготовлены к печати монографии В. Ф. Гайдукевича «Боспорские города. Мирмекий (1958—1966 гг.)» и К. К. Марченко «Варвары Березани и Ольвии во второй половине VII—первой половине I в. до н. э.».

Успешно защитили кандидатские диссертации: в 1984 г. М. Ю. Вахтина по теме «Греко-варварские контакты VII—VI вв. до н. э. по материалам степной и лесостепной зон Северо-Западного Причерноморья и Крыма», в 1985 г. В. А. Горнчаровский по теме «Эллинистический Пергам и Северное Причерноморье (к проблеме контактов)». Принята к защите кандидатская диссертация соискателя Н. В. Молевой (Белгородский пединститут) «Антропоморфные памятники Боспора».

Сотрудники Группы продолжали вести полевые исследования в различных регионах Северного Причерноморья.

Боспорская экспедиция (руководитель Е. Г. Кастанаян, с 1985 г.— В. А. Горнчаровский) работала в составе трех отрядов.

Порфмийский отряд (руководитель Е. Г. Кастанаян). Продолжалось исследование архаических слоев Порфмия. Вдоль одной из улиц обнаружен водосток конца VI в. до н. э., перекрытый крупными плитами неправильной формы.

Мирмекийский отряд (руководитель Ю. А. Виноградов). В 1984 г. основные работы производились на участках «П» и «Р». На участке «П» под вымосткой конца VI—начала V в. до н. э. обнаружена круглая землянка, которую можно датировать третьей четвертью VI в. до н. э. В настоящее время это самый ранний строительный комплекс, открытый на городище. На участке «Р» получены новые данные для датировки ранней оборонительной стены, выявленной в 1983 г. Судя по материалам построек, прорезанных оборонительной стеной, она была возведена в конце первой трети V в. до н. э.

Илуратский отряд (руководитель В. А. Горнчаровский). Продолжались раскопки городища Илурат и его некрополя. Исследовались жилые комплексы в центральной и западной частях городища, юго-западные ворота и передовые укрепления на северо-западной линии обороны. Возобновились раскопки илуратского зольника I—III вв. н. э. На некрополе вскрыты катакомба с встроенным в нее склепом и дромосом, вырубленным в скале, и полуразрушенный склеп I—II вв. н. э., близ которого найдена терракотовая статуя в виде женской фигуры высотой 0,65 м.

Южно-Донская экспедиция (руководитель К. К. Марченко). Продолжены стационарные раскопки Елизаветовского городища на Дону. Основные усилия были направлены на изучение остатков большого греческого поселения городского типа, обнаруженных в верхней части культурных напластований «акрополя» городища. Основным итогом работ стало открытие четырех наземных многокамерных домов и отрезка большой поперечной улицы.

Тарханкутская экспедиция (руководитель А. Н. Щеглов) в составе четырех отрядов продолжала комплексные исследования памятников Северо-Западного Крыма. Изучалась система земельных участков в западной части Тарханкута, продолжались раскопки укрепленной усадьбы IV—II вв. до н. э. в этом же регионе. В 1984 г. завершены раскопки остатков святилища II в. до н. э. в урочище Джангуль и возобновлены исследования некрополя Панское I. В 1985 г. закончено изучение центрального строительного комплекса этого поселения, относящегося к концу IV—началу III в. до н. э.; здесь же выявлены границы раннего четырехбашенного укрепления.

Ольвийская экспедиция (руководитель В. И. Денисова) проводила раскопки в центральной части верхнего города у южных помещений здания дикастерия. При этом удалось выявить остатки слоевых фундаментов и стен, несомненно составляющих его продолжение. Можно считать установленным, что протяженность дикастерия с севера на юг была при-

мерно на 10 м больше, чем это предполагалось ранее. К числу наиболее ранних строительных остатков, открытых на исследовавшейся площади, относится постройка второй половины VI — первой четверти V в. до н. э. из нескольких заглубленных в материк помещений.

Нижнебугская античная экспедиция (руководитель К. К. Марченко) продолжала исследования античных поселений в округе Ольвии — Куцуруб 1, Козырка 2 и 12. На Куцурубе 1 вскрыта часть комплекса построек земляночного типа IV — начала III вв. до н. э. На Козырке 2 начато изучение большого зольника IV в. до н. э., в котором обнаружено письмо ольвиополита с упоминанием имени Зопириона. На Козырке 12 раскрыты остатки большой наземной сырцово-каменной постройки первой половины — середины IV в. до н. э. и четырехугольной землянки этого же времени.

На заседаниях Группы все сотрудники регулярно выступали с докладами и сообщениями по темам своих работ и отчетами об экспедициях. Заслушивались и доклады сотрудников других учреждений. Среди них можно отметить следующие: Э. В. Яковенко (Черниговский пединститут) «К вопросу о боспорской симмахии»; А. М. Болтунова (Москва) «Новые горгиппийские надписи»; В. Г. Житников (Ростовский гос. ун-т) «Демографическая ситуация на Нижнем Дону в VI — начале III в. до н. э.»

На чтениях памяти В. Ф. Гайдукевича, состоявшихся в ноябре 1984 г., с докладами, помимо сотрудников Группы, выступали ученые Москвы, Киева, Одессы, Севастополя, Керчи, Ростова-на-Дону, Чернигова, Еревана, Тбилиси.

Сотрудники Группы принимали участие в работе научных конференций и симпозиумов: 2-я Всесоюзная конференция «Скифо-сибирский мир» (Кемерово, 1984) — А. Н. Щеглов; научная конференция «Великая Эллада. Проблемы общественного и культурного развития на греческом Западе» (Ленинград, Гос. Эрмитаж, 1984) — А. Н. Щеглов; 2-й Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке (Ереван, 1984) — А. Н. Щеглов; 1-й Международный коллоквиум по греческим амфорам (Афины, 1984) — А. Н. Щеглов; симпозиум «Археология зарубежной Азии» (Ленинград, ЛОИА, 1985) — Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, Ю. Б. Устинова; Чтения памяти В. Д. Блаватского (М., 1985) — А. Н. Щеглов; Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке» (Баку 1985) — В. А. Горончаровский, К. К. Марченко; IV Всесоюзные Сергеевские чтения (М., 1985) — А. Н. Щеглов; совещание «Комплексные методы в изучении истории с древнейших времен до наших дней» (М., 1985) — А. Н. Щеглов; конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М. И. Максимовой (Л., 1985) — А. Н. Щеглов; научный семинар «Проблемы исследования Ольвии» (Парутино, 1985) — К. К. Марченко, А. Н. Щеглов, Е. Я. Рогов, Ю. А. Виноградов, М. Ю. Вахтина; IV Всесоюзный симпозиум по древней истории Причерноморья (Цхалтубо-Вани, 1985) — К. К. Марченко, А. Н. Щеглов, В. А. Горончаровский, М. Ю. Вахтина; научная конференция ЛГУ «Проблемы античного полиса» (Л., 1985) — А. Н. Щеглов.

Группа античной археологии участвует также в популяризации научных знаний. В цикле «Археологи рассказывают», организованном на базе общества «Знание», прочитаны лекции Ю. В. Андреевым «Троянская война: миф или реальность?»; Ю. А. Виноградовым «Загадки археологии Южной Аравии»; В. А. Горончаровским «Боспорские города»; К. К. Марченко «Ольвия и ее хора» и «Нижнее Побужье в античную эпоху».

III ВСЕСОЮЗНЫЕ ЧТЕНИЯ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА В. Д. БЛАВАТСКОГО

С 2 по 4 февраля 1987 г. в Москве проходили III Всесоюзные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского (12.IX 1899—10.XI 1980). В работе конференции приняло участие около 80 археологов и историков из Москвы, Ленинграда, Харькова, Баку, Ашхабада, Владимира, Белгорода, Керчи, Одессы, Ялты.

На заседаниях присутствовали сотрудники сектора древней истории Института всеобщей истории АН СССР, Государственного Исторического музея, Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Московского Государственного университета им. М. В. Ломоносова, Московского Государственного пединститута им. В. И. Ленина, Института истории АН Азербайджанской ССР, Центра археологических исследований АН Грузинской ССР, Института истории Туркменской ССР, Института археологии и этнографии АН Армянской ССР, Института востоковедения АН СССР, Владимирского Государственного педагогического института. На конференции заслушаны доклады и сообщения, связанные с различными сторонами жизни античного общества.

Конференция открылась вступительным словом заместителя директора Института археологии АН СССР доктора исторических наук Р. М. Мунчаева, который отметил широкую и многогранную деятельность, большую эрудицию В. Д. Блаватского. В. Д. Блаватский был ученым, чрезвычайно много сделавшим для становления и развития советской исторической науки. Им была создана научная школа, сегодня практически все советские археологи-антиковеды в той или иной степени являются его учениками.

В первый день состоялось пленарное заседание, во второй и третий дни работали две секции: секция Средней Азии и Кавказа и секция Северного Причерноморья и Средиземноморья.

Доклад Н. Г. Новиченковой, В. И. Новиченкова (Ялта) «Святылище у перевала Гурзуфское Седло (краткие итоги раскопок 1981—1985 гг.)» посвящен итогам исследования уникального археологического памятника — святылища у перевала Гурзуфское Седло. В истории памятника выделяется три основных периода, различающиеся особенностями планировки и конструкции культовых сооружений, а также характером обрядов жертвоприношений. Периодизация, отражающая развитие идеологических воззрений населения Горного Крыма, связана с изменениями, происходившими в социально-экономическом развитии общества. Вещевой комплекс святылища уникален по своей исторической ценности, богатству, разнообразию и сохранности находок. Собранная коллекция насчитывает около 5 тыс. предметов. Наиболее ранние, крайне редкие находки относятся к V—IV вв. до н. э. В I в. до н. э.—I в. н. э. святылище функционирует наиболее активно.

Н. М. Секерская (Одесса) в докладе «К вопросу об экономике Никония в конце IV — первой половине III в. до н. э.» подводит некоторые итоги изучения экономики города. В настоящее время большая коллекция керамического материала конца IV — первой половины III в. до н. э. позволяет прийти к выводу, что основу экономики лишнего укрепления и в значительной мере разрушенного Никония продолжает составлять земледелие. Население города поддерживает торговые связи с центрами Средиземноморья и Причерноморья. Среди импорта выделяется большая группа чернолаковой аттической керамики IV—III вв. до н. э., которая в основной массе приходится на конец IV в. до н. э. Материалы аттического производства из Никония и других памятников Нижнего Поднепровья отражают большую роль Афин в системе экономических

связей Нижнего Поднепровья этого периода. Из средиземноморских центров Хиоса и Фасоса поступает продукция, объем которой уменьшается к середине III в. до н. э. В начале III в. до н. э. сокращается ввоз продукции из Гераклеи Понтийской, со второй четверти III в. до н. э. наблюдается спад в торговле с Синопой. С Херсонесом велась регулярная торговля, но не в большом объеме. Никоний просуществовал до середины III в. до н. э. и разделил судьбу нижнеднепровских памятников, которые были оставлены жителями в середине III в. до н. э., когда приходит в упадок хлебная торговля, нависает угроза со стороны племенного мира, надвигавшегося с запада и востока.

Тер-Мартirosов Ф. И. (Ереван) в своем докладе «О местонахождении «Парадиза» Ервандидов», опровергая мнение других исследователей, доказывает, что на месте города Ервандашат следует поместить не город, а охотничий царский парк «Парадиз».

Выступление И. А. Бабаева (Баку) «О некоторых особенностях культуры Азербайджана в античную эпоху» содержало информацию о археологическом исследовании античного периода Азербайджана. Автор отметил, что влияние античной культуры на культуру Азербайджана проявилось несколько иначе, чем в соседних Армении и Грузии. В Азербайджане (в основном имеется в виду Албания), как в Армении и Грузии, не было греческих колоний, здесь были живучи местные традиции и традиции, связанные с влиянием культуры Ирана. В настоящее время ведутся исследования южных районов (Атропатена), выявлены некоторые археологические материалы, несколько отличающиеся от соответствующих синхронных материалов северных районов Азербайджана (Албания).

Доклады В. С. Долгорукова (Москва) «Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории» и Т. Л. Самойловой «Некоторые вопросы исторической топографии Тиры доримского времени» осветили важные вопросы о состоянии границ городищ. В. С. Долгоруков отметил, что основными критериями для определения границ ранней Фанагории следует принять не находки, а слои со строительными остатками и топографию местности. В начале V в. до н. э. территория города увеличивается в два раза. По-видимому, расширение городской застройки вызвано прибытием новой волны колонистов. Т. Л. Самойлова отметила, что территория городища Тира сохранилась далеко не полностью, но и она не может быть вся исследована в силу целого ряда причин. Вопросы топографии Тиры далеки от однозначного решения, хотя и не исключена моделировка процесса изменения топографии.

Выступление В. А. Горончаровского (Ленинград) «Оборонительные сооружения Илурата» содержало информацию об основных элементах фортификации и этапах строительства боспорской крепости I—III вв. н. э. Выделено четыре строительных периода. Середина I в. н. э.—рубеж I—II вв. н. э.; вторая четверть II в. н. э.; конец II в. н. э.; заключительным этапом развития фортификационной системы Илурата явилось возведение в первой половине III в. н. э. протейхизмы. Крепость прекращает свое существование между 267 и 275 гг. н. э. в связи с военными событиями периода готских набегов.

О. Д. Чевелев (Керчь) доложил о раскопках некрополя Тиритакки, проведенных в 1985—1986 гг. Были найдены сооружения и погребения VI—III вв. до н. э., которые можно связать с негреческим населением. Выделено 3 полуземлянки, 9 хозяйственных ям и около 10 погребений этого времени. Серединой — второй половиной VI в. до н. э. датируются три круглые в плане полуземлянки и 9 хозяйственных ям. 7 варварских погребений в грунтовых ямах датируются IV—III вв. до н. э.

Ряд выступлений участников конференции был посвящен характеристике наиболее интересных памятников, найденных при раскопках последних лет. Так, А. И. Болтунова (Москва) рассказала о надписи Пифодориды из раскопок Гермонассы, начертанной на архитектурном

фрагменте, использованном в качестве постамента для статуи Ливии. Воздвижение Пифодоридой статуи Ливии следует отнести ко времени после гибели Полемона, когда на Боспоре оказалось два претендента на царскую власть: Аспург и Пифодорида, оба не получившие признания Августа. В. П. Яйленко (Москва) в сообщении «Поход Савромата I против псеханов» рассказал о фрагменте надписи из Фанагории, найденной в 1973 г., которая читается «(статую) — великого царя царей Тиберия Юлия Савромата, сына царя Рескупорида, совершившего удачный поход (?) против псеханов». Автор связывает эту надпись с определенным событием: успешным походом царя против псеханов. В. Н. Филиппко (Ташкент) доложил о новых находках глиняной скульптуры на городище Старая Ниса. С. Н. Новиков (Москва) построил свой доклад «Некоторые вопросы изучения коропластики Мерва» на разборе образцов мелкой художественной пластики — терракотовых фигурок различных типов и сюжетных вариантов, которые происходят с семи обследованных памятников Мервского оазиса.

В докладе А. Б. Никитина, А. Ю. Согомонова (Москва, Владимир) «Оттиски печатей и клейма на керамике Сасанидского времени из Мервского оазиса» содержалась характеристика фрагментов сосудов с клеймами. Обнаруженные оттиски подтверждают гипотезу о широком распространении в Средней Азии в древности и раннем средневековье практики клеймения крупногабаритных сосудов (хумы) и кувшинов.

Серией докладов, посвященных археологическому изучению Мервского оазиса, продолжил доклад К. Н. Ханмурадова (Ашхабад) «Абайджош-депе (к проблеме типологии античных и раннефеодальных памятников Мервского оазиса)». Автор охарактеризовал Абайджош-депе, уточнил его эволюцию, отметил, что получен важный материал по типологии поселений сасанидской и последующих эпох Мервского оазиса.

Г. А. Кошеленко, Р. М. Мунчаев, Г. М. Бонгард-Левин (Москва) в своем докладе «Искусство Матхуры» рассмотрели основные дискуссионные проблемы изучения искусства Матхуры Кушанской эпохи.

Н. А. Фролова (Москва) в своем выступлении подвергла критическому анализу некоторые положения монографии В. А. Анохина «Монетное дело Боспора» (1986 г.). С. Ю. Сапрыкин (Москва) в докладе «Уникальный статер царицы Динамии» также подверг сомнению датировку В. А. Анохина и доказал, что в 17 г. до н. э. умер Асандр и его золотой чекан прекратился. В 16 г. до н. э. Агриппа, прибыв в Понт, подтвердил права Динамии на престол. Это вызвало появление второго статера 281 г. н. э. = 16 г. до н. э.

В докладе «Полеводство в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.» А. П. Мартемьянов (Харьков) подтвердил положения о ведущей роли земледелия в античную эпоху.

А. Н. Бадер (Москва) в докладе «К вопросу о «парфянском сенате» отметил, что в Сасанидскую эпоху «совет знати» уже существовал как реальный орган и действительно состоял из двух частей (родственников царя, а также вассальных местных династов, верховного жреца и глав знатных родов).

Г. Т. Залюбовина (Москва) в докладе «Культ Посейдона и консолидация ионийского этноса во II — начале I тыс. до н. э.» отметила широкое распространение культа Посейдона, одного из древнейших божеств общеэллинского пантеона.

Опыт проведенной конференции показал, что подобные чтения являются эффективной и плодотворной формой сотрудничества ученых-антиковедов. Тезисы докладов, прочитанных на конференции, будут опубликованы в подготовленном к печати специальном сборнике.

Решено и в дальнейшем проводить «Чтения памяти В. Д. Блаватского» регулярно, раз в два года.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АП — Археологічні пам'ятки
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ — Вестник древней истории
ГМИИ — Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина
ГХЗ — Государственный историко-археологический заповедник
ИНМВ — Известия на народния музей вь Варна
ИТУАК — Известия Гаврической ученой архивной комиссии
КБН — Корпус боспорских надписей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМИ — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение ИА АН СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЭ — Нумизматика и эпиграфика
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ОГАМ — Одесский государственный археологический музей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СГМИИ — Сообщения ГМИИ
ТАИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТОАМГЭ — Труды отдела античного мира Государственного Эрмитажа
Хсб — Херсонесский сборник
AJA — American journal of archaeology
BSH — Bulletin de Correspondance Hellenique
IRE, I² — *Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxin. Petropoli, 1916*
JdI — Jahrbouch der Deutschen Archeologische Institut

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>М. В. Агбунов.</i> Античная археология и палеогеография	3
<i>М. Ю. Трейстер.</i> Бронзолитнейное ремесло Боспора IV в. до н. э.	7
<i>Е. А. Савостина.</i> Опыт сравнительного анализа погребальных памятников: боспорские склепы и надгробия	13
<i>Е. М. Алексеева.</i> К изучению короластики Горгииппии	19
<i>И. Ю. Шауб.</i> Погребения кургана Большая Близица как источник по истории религиозных представлений жителей Боспорского царства	27

Публикации

<i>В. М. Зубарь, С. Б. Ланцов.</i> Новый участок эллинистического некрополя Херсонеса	34
<i>Н. Н. Грандмезон.</i> Монеты Херсонеса с головой Афины	38
<i>И. Н. Храпунов.</i> Раскопки Булганакского городища (1981—1984 гг.)	40
<i>А. А. Масленников.</i> Граффити и дипинти с мыса Зюк	45
<i>Б. Г. Петерс, А. П. Абрамов.</i> Красноглиняные амфоры и кувшины из раскопок городища у с. Михайловка	53
<i>С. М. Крыкин.</i> Новые терракоты всадников из Фанагории	57
<i>А. К. Коровина.</i> Винодельни Гермонассы	60
<i>З. Н. Лемякина.</i> Мраморный рельеф из Горгииппии	67
<i>Ю. В. Зуйков.</i> Позднеэллинистический керамический комплекс из Горгииппии	70
<i>Т. М. Арсеньева, С. А. Науменко.</i> Раскопки Танаиса в 1981—1984 гг.	75
<i>Л. М. Казакова.</i> Кровельная черепица первых веков нашей эры из Танаиса	83
<i>Н. Н. Терехова, Л. С. Розанова, С. Х. Бгажба.</i> Древнейшие железные изделия из Гюэноса	90

Хроника

<i>Э. Я. Николаева.</i> Работа сектора античной археологии в 1984—1985 гг.	94
<i>В. А. Горончаровский.</i> Группа античной археологии ЛОИА АН СССР в 1984—1985 гг.	96
<i>О. Н. Усачева.</i> III Всесоюзные чтения памяти профессора В. Д. Блаватского	99
Список сокращений	102

**Памятники
античной археологии**

КСИА, вып. 191
Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии
Академии наук СССР

Редактор издательства Г. Н. Улунян
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор А. М. Сатарова
Корректоры Н. И. Казарина, К. П. Лосева

ИБ № 3609

Сдано в набор 05.12.86
Подписано к печати 09.02.87
А-04642. Формат 70×108^{1/16}
Бумага книжно-журнальная импортная
Гарнитура литературная
Печать высокая
Усл. печ. л. 9,1. Усл. кр. отт. 9,5. Уч.-изд. л. 9,7.
Тираж 2200 экз. Тип. зак. 6102
Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485
Профсоюзная ул., 90.

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.